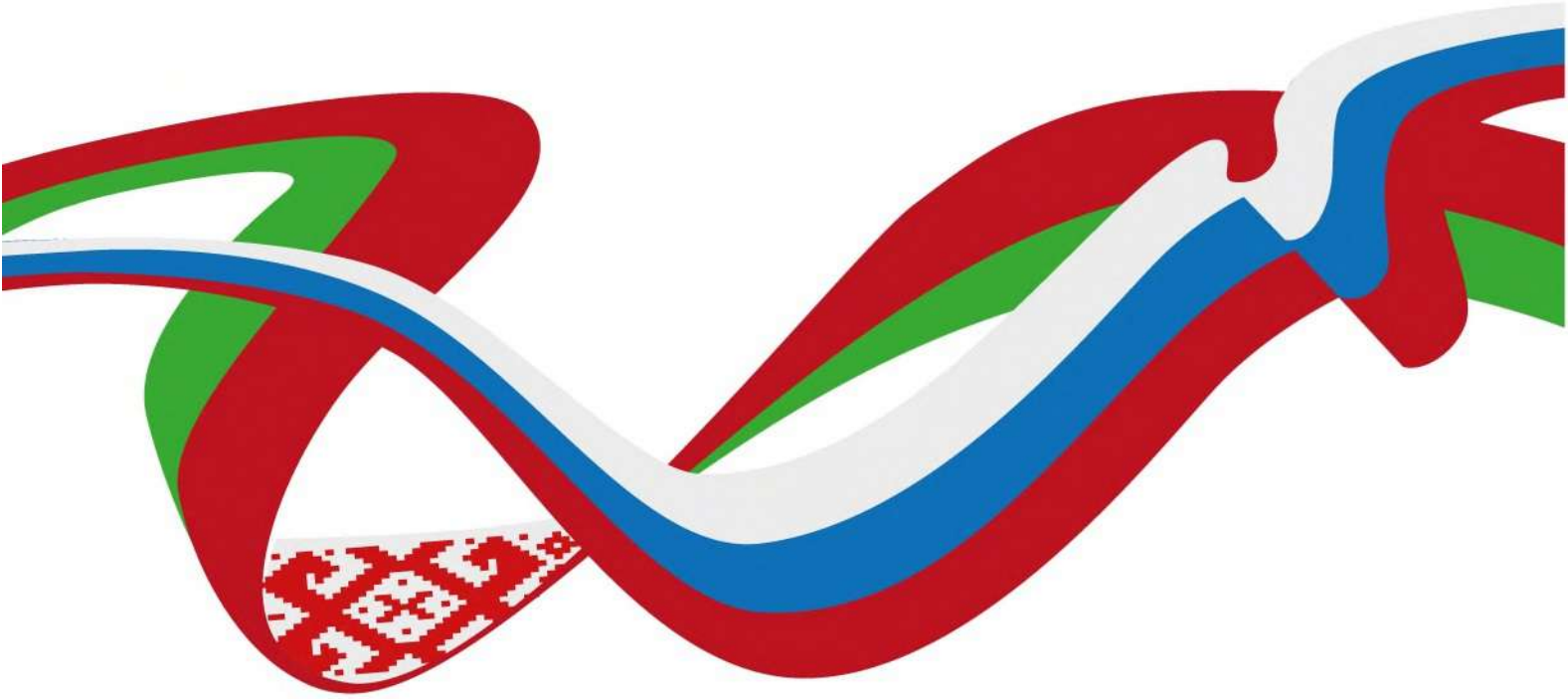
Россия и Беларусь:
история и культура в прошлом и настоящем

Выпуск девятый



Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Смоленский государственный университет
Научно-образовательный центр
«Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем»

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Выпуск девятый

Смоленск
Издательство СмолГУ
2023

УДК 94 (470+476) 063)
ББК 63.3(2)я 431

Р 768

Печатается по решению редакционно-издательского совета СмолГУ

Рецензенты:

Ивонина Л.И., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета;

Брянцев М.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского.

Р 768 **Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем:** материалы исследовательского проекта по белорусоведению и россиеведению / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 9. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. 209 с.

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

В сборнике публикуются материалы по исследовательской проблематике научно-образовательного центра СмолГУ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем»

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

© Авторы, 2023
© Изд-во СмолГУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ……..... 5
ПРЕДИСЛОВИЕ…… 7

Раздел I.
К 25-летию кафедры истории России
Белорусского государственного университета

Яновский О.А., Меньковский В.И.
Коллективный портрет россиеведов Белорусского государственного университета 1920-х гг. …… 18
Курицын А.И.
Региональнальные исследования черносотенного движения в современной историографии (на материалах Поволжья) …….. 29
Латышев К.А.
Российская постсоветская историография истории старообрядчества в БССР в период 1920–1930-х гг. ……. 41
Простакова Ю.С.
Трансформация образа «Запада» в периодической печати Советского Союза во второй половине 1950-х гг. …….. 49
Шао Ици
Анализ основных разногласий в ходе первого раунда переговоров между Китаем и СССР в 1964 г. ……... 57
Веремейчик М.А.
Десоветизация, как совокупность преобразований в исторической политике Российской Федерации …… 64
Косяк Н.А.
Институты коммеморации Республики Кыргызстан во время президентства А.А. Акаева (1991−2005 гг.) …… 75

Раздел II.
Материалы исследовательского проекта по белорусоведению и россиеведению

Шуткова Н.П.
Пластинчатые печные изразцы XVI – XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья как символ искусства и христианского мировоззрения …… 89

Катровский А.П.
Исторические населенные пункты российско-белорусского приграничья: как с ними быть? ……. 100

Ладожина Т.Н., Хомяков В.Г., Царегородцева М.Л.
Новые сведения о «белорусских смолянах» и «смоленских белорусах»: по материалам российских и белорусских источников … 124

Лавринович Д.С.
Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве при Николае II (август 1915 – март 1917 г.): по архивным материалам, воспоминаниям и дневникам современников событий …….. 136

Борисенок Ю.А.
Особенности исследовательских подходов к белорусской проблематике первой половины XX в. в современной польской и российской исторической науке ……... 150

Кодин Е.В.
Белорусский коллаборационизм: современные подходы и оценки … 161

Родионов И.И.
Современное польское белорусоведение на страницах журнала «Studia Białorutenistyczne» (Люблин) …….……... 199

Наши авторы

Борисенок Юрий Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, rodina2001@mail.ru.

Веремейчик Максим Александрович, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, MaxVerym@yandex.ru.

Катровский Александр Петрович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия, alexkatrovsky@mail.ru.

Кодин Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, EVKodin@yandex.ru.

Косяк Никита Александрович, магистр истории, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, nik.kosyak.1998@mail.ru.

Курицын Артем Игоревич, аспирант кафедры истории России БГУ, учитель истории и обществоведения, председатель учебно-методического объединения учителей истории и обществоведения средней школы № 175 г. Минска, г. Минск, Республика Беларусь, dorwward@mail.ru.

Лавринович Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, первый проректор Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, г. Могилев, Республика Беларусь, lavrinovich@msu.by.

Ладожина Татьяна Николаевна, и.о. зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Смоленского государственного института искусств, кандидат педагогических наук, сотрудник НОЦ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» (СмолГУ), г. Смоленск, Россия, zharova7@yandex.ru.

Латышев Кирилл Алексеевич, научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь, latnanbel@gmail.com.

Меньковский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, Menkouski@gmail.com.

Простакова Юлия Сергеевна, аспирантка кафедры истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, prostakova.y@mail.ru.

Родионов Иван Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник НОЦ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» (СмолГУ), г. Смоленск, Россия, vanro.rodionov@yandex.ru.

Хомяков Владимир Георгиевич, председатель Могилевского городского отдела Белорусского географического общества, г. Могилев, Республика Беларусь, 24lisihka1987@mail.ru.

Царегородцева Марина Леонидовна, зав. отделом электронных ресурсов библиотеки Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, caregorodceva@mail.ru.

Шао Ици, магистрант кафедры истории России исторического факультета БГУ, г. Минск, Республика Беларусь, ylayiqi@gmail.com.

Шуткова Надежда Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь, shutkova@msu.by.

Яновский Олег Антонович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, helgoleg@mail.ru.

Предисловие

Уважаемый читатель!

Настоящий сборник по своей структуре несколько необычен в сравнении с предыдущими выпусками. Сделано это в связи с 25-летним юбилеем кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета. По согласованию с белорусскими коллегами было решено посвятить специальный раздел в сборнике этому знаменательному событию.

Как видно на фотографиях, кафедра была (и остается) далеко не малочисленной по своему преподавательскому составу. И если в самом начале ее деятельности кадровый состав был в основном довольно «взрослым», то в течение 10 лет произошло существенное «омоложение» состава сотрудников. Этому в значительной степени способствовала активная и продуктивная работа кафедральной аспирантуры. Такая линия на преемственность поколений и вовлечение в науку молодых преподавателей сохраняется и в настоящее время.

Раздел первый сборника свидетельствует об этом как нельзя лучше. Статья двух профессоров, стоявших у истоков создания кафедры, О.А. Яновского (заведующий кафедрой) и В.И. Меньковского – пример того, как следует чтить память своих предшественников по «историческому цеху», заложивших в Белорусском государственном университете, а по сути и в будущих вузах всей Беларуси, «традиции преподавания истории России и ее научного осмысления».

Далее следуют работы аспирантов и магистрантов кафедры (в том числе бывших), тематика исследований которых весьма разнообразна и относится не только к разным эпохам истории России, но и к отдельным ее регионам.

Так, А.И. Курицын, работая учителем истории и обществоведения средней школы № 175 г. Минска и будучи кафедральным аспирантом, показывает основные тенденции отражения в современной региональной историографии сложных процессов становления и развития черносотенного движения в российском Поволжье. Особое внимание автор обращает на историографическое толкование причин кризиса правого движения, среди которых отмечается и то обстоятельство, что «с исчезновением непосредственной угрозы – революции – исчезает и заинтересованность как общественных сил, так и власти в самих правых, что ими… довольно тонко чувствовалось».

Ныне научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси К.А. Латышев ставит перед собой задачу анализа российской постсоветской историографии, посвященной белорусскому старообрядчеству периода 1920–1930-х гг. Он заключает, что для российской историографии характерно изучение старообрядцев на территории Беларуси как еще одного примера «российского регионального старообрядчества, лишь с некоторым учетом специфики конкретной административно-территориальной единицы». При этом именно этой специфике проживания старообрядцев на территории БССР уделяется, в оценке автора, «минимальное внимание».

Аспирантка кафедры Ю.С. Простакова представляет исследование по проблеме репрезентации образа Запада в периодической печати Советского Союза во второй половине 1950-х гг. За основу взяты публикации в двух центральных газетах: «Правде» и «Известиях». Автор заключает, что в целом западные страны во главе с США продолжали «представляться в образе врага». Но при этом фактор менявшейся международной обстановки и потепления межгосударственных отношений все же приводил к определенной трансформации этого образа – «негативных оценок становилось меньше». Критика экономической системы стран Запада продолжалась также интенсивно. В противовес «преподносились плюсы социалистической системы». Главным же в публикациях по международным вопросам оставалось подчеркивание «исключительной важности стремления Советского Союза к сотрудничеству, особенно на фоне материалов об отсутствии подобных действий со стороны Запада».

Магистрант кафедры Шао Ици хотела бы представить в своей работе анализ основных разногласий, которые имели место в ходе первого раунда переговоров между Китаем и СССР о границах в 1964 г. Анализа, в строгом понимании этого термина, правда, не получилось, но читателю довольно полно представлена общая картина обсуждаемых двумя сторонами вопросов по пограничным территориям. Первые переговоры 1964 г. не привели к подписанию каких-либо соглашений, тем не менее, отмечает автор, они «позволили определить государственные позиции», что послужит «основой для последующих раундов переговоров в 1969–1978 и 1987 гг.» и в конечном итоге позволит «добиться согласования советской и китайской позиций». Хотя сам

переговорный процесс растянется на целых 40 лет, и только в 2004 г. будут «разрешены все недоразумения, оставшиеся из прошлого».

Со значительным политологическим наполнением представил свою работу «Десоветизация как совокупность преобразований в исторической политике Российской Федерации» аспирант кафедры М.А. Веремейчик. По тексту, начиная с названия статьи, сразу же возникают вопросы: а насколько легитимны используемые термины «десоветизация» и «декоммунизация»? Можно ли говорить об «исторической политике» в России в 1990-е годы как о государственной? И другие. Как минимум дискуссионным стоит признать и утверждение автора, что в условиях перестройки и последовавших за ней геополитических изменений 1991 г. «обществом и властью была проведена ревизия советской исторической памяти». Без достаточной аргументации остается и тезис о том, что российская власть «ограничилась лишь вытеснением памяти о Ленине и революции 1917 г. на периферию».

Тем не менее, работа представляет определенный интерес в формате нового виденья молодыми исследователями нашего общего российско-белорусского советского прошлого, в котором автор находит «схожесть с процессами, проходившими в Республике Беларусь в аналогичный период».

В сфере научных интересов кафедра истории России БГУ выходит далеко за территориальные границы современной Российской Федерации, затрагивая и постсоветское пространство бывших республик СССР. Не удивительно поэтому, что аспиранта кафедры Н.А. Косяка привлекает проблематика институтов коммеморации Республики Кыргызстан в эпоху президентства А.А. Акаева. Автором статьи представлена достаточно полная и многовекторная структура учреждений и организаций, занимавшихся вопросами исторической памяти в указанный период как на центральном государственном уровне, так и в отдельных регионах республики и выполнявших роль «трансляторов» на граждан страны «важнейших этапов в становлении кыргызской государственности через призму коммеморативных практик». При этом в работе явно не хватает если не анализа результатов такой масштабной деятельности, то хотя бы характеристики и оценки основных практик / мероприятий, проводимых множеством тематических научно-образовательных и иных центров памяти на протяжении 15 лет.

Во втором разделе сборника представлены материалы исследовательского проекта научно-образовательного центра СмолГУ по разным аспектам

белорусоведения и россиеведения. Очередность работ определяется одним принципом – хронологическими периодами того или иного исследования.

В связи с этим вторая часть сборника «открывается» статьей доцента кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета Н.П. Шутковой, в которой автор представляет пластинчатые печные изразцы XVI – XVIII вв. с территории могилевского Поднепровья не просто как археологические артефакты, а как «символ искусства и христианского мировоззрения». Печные пластинчатые изразцы предлагается рассматривать «как один из способов эстетического освоения действительности через образ», который находил свое исполнение в декоре лицевой пластины. И именно эти сюжеты лицевых пластин «выполняют, – в оценке автора, – коммуникативные функции, устанавливая связь между человеком и искусством или религией». Одновременно стоит заметить, что территориально исследование Н.П. Шутковой выходит непосредственно на границы Смоленской области (к примеру, в свое время Мстиславский уезд находился в составе Смоленской губернии), что может стать побудительным мотивом для трансграничного изучения представленной тематики.

Именно такой подход лежит в основе работы профессора кафедры географии Смоленского государственного университета А.П. Катровского «Исторические населенные пункты российско-белорусского приграничья: как с ними быть?». Поставленный автором в названии статьи знак вопроса вовсе не риторический. Проблема реально требует к себе не только пристального внимания широкого круга специалистов (историков, географов, искусствоведов, градостроителей, представителей других наук и направлений профессиональной деятельности), детального и многогранного обсуждения, но и скорейшей выработки и принятия «верного» решения по историческим населенным пунктам. И это злободневно сегодня как в России, так и в Беларуси, особенно для трансграничных регионов.

Профессор А.П. Катровский выражает свое несогласие с имеющимися сегодня в России официальными критериями, касающимися статуса исторических городов и населенных пунктов, когда на первое место ставится наличие в них объектов национального культурного наследия. И это становится, по сути, единственным условием возможного «попадания в список». В понимании автора, для исторического поселения (города, поселка

или села) «главным критерием должен стать вклад в отечественную и мировую историю, отношение к важнейшим историческим событиям». И к таким поселениям должно быть особое внимание органов государственной власти всех уровней, в том числе и в российско-белорусском порубежье.

Теме российско-белорусских отношений в контексте личностного вклада в их развитие посвящена тематическая публикация части коллектива составителей второго тома биобиблиографического справочника «Белорусские смоляне, смоленские белорусы» Т.Н. Ладожиной (Смоленск), В.Г. Хомякова (Могилев) и М.Л. Царегородцевой (Смоленск). Здесь на примере судеб 10 человек, уроженцев или Смоленщины, или Брестской, Гродненской, Минской областей Белоруссии, показан сложный, кропотливый труд составителей базы данных по поиску, сопоставлению, окончательному согласованию персональных данных по белорусским смолянам и смоленским белорусам. О трудоемкости процесса говорит перечень проработанных источников по каждой представленной персоналии в списке литературы. В общей базе данных уже более 1200 человек.

Статья профессора Д.С. Лавриновича, первого проректора Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова возвращает нас в годы Первой мировой войны, когда Ставку Верховного главнокомандующего, находившуюся в Могилеве, возглавлял император Николай II. Это было в период с августа 1915 по март 1917 г. Исследование базируется на архивных материалах, воспоминаниях и дневниках современников и свидетелей событий.

Работа содержит много интересных описаний бытовых условий могилевского периода в жизни императора, скромно разместившегося в двух комнатах дома губернатора, служивших кабинетом и спальней; довольно строгого распорядка каждого дня Верховного главнокомандующего: около 10 часов утра – доклад Начальника штаба М.В. Алексеева о текущей обстановке, затем – прием министров и других чиновников, приезжавших из Санкт-Петербурга, после 12 часов – завтрак с участием 20 – 25 человек, прогулка по окрестностям Могилева, в 6 часов вечера – обед на 10 – 12 человек, после этого следовала работа с бумагами, перед сном игра в кости или домино.

В статье достаточно детально представлены и другие стороны жизни Ставки в Могилеве: ее кадровый состав, распорядок работы различных подразделений, образ жизни высших чинов Ставки, охрана, вплоть до специальных подразделений противовоздушной обороны и т.д.

В общей сложности, пишет Д.С. Лавринович, император провел в Ставке 350 дней, окончательно покинув Могилев 8 марта 1917 г.

Статья доцента кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ Ю.А. Борисенка – это своего рода практический урок для молодых исследователей, как должен ученый «держать руку на пульсе» не только современной, но и текущей историографии по своему научному направлению. Автор представляет читателю самые свежие публикации по межвоенному периоду истории Польши с белорусской составляющей: первая – монография известного польского историка науки и техники Славомира Лотыша «Пинские болота. Природа, знание и политика на польском Полесье до 1945 года» (2022 г.); вторая – сборник документов «Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы», подготовленный российскими германистами А.Ю. Ватлиным и Л.В. Ланником (2023), в котором «нашлось место… и для документов, позволяющих глубже проанализировать ситуацию на белорусском и польском направлениях».

В целом высоко оценивая результаты семилетнего труда польского исследователя, показавшего с разных сторон (экологической, экономической, политической и др.) польский проект межвоенного периода по осушению земель белорусского Полесья, Ю.А. Борисенок квалифицирует имевшие место наработки как «несбывшиеся планы Польши по колонизации и экономическому освоению полесских территорий», а в самой работе С. Лотыша отмечает некий «привкус геополитической ностальгии».

Сборник документов автор статьи рассматривает как публикацию, стоящую «на переднем крае современной исторической науки: разнообразная по содержанию, насыщенная существенной и значимой для исследователей, в том числе косвенно связанных с советско-германскими отношениями в одном, отдельно взятом 1918 г., снабженная обширным вступительным разделом и обстоятельными научными комментариями к каждому из 182 публикуемых документов». Касательно дипломатической фигуры А.А. Иоффе, автор представляет его как государственника, который «в общем и целом не был чужд идеям интеграции в Советскую Россию утраченных до и по результатам Брестского мира территорий Российской империи».

В довольно объемном исследовании профессора Е.В. Кодина представлена обобщенная характеристика своего рода «двойного коллаборационизма» белорусской националистической верхушки, сначала сотрудничавшей в годы

Великой Отечественной войны с нацистскими оккупационными властями, а затем под опекой и с хорошим финансированием со стороны ЦРУ – в Западной Европе и в Америке. Переходя в формат так называемого «case study», автор показывает на примере проекта американской разведывательной службы «*AEQUOR»* (эй-кор – лат., «водная гладь») подготовку и заброску диверсантов из числа послевоенной белорусской эмиграции на территорию БССР бывшим приспешником фашистов в Белоруссии майором Борисом Рагулей.

Одновременно Е.В. Кодин заключает, что тема белорусского коллаборационизма далеко не исчерпана имеющимися на сегодня исследованиями и будет активно разрабатываться дальше. Называются некоторые предположительные направления: это не столько изучение деятельности отдельных коллаборационистских структур (например, Белорусской центральной рады или Белорусской краевой обороны), сколько дальнейшие попытки показать участие местного белорусского населения в имевших место репрессивных практиках на оккупированных территориях, в том числе и в борьбе с партизанами, в организации новой белорусской школы с нацистской идеологией и др. Ожидаемы, считает автор, и работы по пересмотру концепта изначального зачисления всех сотрудничавших с нацистами белорусов в категорию преступников, действовавших во вред своему государству и народу.

В статье кандидата исторических наук И.И. Родионова аннотируются публикации польского журнала «Studia Białorutenistyczne», издаваемого в университете Марии Склодовской-Кюри в Люблине. Отмечается, что общая тематика статей по белорусской истории строится журналом в рамках польско-белорусских взаимоотношений и польского нарратива. Однако в большинстве исторических публикаций журнала, замечает автор, со всей очевидностью проступает одна линия – польская.

Это явно заметно как по периоду XVI века, когда в исследовании утверждается, что образ Евфросинии Полоцкой XII века «в итоге трансформировался в образ католической Пракседы» XVI века, так и в польско-белорусском историософском споре, в котором одни и те же белорусские земли поляки называют «восточным пограничьем», а белорусы – «Западной Беларусью». При этом польская сторона включает в свое понятие не только территории этнической Беларуси, но и Литвы, Украины и даже юго-восточной Латвии.

В целом, заключает И.И. Родионов, тематика белорусоведческих исторических публикаций на страницах люблинского журнала «Studia Białorutenistyczne», если и не формирует принципиально новых направлений в польском белорусоведении, то стимулирует интерес к изучению белорусской истории в Польше.

В завершении получившегося довольно пространным предисловия следует заметить, что редакция сборника оставляла за авторами полное право на изложение материалов в их концептуальном понимании и с их исследовательской аргументацией. Что, конечно же, не исключало двустороннего общения для уточнений как технического, так и содержательного плана.

Руководитель научно-образовательного центра СмолГУ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», доктор исторических наук, профессор *Е.В. Кодин*

Раздел I

К 25-летию кафедры истории России Белорусского государственного университета

В июне 2023 г. исполнилось 25 лет кафедре истории России Белорусского государственного университета (БГУ). На фоне более чем вековой истории белорусского россиеведения срок достаточный, чтобы оценить сделанное предшественниками и глубже понять уровень современного состояния важного направления университетского образования и, что наиболее существенно, – характера и направлений научных исследований.

Кафедра истории России БГУ, 1999 г.

Без преувеличения можно утверждать, что становление научной школы россиеведения в Беларуси по времени совпадает с началом деятельности БГУ. То есть отсчет развития исторических исследований в этих направлениях следует вести с конца 1921 г., а документально проследить преемственность в изучении и преподавании истории России на уровне специальных учебно-научных структур (кафедр) можно с 1936/1937 учебного года: кафедра истории народов СССР и истории БССР (1936–1937 гг.); кафедра истории народов СССР (1937–1953 гг.); кафедра истории СССР (1953 г. – сентябрь 1974 г.); кафедра истории СССР досоветского периода (сентябрь 1974 г. – август 1991 г.); кафедра истории СССР эпохи социализма (сентябрь 1974 г. – август

1991 г.); кафедра новейшей истории славянских стран (август 1991 г. – июнь 1998 г.). На основе этой кафедры в июне 1998 г. была создана кафедра истории южных и западных славян). Кафедра российской истории (август 1991 г. – январь 1992 г.), которая была сформирована на базе кафедры истории СССР досоветского периода, трансформировалась сначала в кафедру российской и славянской истории (январь 1992 г. – июнь 1998 г.), а затем в современную кафедру истории России (с 8 июня 1998 г.).

Кафедра истории России БГУ, 2009 г.

Следует сказать, что некое подведение итогов деятельности кафедры истории России было уже осуществлено ранее, и в разных форматах. В том числе и на страницах данного сборника[1]. Научная тематика кафедры охватывает все периоды истории Руси, России, Российской империи, Советского Союза, постсоветских государств.

[1] Яновский О.А., Яновская В.В. Российская история в исследовательском поле университетских и академических историков Беларуси 1920–1930-х годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем: материалы международной научной конференции «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11–12 октября 2018 г. / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 4. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. С. 22–38.

Учебные и научные издания кафедры

Можно констатировать, что в Беларуси сложилась прочная научная школа россиеведов, основы которой закладывались с момента образования БГУ, но в полной мере закреплены в годы суверенного развития Республики Беларусь. Ученые кафедры истории России Белорусского государственного университета сегодня развивают достигнутое, строят творческие планы на продолжение исследований в востребованных современными общественно-политическими реалиями направлениях.

Меньковский В.И., Минск, БГУ
Кодин Е.В., Смоленск, СмолГУ

О.А. Яновский, В.И. Меньковский

Белорусский государственный университет

УДК 93/94

Коллективный портрет россиеведов Белорусского государственного университета 1920-х годов.

Ключевые слова: *Белорусский государственный университет; россиеведение; белорусская историческая наука; 1920-е гг.; историография; просопография.*

В статье рассматривается история становления белорусского россиеведения через анализ жизненного пути исследователей, которые справедливо считаются зачинателями этого направления исторического познания. Между поколениями историков существуют как очевидная связь – преемственность в организации и проведении учебного процесса, тематика исследований, так и значительные различия, определявшиеся не только компетентностью тех или иных историков в конкретике их научных интересов, но и временем – то есть необходимостью реагировать в своей профессии на запросы государства, на общественные процессы, на субъективные реакции непосредственных руководителей. Это плеяда историков, которые привнесли в Белорусский государственный университет (БГУ), а тем самым и в Беларусь, новую учебную дисциплину и практику изучения истории России. Их время достаточно краткое и полностью сопряжено со становлением БГУ в 1920-е гг. Россиеведение, едва приобретя зримые очертания в педагогической и исследовательской практике, всецело воплотилось в новом направлении – «истории народов СССР» и «истории СССР».

Для начала ограничимся представлением в контексте «коллективного портрета» белорусских россиеведов тех, кто первыми в 1920-е гг. заложили в Беларуси традиции преподавания истории России и ее научного осмысления. А это, по нашим данным, около 20 историков – уроженцев как самой России, так и Беларуси.

В первом ряду слева направо: 1) Соломон Захарович Каценбоген, 2) Александр Николаевич Вознесенский, 3) Николай Михайлович Никольский, 4) Владимир Иванович Пичета, 5) Всеволод Макарович Игнатовский, 6) Язеп Юрьевич Лёсик, 7) Арсений Алексеевич Михайловский.

Во втором ряду слева направо: 1) Иван Михайлович Соловьев, 2) Семен Яковлевич Вольфсон, 3) Евгений Иванович Боричевский, 4) Александр Антонович Савич, 5) Дмитрий Алексеевич Жаринов, 6) Евгений Константинович Успенский, 7) Илья Яковлевич Герцик.

В третьем ряду слева направо: 1) Владимир Николаевич Перцев, 2) Николай Николаевич Щекотихин, 3) Виктор Васильевич Якунин, 4) Михаил Николаевич Пиотухович.

Оригинал фото хранится в АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 128. Л. 4

На начальном этапе становления и развития в советской Беларуси нового научно-педагогического направления наиболее значимы имена трех профессоров Белорусского государственного университета – В.И. Пичеты, А.А. Савича и Д.А. Жаринова. Правда, вначале предполагалось пригласить в Минск нескольких знаковых фигур. Но, к примеру, А.Ф. Изюмов, хотя и прошел «сито» согласований, однако по известным причинам (изгнан из России на «философском пароходе») так и не появился в Минске. А вот еще не добившиеся профессорских утверждений А.А. Савич и Д.А Жаринов почти

тотчас по приезду в белорусскую столицу стали одними из первых профессоров БГУ. Не регалии, а очевидная научная компетентность сделали их воплощением высокого уровня преподавания курсов по истории России XVII – начала XIX в. (А.А. Савич), истории XIX – начала XX в. (Д.А. Жаринов). Важно, что тот и другой в недолгие годы работы в Минске продолжили исследования по проблематике российской истории и побуждали студентов писать творческие работы.

Но среди них по своей профессиональной компетентности особняком стоит ректор, историк широчайшего исследовательского диапазона **Владимир Иванович Пичета**. Главные этапы «белорусского периода» его жизни изложены на основе документов в специальной книге [14]. Сошлемся на некоторые ее страницы. Ректор первым сам стал читать студентам университета несколько курсов по российской истории, и он же целенаправленно набирал кадры профессоров и доцентов, в том числе россиеведов. Опыта ему было не занимать: до 1917 г. преподавал славянскую и российскую историю в Императорском Московском университете (покинул его в 1911 г. в знак протеста), в народных университетах, в гимназиях и школах различных городов России. Уже в революционный год за монографию «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовского-Русском государстве» историку были присуждены ученые степени магистра и вскоре доктора наук. После октябрьских событий историк воспринял новую власть, стал с ней сотрудничать, а 9 июля 1921 г. его назначили ректором открывавшего свой первый учебный год Белорусского государственного университета.

Профессорско-преподавательский состав БГУ с 1921 г. был разделен на предметные комиссии, которые в течение нескольких лет выполняли современные функции кафедр. Сам В.И. Пичета некоторое время возглавлял экономическую и правовую предметные комиссии и принимал участие в работе исторической. В БГУ прежде всего им были заложены основы изучения и преподавания белорусской, российской, славянской истории.

Владимир Иванович в БГУ читал курсы и, как тогда официально определялись профессорские полномочия, «занимал кафедры» истории России, русской истории, истории русского народного хозяйства и др. Таким образом, именно он всеми поколениями университетских россиеведов воспринимался в качестве основателя кафедры «истории России» и/или «русской истории». Это так, хотя организационное оформление кафедр в качестве самостоятельных

учебно-научных институций, в том числе и истории России, начнется лишь с середины 1920-х гг. В.И. Пичета, помимо нескольких разнообразных спецкурсов по белорусской и польской истории (а все они в содержательной части были сопряжены с российской историей), читал особый спецкурс по истории рабочего движения в России и Беларуси. Отметим, что не без инициатив ректора в правила приема в БГУ были внесены экзамены по русской истории и конституции РСФСР.

В октябре 1929 г., во время очередных перевыборов правления БГУ, В.И. Пичету по указанию бюро ЦК КП(б)Б не переизбрали на новый срок. Он был снят со всех занимаемых должностей, лишен звания академика БАН, а 30 сентября 1930 г. арестован и заключен в ленинградскую тюрьму. Суд вынес приговор: ссылка в Вятку. Несколько лет профессор работал нормировщиком, выполнял другие подобные работы. Потом было освобождение с разрешением преподавать в Воронеже, наконец ученого вернули к семье в Москву. В Минск же он больше на постоянную работу не вернулся. В столице СССР Владимир Иванович целиком сосредоточился на работе в МГУ имени М.В. Ломоносова и АН СССР. Очень осторожно, только в некоторых случаях он возобновлял отношения с коллегами из Беларуси: приезжал оппонировать на защите диссертации Я.П. Шлосбергом, участвовал в разработке нескольких научных тем, в том числе и на университетской кафедре истории народов СССР (например, «Социальный строй крепостной вотчины Смоленского края во второй половине XVIII в.»). Он не раз выступал на научных сессиях АН БССР, выезжал с белорусскими академиками в Белосток, давал интервью белорусской прессе. По поручению «сверху» 18 ноября 1939 г. Владимир Иванович составил обстоятельную научную записку по проблеме определения новых границ Советского Союза – «К вопросу о южной границе БССР». На 15 листах машинописного текста было изложено мнение историка о возможном разграничении белорусско-украинского порубежья. Продолжились и фундаментальные исследования ученого. В издательский план Института истории АН БССР на 1941 г. были включены его монографии «Западный комитет и политика Николая I в Беларуси» и «Источниковедение истории БССР». Активно работал Владимир Иванович над написанием системной истории Беларуси. Когда летом – осенью 1944 г. была освобождена вся Беларусь, в планах возобновивших свою деятельность БГУ и Института истории АН БССР вновь актуализировалась идея подготовки системной

истории белорусов. В.И. Пичета был привлечен к написанию столь важной коллективной работы. Кроме того, он был руководителем коллективной монографии под знаковым названием «Замечательные люди Белоруссии». А в серии брошюр, «связанных с военно-оборонными задачами», была запланирована его работа «Белорусский народ и война 1812 г.».

Без преувеличения, В.И. Пичета стоял у истоков белорусской научно-исторической школы в целом и, конечно же, школы россиеведения.

Незаурядным ученым со сложной судьбой был коллега и близкий товарищ В.И. Пичеты **Александр Антонович Савич**, который также в БГУ уже с 1922 г. занял кафедру российской истории. Одновременно он возглавлял кабинет русской истории, который играл большую роль в учебном процессе и поддержке научных исследований. Он первым стал читать общие и специальные курсы российской истории XVII–XVIII вв., уделяя внимание наиболее значимым событиям, происходившим на украинских землях. Александр Антонович заложил основы исследования церковной истории и истории культуры, истории религиозного и светского образования, изучения объективных и субъективных факторов противостояния России и Речи Посполитой в XVII в.

С его именем связано первоначальное научное и организационное обеспечение преподавания курсов истории России в университете. В это время появились курс истории классовой борьбы, который в первую очередь основывался на примерах российской истории; курс истории России в эпоху империалистических войн и пролетарской революции. В БГУ А.А. Савич напряженно работал над завершением исследования по истории московско-польских отношений в 1600–1619 гг. Затем (с весны 1924 г.) последовал длительный период его деятельности сначала в далекой от Беларуси Перми, потом в Ярославле и Москве. Александр Антонович вновь был востребован в БССР в первые послевоенные годы. В 1944–1946 гг., после переезда в Минск, когда возрождавшийся после войны БГУ остро нуждался в квалифицированных кадрах, опытный россиевед и украиновед возглавлял кафедру истории народов СССР. Приглашение поработать в Минске было вполне взвешенным со стороны белорусских властей: А.А. Савич являлся соавтором официального университетского учебника по истории СССР. И он сразу был задействован при создании 2-го и 3-го томов «Истории Белорусской ССР», которые готовились в стенах АН БССР с привлечением историков БГУ.

Однако в ходе обсуждения рукописи на университетском партсобрании (17 октября 1946 г.) в текстах А.А. Савича оппоненты «вдруг обнаружили», что история народа подменена описанием жизни королей, распространение русской культуры автор связывает только с построением церквей и монастырей, не учитывает классовый подход и т.д. [11, л. 86, 93]. На этом работа профессора Савича в БГУ была закончена.

Его коллега **Дмитрий Алексеевич Жаринов** как историк-россиевед состоялся (он сам это отмечал) благодаря учителям – российским ученым В.И. Герье, П.Г. Виноградову и В.О. Ключевскому. В полной мере он проявил свои глубокие знания, участвуя в написании фундаментальных работ совместно с В.И. Пичетой (юбилейных многотомников «Три века» и «Отечественная война 1812 г. и русское общество»), сотрудничая с Н.М. Никольским (в 1914 г. в соавторстве вышел «Культурно-исторический путеводитель по Музею изящных искусств имени императора Александра III», а в первые постреволюционные годы – «Былое вокруг нас. Книга для чтения по русской истории»). Сам основательно разрабатывал социально-экономические проблемы российской истории XIX в. (в 1913 г. опубликовал работу «К истории помещичьего хозяйства в Тульской губернии»). После 1917 г. Дмитрий Алексеевич был приглашен на профессорскую кафедру в открываемый Смоленский университет, а в июне 1921 г. дал согласие Временному правлению БГУ на «занятие кафедры истории России». И уже 16 августа был утвержден как профессор БГУ. В.И. Пичета в своей рекомендации подчеркнул, что «ни один исследователь крепостного хозяйства кануна реформы не обойдется без исследования Жаринова…». Поэтому, ректор считал, что Д.А. Жаринов «достойный кандидат на кафедру русской истории в Минский Университет». И это при том, что Дмитрий Алексеевич не имел ученой степени [13, с. 280]. Он вел семинары по реформе 1861 г. и по общественным движениям в России первой половины XIX в., истории русского народного хозяйства. Вместе с В.И. Пичетой, А.А. Савичем, В.М. Игнатовским, В.Д. Друщицем на заседаниях предметной исторической комиссии в 1920-е гг. разрабатывал оптимальные (с учетом кадровых возможностей и требований к подготовке специалистов-гуманитариев) учебные планы по российской и белорусской истории. Д.А. Жаринов сразу прослыл авторитетом в части методики преподавания истории и обществоведения, разработал курс методики обществоведения, был научным редактором школьного учебника по этому предмету [1, с. 27; 2, с. 30;

3]. С 1926/27 учебного года для студентов педфака он читал два курса: «Гісторыя Расіі эпохі прыгоннай гаспадаркі» и «Гісторыя Расіі эпохі гандлёвага і прамысловага капіталу» [2, с. 25, 29]. Эти общие курсы дополнялись специальным – «История России в эпоху империалистических войн и пролетарской революции». Высокий авторитет профессора был подчеркнут тем, что в сентябре 1925 г. в БГУ прошло торжественное заседание в честь 25-летней культурной и научной деятельности известного знатока российской истории. Все эти годы рядом с ним в БГУ трудилась и жена – Жаринова Вера Степановна, которая с сентября 1922 г. работала делопроизводителем в канцелярии факультета общественных наук университета [12, л. 13]. Профессор работал в БГУ с первых дней его деятельности и до 1 июля 1928 г. Затем на долгое время имя одного из первых университетских россиеведов вовсе исчезло из информационного пространства, стало недоступным даже для профессиональных исследователей. Лишь недавно судьбу Дмитрия Алексеевича вне БССР и БГУ удалось проследить из переписки историка С.Я. Борового и В.И. Пичеты. Но буквально мельчайшие ее подробности, как оказалось, содержала переписка самого Дмитрия Алексеевича с Владимиром Ивановичем (хранится в фонде В.И. Пичеты Архива РАН). После научной обработки она издана в юбилейной книге, приуроченной к 100-летию БГУ, – «Неизвестный В.И. Пичета» [13, с. 271–295].

Необходимо назвать еще двух россиеведов, имена которых зафиксированы в анналах университетской истории 1920-х гг. Это С.А. Пионтковский и В.Ю. Гессен. Первый из них, **Сергей Андреевич Пионтковский**, выпускник 1914 г. историко-филологического факультета Казанского университета, был оставлен в родной alma mater для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Участие в революционном движении, затем вступление в РКП(б) позволило ему в 30 лет стать профессором Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, преподавать в МГУ, Истпарте, Комакадемии, Институте красной профессуры, Московском институте философии, литературы, работать в АН СССР, быть заместителем редактора журнала «Пролетарская революция» и автором многих работ по истории революции и гражданской войны (можно назвать его книги «Краткий очерк истории рабочего движения в России» (1925); «Очерки истории России в XIX–XX вв.» (1928); «Очерки истории СССР XIX–XX вв.» (1935);

«Буржуазная историческая наука в России» (1931); хрестоматии по истории Октябрьской революции и Гражданской войны и др.).

С.А. Пионтковский, как об этом свидетельствуют материалы НАРБ, не раз приглашался в БГУ для преподавания новейшей истории России – уже с того времени, как вырос его авторитет знатока истории «Великого Октября». Правда, найти прямых доказательств пребывания Сергея Андреевича в стенах БГУ пока не удалось. Но известно, что он был избран членом-корреспондентом АН БССР, а в современных интернет-ресурсах его называют «белорусским историком». Хотя о подробностях и обстоятельствах его «белорусского периода» жизни и сегодня трудно узнать, даже прибегая к специальным изданиям по истории АН БССР и ее Института истории. Упоминания об этом периоде отсутствуют и в специальных исследованиях современных российских историков [9–10].

Трагизм судеб многих советских историков, безоговорочных адептов власти, но лишь постигающих ее сакральность, передает один факт: во время заключения в ленинградских «Крестах» В.И. Пичета читал произведение русского помещика XVIII в. Андрея Болотова «Жизнь и приключения, описанные им самим для потомков» с предисловием С.А. Пионтковского к советскому изданию 1930 г. И на титульном листе этой книги 27 февраля 1931 г. он написал обращение к родным, которое можно воспринимать и как исповедь: «Я веду страшную борьбу с самим собой, стараюсь спасти себя от маразма, ибо едва ли Сталин обратит внимание на мою просьбу.... Если свободы не будет, то лучше смерть, и я в том или другом виде ее найду». В это время Сергей Андреевич, в отличие от своего старшего коллеги, приглашавшего его годами ранее в БГУ для чтения лекций по российской и советской истории в «духе марксизма», по-прежнему находился на взлете карьеры. В скором времени ему и группе историков будет поручено разработать текст нового учебника – по истории СССР, следуя установкам сталинского прочтения прошлого России и всех советских республик. Однако угодить власти не удастся. Осенью 1936 г. по обвинению в членстве в «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации» историка арестовали и затем расстреляли (захоронен на Донском кладбище).

Владимир Юльевич Гессен родился в семье известного историка. Высшее образование он стал постигать уже в советское время, поступив в

1918 г. на историко-филологический факультет Петроградского университета. Но затем оказался втянутым в Гражданскую войну, в качестве красноармейца участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. В наступившее мирное время его научная квалификация окрепла при подготовке и издании книги «Вечевой суд в Новгороде и Пскове», серии статей «К истории ремесленного труда в древней Руси», но прежде всего во время учебы в аспирантуре (в том числе Комакадемии). Педагогический опыт набирал, работая ассистентом профессора Е.А. Мороховца в Московском университете. Возможно, именно в 1927–1928 гг. на него и обратил внимание В.И. Пичета, бывший в тесных творческих отношениях с Евгением Александровичем. Как бы там ни было, но с 1929 г. В.Ю. Гессен стал эпизодически преподавать в БГУ, осваивая новую учебную дисциплину «история народов СССР». А по окончании в 1930 г. аспирантуры (без защиты диссертации) он переехал в Минск и был утвержден в должности доцента по новой же кафедре – истории народов СССР педфака университета, а затем и ее заведующим. Можно считать, что именно Владимир Юльевич первым возглавил подобное структурное учебно-научное подразделение – кафедру в современном ее формате. С лета 1931 г. он в связи с реорганизацией БГУ и созданием на основе его педфака Минского высшего педагогического института продолжил преподавание истории народов СССР в этом учебном заведении и как доцент, и как заведующий соответствующей кафедры.

В БГУ, а затем в МВПИ В.Ю. Гессен читал лекции по истории России «эпохи феодализма и крепостничества», стал готовить аспирантов, являлся научным сотрудником Института истории партии и Института истории Белорусской АН. Весной 1933 г. его арестовали. В Национальном архиве Беларуси сохранились документы, в которых историк обвинялся в троцкизме, в «протаскивании антипролетарской идеологии», как «апологет белорусского кулачества» и т.д. [15, с. 714]. Однако его «делу» не дали ход и, более того, назначили директором Белорусского исторического музея. Но все же в скором времени (1934) Владимир Юльевич был вынужден покинуть беспокойный Минск и до 1940 г. работал в вузах и научных учреждениях Ленинграда, стал кандидатом исторических наук (без защиты диссертации). За короткий «минский период» своей творческой карьеры он написал и опубликовал несколько статей, отразивших как научные пристрастия, так и включенность в политические процессы [4–8]. Интересно, что и в дальнейшем В.Ю. Гессен

продолжил исследовать проблемы белорусской истории: готовил монографию по восстанию 1863 г. в Польше, Литве, Беларуси и Украине. Но в 1940 г. последовали арест, суд и 8 лет ссылки. После освобождения Владимир Юльевич сменил несколько мест работы, прежде чем закрепиться в пединституте Сыктывкара, где даже возглавил кафедру истории народов СССР.

В целом можно отметить, что В.Ю. Гессен стал как бы неким «переходным звеном» от начального периода развития белорусского россиеведения в 1920-е гг. ко времени кардинальных изменений 1930-х гг. Он первым возглавил профильную кафедру и, будучи уроженцем России, стал достаточно активно исследовать историю Беларуси в контексте российской истории. За ним последовали другие историки, которых белорусское руководство буквально выискивало в Москве и Ленинграде, чтобы укрепить кадрами ставший столь политически значимым учебный курс «История СССР», а заодно и привнести в БГУ традиции «российского россиеведения».

В статье авторы сконцентрировали внимание на тех «белорусских россиеведах», которые родились в России и которые в 1920-е гг. закладывали основы данного направления исторических знаний в Беларуси. Конечно, нельзя ограничиться только ими для полноценного представления «терний и звезд», которыми была устлана дорога познания сначала именно российской истории, а затем ее же, но в формате «Истории СССР». Ведь в эти годы в стенах Белорусского государственного университета сформировалась научная компетентность и уроженцев Беларуси, которые встали за университетские кафедры, преподавали и вели научные исследования. Имена их нам известны, но полноценный рассказ оставим для следующей публикации.

Литература

1. Агляд выкладаньня на 1-ым курсе Педагагічнагат Факультэту Бел. Дз. Ун-ту. Менск, 1926. 66 с.
2. Агляд выкладаньня на педагагічным факультэце Бел. Дз. Ун-ту. Менск, 1927. 68 с.
3. Асьвета. 1926. № 4.
4. Гесэн У.Ю. Нацыянал-дэмакратычная гісторыя беларускай літаратуры // Бальшавік Беларусі. 1930. № 10–12. С. 110–123.
5. Гесэн У.Ю. Да пытання аб перадумовах Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Беларусі // Бальшавік Беларусі. 1932. № 14. С. 31–44.
6. Гесэн У.Ю. Супраць трацкістскай прапаганды // Камуністычнае выхаваньне. 1932. № 4–5. С. 11–119.
7. Гесэн У.Ю. Сялянская барацьба ў Беларусі напярэдадні рэформы 1861 г. // Савецкая краіна. 1932. № 6. С. 16–34.

8. Гессен В.Ю. Крестьянский вопрос в помещичьих проектах реформы 1861 г. в Белоруссии // Исторический сборник. 1934. № 2. С. 117–167.
9. Дубровин В.Ю. Историк С.А. Пионтковский: Исследование жизни и творчества» Казань, 2002. 224 с.
10. Литвин А.Л. Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994. С. 95–121.
11. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). Ф. 142. Оп. 1. Д. 10.
12. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 55.
13. Неизвестный В.И. Пичета / сост., предисл., примеч. М.Ф. Шумейко, В.В. Яновская, О.А. Яновский. Минск: Изд. центр БГУ, 2021. 411, [2] с.
14. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2011. 375 с.
15. Улада і грамадства: БССР у 1929–1939 гады: у дакументах Сакрэтнага аддзела / Асобага сектара ЦК КП(б)Б; склад., аўтар прадмовы І. Раманава. Вільня: Логвінаў, 2019. 1020 с.

O.A. Yanovsky, V.I. Menkouski
Belarusian State University

Collective portrait of a Russian studies scholar at the Belarusian State University in the 1920s.

Key words*: Belarusian State University; Russian studies; Belarusian historical studies; 1920s; historiography; prosopography.*

The article examines the history of the formation of Belarusian Russian studies through an analysis of the life path of researchers who are rightly considered the founders of this direction of historical knowledge. Between generations of historians there are both obvious connections - continuity in the organization and conduct of the educational process, research topics, and significant differences, determined not only by the competence of certain historians in the specifics of their scientific interests, but also by time - that is, the need to respond in their profession to the requests of the state, to social processes, to the subjective reactions of immediate superiors. This is a galaxy of historians who brought a new academic discipline and practice of studying the history of Russia to the Belarusian State University (BSU), and thereby to Belarus. Their time is quite short and is completely associated with the formation of BSU in the 1920s. Russian studies, having barely acquired visible outlines in pedagogical and research practice, were completely embodied in a new direction - "the history of the peoples of the USSR" and "the history of the USSR."

А.И. Курицын

Белорусский государственный университет

УДК 93/94

Региональнальные исследования черносотенного движения в современной историографии (на материалах Поволжья)

Ключевые слова: *черносотенцы; крайне правые; монархисты; современная историография; Поволжье.*

В настоящей статье рассматриваются особенности исследования черносотенного движения в современной региональной историографии. Анализируются основные темы исследований. Особое внимание уделено изучению правых в материалах, посвященных Поволжью.

Общественно-политическая жизнь Российской империи конца XIX – начала XX в. характеризовалась рядом особенностей, которые придавали ей несомненное своеобразие. Среди таковых необходимо назвать появление легальных политических партий после обнародования Манифеста 17 октября. Это дало необходимую почву для образования правоконсервативных организаций, таких как Союз русского народа (СРН), крупнейшего черносотенного объединения в 1905–1917 гг.

Между тем, для правого движения была характерна высокая степень децентрализации: осенью 1905 г. появилось большое количество организаций консервативного направления, имевших организационную самостоятельность. И несмотря на то, что на протяжении 1905–1907 гг. подавляющее большинство из них вошло в состав Союза русского народа, они смогли сохранить значительную долю самостоятельности, что в дальнейшем позволяло им действовать автономно от Главного совета СРН.

Существенный вклад в дезорганизованность крайне правых – как на местном, так и на общероссийском уровне – внесли два крупных раскола. В 1907 г. произошло отделение Русского народного союза имени Михаила Архангела (СМА) во главе с В.М. Пуришкевичем, а в 1909 – 1912 гг.

происходит институционализация Всероссийского дубровинского союза русского народа (ВДСРН) во главе с бывшим главой СРН А.И. Дубровиным. Это привело к тому, что в одном и том же городе могли быть открыты несколько отделов правых организаций, находившихся между собой в достаточно напряженных отношениях.

Изучение деятельности черносотенных объединений начинается практически с момента появления первых объединений и союзов. Так, уже в 1906 г. появляется монография Н.Д. Носкова «Охранительные и реакционные партии в России», в которой он, как, отмечает Д.В. Карпухин, рассматривал «черносотенное движение как воплощение русской реакционной традиции, восходящей к эпохе петровских реформ» [2, с. 44]. В это же время появляется работа В. Меча «Силы реакции» (1907), В.О. Левицкого «Правые партии» (1914) и другие.

События 1917 г. не прервали исследование правомонархических организаций, и в первое десятилетие советской власти выходит ряд трудов, направленных на изучение черносотенства.

Среди наиболее известных работ данного периода необходимо указать публикации Б. Кандидова «Крестом и нагайкой», увидевшие свет в 1928 г., Г.Д. Костомарова «Черная сотня под флагом религии в 1905 г.» и ряд других изданий.

Выходит сборник документов и материалов «Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г.», изданный в 1929 г. и представляющий несомненный интерес и поныне. Предваряющая публикацию статья В.П. Викторова не только имеет историографическое значение, но и обладает самостоятельной научной ценностью. Небезынтересны выводы, касающиеся причин расцвета деятельности черносотенцев в Нижнем Поволжье в 1908–1912 годах. По мнению автора, успех правых объясняется тем, что широким массам импонировала позиция черносотенцев по ряду социально-экономических вопросов, заключавшаяся, помимо прочего, «в ненависти союзников к крупному капиталу» [14, с. 16].

Однако уже в конце 1930-х гг. исследование правомонархической тематики становится невозможным вплоть до 1970-х гг., когда вновь начинают появляться тематические публикации. Одной из важнейших работ данного периода следует назвать коллективную монографию под редакцией И.И. Минца

«Непролетарские партии в России. Урок истории». Особого внимания заслуживает анализ деятельности и положения правых организаций и партий в период Первой мировой войны. В частности, в исследовании отмечается стремление черносотенцев на рубеже 1914–1915 гг. к координации взаимодействия, что вылилось в организации ряда общемонархических съездов «в Саратове, Петрограде, Нижнем Новгороде» [8, с. 220].

Но по-настоящему качественный скачок в изучении деятельности правых организаций наступает после 1991 г., в связи со снятием ряда идеологических ограничений, существовавших в советскую эпоху, и происходившими в то время переменами [15, с. 12]. Д.В. Карпухин отмечает, что именно с исследования С.А. Степанова «Черная сотня в России (1905–1914 гг.)», выдержавшего три издания, начинается «современный этап изучения правомонархического движения» [2, с. 38].

За несколько последних десятилетий вышло существенное количество работ, затронувших совершенно разные стороны черносотенной деятельности, что, несомненно, требует историографического осмысления. Среди исследований, в которых рассматриваются особенности изучения правых союзов на современном этапе, необходимо отметить монографию Д.В. Карпухина «Черная сотня – вехи осмысления в России» и докторскую диссертацию В.Г. Кичеева «Отечественная историография помещичьих и буржуазных партий России».

Работа Д.В. Карпухина «Черная сотня – вехи осмысления в России», подготовленная на базе его кандидатской диссертации «Отечественная историография черносотенных союзов и организаций», особое внимание уделяет специфике «истории крайне правого движения в отдельных регионах» [2, с. 39]. Отмечая работы, посвященные правомонархическим объединениям Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, автор указывает, что «эти труды в совокупности можно обозначить как региональную историографию черносотенного движения» [2, с. 39]. Одной из отличительных черт данного исследования является то, что рассмотрение исторических проблем, связанных с изучением правого движения, построено на основе анализа досоветской, советской, современной и региональной историографии. Важно подчеркнуть, что все работы, относящиеся к изучению правого движения в регионах, вышли после 1991 г.

Несомненный научный интерес представляет исследование В.Г. Кичеева «Отечественная историография помещичьих и буржуазных партий России», во второй главе которого автор анализирует проблемы историографического осмысления изучения правомонархического движения. Он также обращает внимание на такую особенность как появление большого количества исследований, касающихся деятельности региональных отделений правых «организаций на Урале, в Воронежской губернии, Центральном Черноземье и в Поволжье» [3, с. 26]

Однако специального труда, посвященного историографии правого движения на современном этапе, в настоящее время не создано. Тем не менее имеется ряд статей, в частности В.Г. Кичеева «Современная российская историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX века», Г.А. Ивакина «Изучение черносотенства в современной Российской исторической науке: критический подход и новая мифология» и др.

В.Г. Кичеев, отмечает, что важная особенность изучения правого движения – появление «публикаций, освещающих деятельность региональных отделений черносотенных партий и организаций» [4, с. 87]. С этим мнением согласен и Г.А. Ивакин, подчеркивающий, что за последнее время «было создано значительное количество научных трудов, посвященных черносотенным союзам и организациям, существовавшим в российских регионах» [5, с. 404].

Изучение имеющейся историографической литературы позволяет выделить регионы, ставшие объектом исследования со стороны историков. Это в первую очередь Поволжье, Сибирь, Урал, Центральная Россия. Имеются отдельные работы по черносотенцам европейского Севера России, на Дону, Вятско-Камского региона. В то же время рассмотрение политической деятельности черносотенцев стало важным направлением при изучении общественно-политической жизни других регионов, в частности Северного Кавказа и Забайкалья.

Одним из главных центров деятельности черносотенцев было Поволжье. Сочетание особенностей социально-экономического, межнационального и религиозного факторов привело к тому, что здесь действовало большое количество как самостоятельных, так и подчиненных СРН организаций, что сделало данный регион особенно привлекательным для исследователей, занимающихся черносотенным движением.

В частности, привлекла внимание исследователей деятельность правых как в Верхнем [9; 11; 12; 17], так в Среднем [1; 6] и Нижнем Поволжье [7; 10; 13; 16].

Для деятельности черносотенцев в Поволжье, были характерны те же проблемы, что и для столичных организаций, однако в силу масштаба как успехи, так и неудачи движения становились гораздо более заметными, что позволяет сфокусировать внимание на его характерных особенностях.

Это же позволяет выявить определенные тенденции в историографии деятельности черносотенных партий и организаций в целом.

Характеризуя деятельность правых Верхневолжского региона, М.Л. Размолодин отмечает, что наиболее успешным и самостоятельным стал отдел Союза русского народа в Ярославле, возглавляемый И.Н. Кацауровым. Как указывает автор, местное объединение черносотенцев, несмотря на принадлежность к СРН, было зарегистрировано как «самостоятельная и независимая от головной организация, действующая на основании собственного устава» [11, с. 55].

Уже здесь мы можем наблюдать характерную особенность правомонархического движения, о которой говорилось выше: несмотря на принадлежность к общероссийской организационной структуре, правые на местах в большинстве случаев подчеркивали свою значительную самостоятельность и независимость.

Так же важно отметить, что успех деятельности ярославского отдела СРН во многом был связан как с объективными факторами – подъемом революционного движения и соответствующим противодействием ему со стороны консервативной части общества, так и субъективными, в частности с личностью И.Н. Кацаурова. Его энергичность и заинтересованность в деле сыграли значимую роль в этом.

Полуавтономность существования местных отделов особенно ярко проявилась во время кризиса, связанного с расколом Союза русского народа в 1909–1912 гг. и с идеологическими разногласиями в среде правых. «Обновленцы» во главе с Н.Е. Марковым признавали необходимость Государственной думы, выступали за поддержку П.А. Столыпина и его реформ, в частности разрушение крестьянской общины. Консерваторы, получившие по названию своего лидера – бывшего председателя СРН А.И. Дубровина –

название «дубровинцы», считали и наличие Думы, и собственно разрушение общины злом, с которым невозможно мириться.

Как отмечает М.Л. Размолодин, большинство «отделов губерний Верхнего Поволжья выступили на стороне Дубровина. Обновленцам удалось создать параллельные структуры в Костромской и Владимирской губерниях, которые не могли конкурировать с верными Дубровину отделами» [11, с. 235].

Другая тенденция проявилась при образовании правых организаций в Нижегородской губернии. Здесь изначально, также в октябре 1905 г., была создана своя местная организация правых – «Белое знамя». Однако уже впоследствии, в 1906 г., она становится местным отделом СРН, сохранив существенную долю самостоятельности.

Таким образом, почти одновременно в одном и том же регионе, как и по всей Российской империи, проявляются две характерные особенности правого движения, совершенно справедливо подмеченные исследователями. Создание новых организаций происходило путем или институционализации местных отделений столичной структуры, или сразу же формирования самостоятельной организации, впоследствии входящей – на тех или иных условиях – в состав СРН.

Так же происходило, как отмечает И.В. Омельянчук, формирование правых партий во Владимирской губернии. В ноябре 1905 г. был создан «Союз Партия Русских Православных Людей г. Шуи и уездов Владимирской губернии» [9, с. 29]. Данная организация, входя в 1906 г. в состав СРН, сумела сохранить «свое название и программные документы, а вместе с ними и известную автономность от СРН. А после раскола последнего ШСРПЛ вновь дистанцировался от Союза русского народа, даже приняв в этих видах новый устав» [9, с. 53]. Аналогичным образом поступила и другая владимирская организация – Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия.

Важной проблемой современной историографии правого движения является социальный состав черносотенных организаций. Как показал ряд исследований, это достаточно сложный вопрос. Его неоднозначность заключается в том, что в зависимости от региона, и даже от губернии, участниками правых организаций могли быть люди разного социального происхождения.

Так, анализируя происхождение членов местной нижегородской организации «Белое знамя», А.А. Фоменков отмечает, что большую часть ее

участников в социальном плане составляли крестьяне, что в целом коррелируется с общероссийской тенденцией, а наибольшее распространение она получила в тех населенных пунктах, где не было «крупных промышленных предприятий» [17, с. 78].

В то же время во Владимирской губернии мы наблюдаем иную ситуацию. По материалам И.В. Омельянчука, «наиболее массово в монархическом движении во Владимирской губернии был представлен пролетариат» [9, с. 192]. Автор это объясняет тем, что большинство рабочих региона являлись таковыми в первом поколении, а около трети имели свою землю.

Характеризуя проблемы правого движения, К.С. Рубанков приходит к заключениям, которые вполне соотносятся с тем, что происходило с правыми на территории Российской империи в целом. Окончание революции 1905–1907 гг. негативно сказалось на монархическом движении. Исчезновение угрозы для монархии со стороны леворадикальных сил сделало существование правого движения если не бессмысленным, то неочевидным. В результате уменьшается поддержка как со стороны общества, так и со стороны правительства [12, с. 27]. Помимо этого разобщенность черносотенцев и их явная неспособность объединиться ради общего дела плохо сказывались на совместной деятельности, что становится одной из причин «апатии рядовых монархистов» [9, с. 441].

Важно отметить, что в деятельности правых партий в Нижнем и Среднем Поволжье имелись свои особенности. В частности, здесь действовали достаточно сильные и самостоятельные организации правых: Царско-народное русское общество в Казани (ЦНРО), Православный Всероссийский братский союз русского народа в Саратове (ПВБСР), Астраханская народно-монархическая партия (АНМП) [6, с. 4].

Уже это выделяет данный регион на фоне остальных, в которых, как известно, наблюдался процесс «поглощения» местных организаций Союзом русского народа. Это не означает того, что вышеуказанные организации не испытывали существенного влияния СРН, однако что делало их более самостоятельными, что довольно рельефно проявилось в Казанской, Саратовской и Астраханской губерниях.

Анализируя процесс возникновения и развития черносотенного движения в Среднем Поволжье, И.Е. Алексеев отмечает, что он «происходил в различных губерниях и регионах страны с разной степенью интенсивности, что напрямую

вытекало из их внутренней специфики» [1, с. 14]. Характеризуя положение Казанской губернии, он указывает на особенности социально-экономического и этноконфессионального характера, имевшие непосредственное влияние на «политический облик и программы» местных правых, в частности вызванные «превалированием крестьянского населения над всем остальным, а также частыми неурожаями и проблемами крестьянского безземелья и малоземелья» [1, с. 14–15]. Вторым существенным фактором называется «этническая и религиозная специфика (характеризовавшаяся относительным тройственным равновесием русского, татарского и чувашского населения)» [1, с. 15]

Рассматривая деятельность Царско-народного русского общества, фунуционировавшего в Казани, Е.М. Михайлова отмечает его особую позицию по ряду вопросов. В частности, ЦНРО и его лидер В.Ф. Залесский декларировали лояльное отношение «к местным неправославным вероисповеданиям» и говорили «о праве на свободу вероисповедания других религий (кроме иудаизма и язычества)» [6, с. 33].

Иным было также восприятие со стороны казанских монархистов и проблемы местного самоуправления. Они «выступали за областную форму самоуправления, за ликвидацию подчиненности земского самоуправления Министерству внутренних дел», а также за организацию прямого взаимодействия между верховной властью и земскими учреждениями [6, с. 34].

Более сложным было и отношение ЦНРО к проблеме существования крестьянской общины. Если «обновленцы» во главе с Н.Е. Марковым в этом вопросе шли за П.А. Столыпиным, а дубровинцы прямо выступали против разрушения общины, то Царско-народное русское общество считало необходимым совместить «достоинства личного и общинного владения землей» в общинно-хуторском землевладении [6, с. 36].

Для исследований, посвященных Нижнему Поволжью, весьма характерно пристальное внимание к проблеме взаимодействия правых и духовенства.

Одной из первых работ на эту тему, стало диссертационное исследование О.Н. Савицкой «Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг.: по материалам Саратовской губернии» 2001 г.

В данной работе большое внимание уделено проблеме православного монархизма, понимаемого автором как «консервативно-охранительное течение в ПРЦ и общественно-политической жизни России начала XX в., которое, основываясь на идеях сохранения монархии, возрождения государственных

устоев Московской теократии и идеалах "Святой Руси"» [13, с. 203–204]. Соответственно целью этого течения общественно-философской мысли и политической практики являлось установление особого положения православной церкви в жизни России в самом широком смысле, а способом достижения было правомонархическое движение [13, с. 204].

Как указывает О.Н. Савицкая, прямым следствием этого стало то, что значительная часть местных объединений правых союзов было создано при прямом участии духовенства, которое или выступало учредителями, или возглавляло региональные организации. Данная тенденция проявилась во многих регионах России, в частности в Сибири, но весьма выпукло и полно именно в Саратовской губернии [там же].

Также автор уделяет большое внимание деятельности епископа Гермогена (Г.Е. Долганова) и иеромонаха Илиодора (С.М. Труфанова) в Саратове как в период Первой русской революции, так и в последующие годы.

Эта тенденция была продолжена в диссертации Г.М. Платонова «Православная церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России. 1900–1914 гг. (на материалах Саратовской губернии)». Автор, анализируя положение православной церкви в Российской империи, отмечает, что в данный период наблюдалось тесное переплетение общественно-политической и религиозной жизни в России, свидетельством чего являлись попытки епископа Гермогена стать духовным лидером общероссийского масштаба [10, с. 14]. Однако, имея как «фанатичных поклонников, так и непримиримых противников», священнослужитель в своей острой критике окружающей действительности – как в области политики, так и духовной жизни, потерял всякую меру, что вылилось в череду конфликтов с Синодом и правительством, которые приводят к его отставке в 1912 г. и отправлению «на покой» [Там же].

В 2008 г. А.И. Мраморнов защищает кандидатскую диссертацию «Епископ Гермоген (Долганов) в церковной и общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX вв.», посвященную роли вышеуказанного архиерея в судьбах не только Саратовской губернии, но и Российской империи в целом. Анализируя политическую деятельность епископа Гермогена, автор существенное внимание уделяет той роли, которую при нем играл иеромонах Илиодор (Труфанов), впоследствии благодаря проповедям сделавшийся знаменитостью общероссийского масштаба. Однозначно оценивая деятельность

Илиодора, А.И. Мраморнова замечает: «Гермоген оказался виновником того, что вредная и для Церкви, и для государства, и в конечном итоге – для российского общества – деятельность иеромонаха смогла принять» в регионе такой размах [7, с. 15]. Как известно, Илиодор, поддержанный епископом Гермогеном, в своей критике государственной власти Российской империи шел еще дальше своего патрона. Это, учитывая сложность социально-экономических отношений в регионе, выражавшихся, помимо прочего, «аграрном голоде», привлекало к ним широкие массы людей, но в то же время существенно ухудшило отношения как с губернской властью, так и с центральной, что в конечном счете приведет к изгнанию их из Саратова.

Существенное значение в деятельности епископа Гермогена сыграл «Православный всероссийский братский союз русского народа», созданный в 1907 г. в результате раскола в саратовской организации СРН. Это произошло вследствии категорического неприятия епископом §3 Устава СРН, который допускал принятие в члены Союза старообрядцев, что было неприемлемым для Гермогена. В результате последовавшей дискуссии и нежелания как руководства Союза русского народа, так и саратовского архиерея идти на компромиссы произошло организационное размежевание [16, с. 14].

Важно отметить, что, не представляя в идейно-политическом значении уникального явления, ПВБСРН был силен прежде всего своими харизматичными лидерами: епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором, игравшими в организации ведущую роль. После того, как их деятельность была прекращена церковными и государственными властями, начался постепенный распад организации. Важную роль в распространении взглядов епископа Гермогена играла не только церковно-проповедническая деятельность, но и наличие своего периодического издания, газеты «Братский листок» [16, с. 16].

Таким образом, изучение правого движения в региональных исследованиях на примере Поволжья показывает, что наиболее актуальными направлениями являются формирование правомонархических организаций, особенности их социального состава.

Не будет преувеличением сказать, что фактически черносотенное движение стало одним из вариантов ответа на вызовы модернизационных процессов, имевших место в Российской империи в начале XX века. Модернизация, ломавшая привычную картину мира, была одинаково неприемлема для различных слоев общества, как привилегированных, так и нет. Соответственно, правые, предлагавшие простые ответы на сложные

вопросы, получили поддержку в тех регионах, где наблюдались определенные проблемы межнационального взаимодействия, отягощенные сложным социально-экономическим положением населения.

Современные исследователи вместе с тем существенное внимание уделяют причинам кризиса правого движения, начавшегося в 1910-х гг., среди которых отмечается то, что с исчезновением непосредственной угрозы – революции – исчезает и заинтересованность, как общественных сил, так и власти в самих правых, что ими, по мнению авторов, довольно тонко чувствовалось.

Однако историками также отмечается тот несомненный факт, что внутренние противоречия и амбиции лидеров движения также сыграли существенную роль в том, что широкие слои населения, поддержавшие правых в 1905–1907 гг., стали к 1914 г. глубоко равнодушны по отношению к ним.

Спецификой деятельности черносотенных организаций Казанской губернии было, как установлено исследователями, особое отношение к ряду вопросов, волновавших правых. В частности, они имели свой взгляд на то, как необходимо строить взаимоотношения с местной мусульманской общиной, а также на проблемы самоуправления и разрушения общины.

Особенностью анализа, посвященного Нижнему Поволжью, является пристальное внимание к проблеме взаимодействия церкви и монархического движения в регионе. Связано это во многом с личностью епископа Гермогена, возглавлявшего Саратовскую епархию. Исследования, рассматривающие роль местного архиерея и духовенства, показывают высокую степень влияния православной церкви на монархическое движение в регионе.

В целом важно отметить, что региональные исследования вносят существенный вклад в уточнение ряда положений, считающихся общепризнанными касательно численности правых, особенностей возникновения монархических объединений, непосредственных причин, приведших к тому, что они не сыграли никакой значимой роли в событиях февраля 1917 г.

Литература

1. Алексеев И.Е. Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии (1905–1917 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 1997. 22 с.
2. Карпухин Д.В. Чёрная сотня: вехи осмысления в России. М., 2009. 388 с.
3. Кичеев В.Г. Отечественная историография помещичьих и буржуазных партий России: автореф. дис. д-ра. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 51 с.
4. Кичеев В.Г. Современная российская историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. С. 84–92.
5. Ивакин Г.А. Историография черносотенного движения: этапы становления // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3-4. С. 397–408.

6. Михайлова Е.М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра. ист. наук. Казань, 2007. 51 с.

7. Мраморнов А.И. Епископ Гермоген (Долганов) в церковной и общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Москва, 2008. 19 с.

8. Непролетарские партии России: урок истории / Х.М. Астрахан, В.П. Булдаков, О.В. Волобуев [и др.]; под общ. ред. И.И. Минца. М.: Мысль, 1984. 565 с.

9. Омельянчук И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. М., 2022. 444 с.

10. Платонов Г.М. Православная церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России. 1900–1914 гг. (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 2003. 20 с.

11. Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. 248 с.

12. Рубанков К.С. Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 – февраль 1917 гг. (на материалах Костромской и Владимирской губерний): автореф. дис. канд. ист. наук. Кострома, 2008. 28 с.

13. Савицкая О.Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг.: по материалам Саратовской губернии: дис. канд. ист. наук. Волгоград, 2001. 297 с.

14. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. М.-Л., 1929. 444 с.

15. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.

16. Стеценко А.И. Черносотенцы Поволжья в 1905–1907 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2002. 20 с.

17. Фоменков А.А. Правомонархическое движение в Нижегородской губернии 1905–1917 гг.: дис. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002. 230 с.

A.I. Kuritsyn

Belarusian State University

Regional studies of the Black Hundred movement in modern historiography (based on materials from the Volga region)

Key words: *Black Hundreds; extreme right; monarchists; modern historiography; Volga region.*

This article examines the features of the study of the Black Hundred movement in modern regional historiography. The main research topics are analyzed. Special attention is paid to the study of the right in materials devoted to the Volga region.

К.А. Латышев

Институт истории Национальной академии наук Беларуси

УДК 930(470)::(476)«1920/1930»

Российская постсоветская историография истории старообрядчества в БССР в период 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: *Российская историография; постсоветская историография; историография белорусского старообрядчества; историография истории старообрядчества.*

В статье впервые осуществляется анализ российской постсоветской историографии, посвященной белорусскому старообрядчеству периода 1920–1930-х гг. Выявлено, что для российской историографии характерно изучение старообрядцев на территории Беларуси как русской этноконфессиональной общности в рамках административно-территориальной единицы. Фактор проживания старообрядцев на территории БССР имеет минимальное научное отражение, за исключением анализа сопротивления старообрядчества политике белорусизации. Наиболее значимые научные проблемы в исследованиях стандартны для постсоветской российской историографии истории старообрядчества периода 1920–1930-х гг.: репрессии в отношении старообрядцев; специфика антирелигиозной политики, агитации и пропаганды; реализация политики в сфере культуры и образования; социокультурные изменения в старообрядческой среде. Подходы к изучению старообрядчества на белорусских землях аналогичны тем, что применяются при изучении старообрядчества на территории Российской Федерации.

Систематическое изучение истории старообрядчества периода 1920–1930-х гг. на белорусских землях начинается на постсоветском этапе исторической науки. Важно отметить, что российская историография истории старообрядчества на белорусских землях объемна, однако период 1920–1930-х гг. является наименее изученным. Российская постсоветская историография

истории старообрядчества на территории БССР данного периода фактически сформирована исследованиями М.В. Кочергиной и ее соавторов – В.В. Дзюбана, А.В. Третьякова. Для их работ характерно существенное внимание к выделенному нами историческому периоду. Потребность вычленения данного исторического этапа, историографическое обоснование его фактического наличия и внутреннего деления было осуществлено автором ранее. На материалах русскоязычной постсоветской историографии истории старообрядчества выполнено разделение на два этапа: 1922–1928 гг. [12] и 1929–1939 гг. [10]. В представленных исследованиях обоснован подход к выделению периода в русскоязычных тематических исследованиях, следовательно, внимание к периодизации в рамках данной статьи будет минимизировано.

Следует обозначить тот факт, что в настоящее время исследовательский интерес к изучению истории старообрядчества периода 1920–1930-х гг. растет. Вместе с тем в применении к изучению истории старообрядчества данного периода на территории БССР наименование «российская постсоветская историография» может быть персонализировано и сводиться к исследованиям М.В. Кочергиной и ее соавторов. Несмотря на обозначенную специфику, историографическое обобщение позволит охарактеризовать современное состояние изучения истории старообрядчества в БССР периода 1920–1930-х гг. в постсоветской российской исторической науке.

Специфической чертой российской историографии истории старообрядчества автор считает значительный научный вес исследовательских статей. Изучаемый период редко является центральным объектом монографических исследований, вследствие чего возрастает историографическое значение научных статей. Однако отдельное внимание необходимо уделить монографии М.В. Кочергиной, вышедшей в 2011 г. [8]. Хронологические рамки исследования широки: 1760–1920 гг., вместе с тем это первое крупное российское исследование истории старообрядчества на территории современной Беларуси, затрагивающее период существования старообрядчества в СССР.

Изучаемой теме посвящена одна глава, имеющая три раздела, хронологический охват данной главы начинается с 1917 г. и факультативно доходит до начала Второй мировой войны. Выделенные М.В. Кочергиной разделы схожи с условно общепринятыми в российской историографии

элементами изучения истории старообрядчества, среди которых: социальная структура старообрядчества, хозяйственная деятельность, культурно-бытовой уклад и советские репрессии в отношении старообрядцев. Важно отметить, что автор в данной монографии не осуществляет периодизацию истории старообрядчества советского времени.

В разделе 7.1 М.В. Кочергина освещает изменения общественно-политического строя, затронувшие старообрядчество, беря за отправную точку революцию. В данном разделе уделяется существенное внимание административным изменениям, в том числе и белорусских территорий, на которых компактно проживали старообрядцы. Исследователь выделяет два ключевых изменения, связанных с взаимодействием государства и старообрядцев: появление лишенцев, это «граждане, лишенные избирательных прав» [8, с. 358], и имущественное и социальное расслоение, которое способствовало разобщению членов старообрядческих общин [8, с. 358]. Вместе с тем в авторском тексте не нашел должного отражения сам момент создания СССР, возможно, определенное слияние постреволюционных изменений в жизни старообрядчества и изменений, связанных со становлением советской власти. В то же время необходимо отметить, что авторский подход логичен с учетом хронологических рамок и научной цели исследования.

В разделе 7.2 М.В. Кочергиной упоминается рост репрессий в отношении старообрядчества в 1930-е гг., дается общая характеристика сути репрессивной деятельности в это время. Значительная часть примеров касается периода с 1917 по 1920-й г. Описание данной политики в 1920-х гг. дается через контекст обложения населения сельхозналогом и его агитационной компании. [8, с. 368–369]. Непосредственная «ломка» традиционного уклада отмечается М.В. Кочергиной на рубеже 1920–1930-х гг.: «Новая политика советского правительства в первую очередь ударила по старообрядчеству – ядру зажиточного крестьянства» [8, с. 370]. Отмечено, что колхозы на территории Ветки созданы в районе 1932 г., а лагерь для раскулаченных крестьян под Клинцами – в 1932–1936 гг., кроме того, М.В. Кочергина отмечает, что изъятие церковных зданий и сооружений началось в 1928 г. [8, с. 382]. В данной главе раскрывается суть советской репрессивной политики, но вместе с тем отсутствует углубленное объяснение особенностей реализации политики непосредственно в отношении старообрядцев на территории БССР после создания СССР. Можно говорить о некоторой противоречивости авторских

выводов о массовом характере репрессий в межвоенный период в отношении старообрядчества и описании условно-добровольного пути коллективизации (а также специфики политики изъятия церковных помещений) в местах компактного проживания старообрядцев. В дальнейших исследованиях М.В. Кочергиной, посвященных репрессивным мерам [4 и др.], схожих противоречий нами не отмечалось.

Особой ценностью в рамках нашего исследования обладает раздел 7.3 монографии М.В. Кочергиной, где обозначена целевая аудитория советского воздействия в старообрядческой среде: «Советская власть пыталась воздействовать на молодое поколение старообрядцев, на его беднейшие слои, на женскую половину старообрядческих общин» [8, с. 372]. Также в разделе перечислены факторы снижения целостности старообрядческой общины: ограничение индивидуальной хозяйственной деятельности и размах атеистической пропаганды [8, с. 372]. Косвенный фактор агитационной работы среди молодежи автор видит в создании «Новозыбковского агропединститута в здании бывшего Новозыбковского реального училища» [8, с. 373]. Таким образом, М.В. Кочергина выделяет советскую политику в области образования, а также агитационно-пропагандистскую деятельность в качестве значимых средств борьбы со старообрядческим этноконфессиональным единством – механизма борьбы с замкнутой общиной.

В целом монография М.В. Кочергиной, вышедшая в 2011 г. [8], будучи первым крупным исследованием в российской историографии истории старообрядчества, где анализируется история старообрядчества на белорусских землях в период становления советской власти, является важным источником, позволяющим проследить эволюцию тематических блоков, на которых фокусировалась российская историография. Представляется вполне корректным назвать данную монографию отправной точкой российской историографии в рамках изучаемой темы.

На основании анализа указанной монографии мы считаем возможным говорить про минимальное значение при осуществлении исследования фактора административной принадлежности территорий, на которых находились старообрядческие общины. Даже при условии изменения административного деления сам факт расположения данных территорий в границах БССР не учитывается при авторском анализе. Кроме того, в дальнейших исследованиях М.В. Кочергиной можно встретить упоминания старообрядчества Ветки в

качестве «российской провинции» [1, с. 186]. В анализируемой монографии разрушение этноконфессионального единства старообрядческой общины раскрывается автором без учета национального вопроса. К тому же проблема белорусизации будет рассмотрена исследователем лишь в дальнейших публикациях [1, 5 и др.], несмотря на существенное внимание к советской политике в сфере образования.

Отмеченный факт в рамках данной монографии, по нашему мнению, объясним спецификой исследования, когда изучается русское старообрядчество на территории Российской империи, которая условно расширяется на территорию будущего Советского Союза. Вместе с тем необходимо отметить, что данный подход характерен для российской историографии истории старообрядчества. С нашей точки зрения, отражает общую тенденцию российских исторических исследований само название монографии М.В. Кочергиной (в соавторстве с В.В. Дзюбаном, А.В. Третьяковым) «Стародубье и Ветка в истории и культуре русского старообрядчества (1905–1930 гг.): деятельность общин от "золотого века" до военного лихолетья» [7]. В названной монографии необходимо отметить незначительную роль белорусской историографии (около 10 пунктов из 288).

В рамках изучения истории старообрядчества 1920–1930-х гг. на территории БССР в материалах российской постсоветской национальной историографии нами отмечено систематическое изучение аспекта национальной идентификации, который является одним из основополагающих при осуществлении изучения истории старообрядчества в российской региональной историографии. Ввиду этноконфессиональной сущности старообрядческих общин вопрос идентификации является одним из существенных и для внутренних регионов, для которых характерно компактное проживание старообрядцев, например Байкальской Сибири (наиболее корректный пример в данном контексте, так как там распространены «Семейские» – этноконфессиональная группа, бывшие переселенцы из Ветки).

Проблема идентификации крайне остро стоит в современной историографии, выходя за ее пределы. Мы можем говорить о критическом отношении и даже обвинительных посылах М.В. Кочергиной в отношении белорусского подхода к изучению старообрядчества на примере Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций, начиная непосредственно от названия данного музея и до обвинения в «искажении происхождения

собранных памятников…, объединяемых в одно понятие – “ветковские”» [6, с. 52]. По мнению М.В. Кочергиной, «происходит искажение понятия “наследие русского старообрядчества“» [6, с. 52].

В истории старообрядчества на территории Беларуси вопрос этноконфессионального единения обладает особой значимостью, так как старообрядцы, являясь носителями традиционной русской культуры, оказались объектом воздействия государственной власти не только при проведении антирелигиозной кампании и социально-экономических преобразований, но и в рамках политики белорусизации.

Российские авторы отражают свойственный белорусизации насильственный характер в восприятии старообрядцев: «Старообрядцы считали эту политику дальнейшим наступлением советской власти на духовную жизнь и культуру старообрядчества» [3, с. 171]. Насильственной стороне данной политики в отношении «исконно русского населения древнего старообрядческого центра – Ветки» посвящено отдельное исследование [5]. Политика белорусизации – практически единственный аспект, в котором подчеркивается расположение старообрядцев на территории БССР: «Она [белорусизация] имела форсированный характер, административные методы осуществления, полный контроль и идеологический диктат со стороны Коммунистической партии Белоруссии» [9, с. 40]. В целом российские исследователи подчеркивают эффективность советского воздействия на культуру старообрядцев: «В 1930 гг. натиск на старообрядческую культуру был настолько сильным со стороны государства, что старообрядчество не смогло противостоять этим изменениям» [10, с. 31].

Результаты осуществленного исследования кратко возможно изложить в следующих выводах:

1. Российская историография истории старообрядчества на территории Беларуси периода 1920–1930-х гг. находится в стадии уверенного роста, значительная часть исследований написана за последнее десятилетие, выходящие в настоящее время работы отражают актуальный вектор развития российской исторической науки. При этом ряд исследований имеет статус первичных для изучаемого региона, что повышает их научную значимость и значимость их историографического анализа.

2. Российские авторы преимущественно изучают историю русского этноконфессионального сообщества в месте его компактного проживания,

уделяя минимальное внимание специфике проживания старообрядцев на территории БССР. Исключением является изучение политики белорусизации при ее реализации в отношении старообрядцев, однако ее изучение осуществляется с учетом того, что старообрядцы рассматриваются как русский этнос.

3. Корректно говорить о единой научной проблематике в рамках региональной российской историографии как при изучении регионов Российской Федерации, так и в контексте изучения старообрядчества на белорусских землях, т. е. белорусское старообрядчество изучается как еще один пример российского регионального старообрядчества, лишь с некоторым учетом специфики конкретной административно-территориальной единицы.

Литература

1. Дзюбан В.В., Кочергина М.В. Сопротивление старообрядцев Стародубья и Ветки насильственному изменению органами советской власти традиционного культурно-бытового уклада населения (1920–1930 гг.) Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 232–237.

2. Дзюбан В.В., Кочергина М.В. Эволюция старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси в советский и постсоветский периоды развития: проблемы сохранения этноконфессионального единства // Вопросы политологии. 2017. № 4(28). С. 182–193.

3. Кочергина М.В. Жесткий контроль и ограничение духовно-религиозной деятельности старообрядческих общин Ветки органами советской власти в послевоенный период (1945–1950 гг.) // Studia internationalia: материалы IX международной научной конференции / Брянск, 01–02 июля 2021 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. С. 169–176.

4. Кочергина М.В. Конфискация имущества, лишение избирательных прав и репрессии советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки в 1920–1940 гг. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 45–51.

5. Кочергина М.В. Политика насильственной белорусизации в старообрядческих поселениях Ветки в 1920-е гг. и стойкое сопротивление старообрядцев обучению детей в школах на белорусском языке // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: труды IV Международной научной конференции: сборник научных статей, Москва, 16–17 мая 2019 года. МГУ им. М.В. Ломоносова 2019. С. 527–534.

6. Кочергина М.В. Русское старообрядчество и сохранение культурного наследия Древней Руси: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2(40). С. 51–60.

7. Кочергина М.В., Дзюбан В.В., Третьяков А.В. Стародубье и Ветка в истории и культуре русского старообрядчества (1905–1930 гг.): деятельность общин от золотого века до военного лихолетья. Брянск: Консорциум Аверс, 2019. 312 с.

8. Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск: ООО Ладомир, 2011. 451 с.

9. Кочергина М.В. Судьбы священников Русской Православной старообрядческой церкви древних центров Стародубья и Ветки (1920–1960-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 38–43.

10. Кочергина М.В. Эпоха индустриализации в СССР: разрушение традиционного облика старообрядческих поселений Стародубья и Ветки и создание социалистических городов с типовой застройкой в 1930 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 3 (41). С. 27–36.

11. Латышев К.А. Историография политики Советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021. № 2. С. 74–84.

12. Латышев К.А. Ключевые аспекты конфессиональной политики советского государства в отношении старообрядчества (1922–1929) в современной российской светской историографии // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 1. С. 85–94.

K.A. Latyshau

The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

Russian post-Soviet historiography of the history of the Old Believers in the BSSR during the period 1920–1930s.

Key words: *Russian historiography; post-Soviet historiography; historiography of the Belarusian Old Believers; historiography of the history of the Old Believers.*

This article is the first one that study Russian post-Soviet historiography dedicated to the Belarusian Old Believers of the 1920-1930s. It has been revealed that Russian national historiography studies of Old Believers on the territory of Belarus as a Russian ethno-confessional community within one administrative-territorial unit. The factor of residence of Old Believers on the territory of the BSSR has minimal scientific reflection, except the analysis of the Old Believers' resistance to the Belarusianization policy. The most significant scientific problems of the research of post-Soviet Russian historiography of the history of the Old Believers within 1920-1930s are standard: repressions against Old Believers; the specificity of the anti-religious policy, agitation and propaganda; implementation of policy in the field of culture and education; sociocultural changes in the Old Believer environment. The approaches to the study of the Old Believers in the Belarusian lands are similar to those that are used in the study of the Old Believers on the territory of the Russian Federation.

Ю.С. Простакова

Белорусский государственный университет

УДК 94 (47)

Трансформация образа Запада в периодической печати Советского Союза во второй половине 1950-х годов.

Ключевые слова: *холодная война; периодическая печать; «Правда»; «Известия»; пропаганда Советского Союза; образ; страны Запада.*

Статья посвящена одному из аспектов изучения международных отношений – проблеме репрезентации образа «Запада» в периодической печати Советского Союза во второй половине 1950-х гг. В рассматриваемый период именно печать имела ведущую роль в формировании положительного либо отрицательного образа зарубежных стран. В статье сделана попытка проанализировать трансформацию образа Запада на страницах центральных периодических изданий Советского Союза.

Анализ образа Запада в советских средствах массовой информации необходим для более детального понимания взаимоотношений стран в период «холодной войны». На протяжении рассматриваемого периода Советский Союз использовал СМИ в качестве инструмента для формирования положительного либо отрицательного образа зарубежных стран, что становилось возможным благодаря отсутствию у советских граждан альтернативных источников информации о жизни за рубежом.

Представление о союзниках и врагах в прессе с течением времени изменялось, подстраиваясь под внешнеполитический курс страны. В межвоенный период в качестве врага выступали капиталистические страны Запада. Во время Великой Отечественной войны врагом являлась нацистская Германия, а западные страны представлялись союзниками. В послевоенный период в результате процесса становления биполярного мира образ «врага» до конца существования Советского Союза закрепился за странами Запада во главе с США. Несмотря на постоянное противостояние двух политических

систем: социализма и капитализма, в межгосударственных отношениях СССР и США были потепления. Один из таких моментов приходится на исследуемый период. В этой связи образ западных стран на страницах центральной периодической печати корректировался.

Базой для исследования являются материалы центральной периодической печати Советского Союза, содержавшие наиболее полную информацию о взаимоотношениях с зарубежными странами. Другие виды периодических изданий были ориентированы на освещение проблем в регионе, где они издавались, а все имеющиеся материалы относительно международной повестки представляли собой перепечатку статей из более крупных изданий. При подготовке настоящей работы использовались наиболее значимые из них, а именно: «Правда» и «Известия».

В советской историографии представлено достаточное количество работ, посвященных взаимоотношениям Советского Союза и западных стран, однако объективному рассмотрению образа Запада и его трансформации препятствовала идеологическая конфронтация сторон. На современном этапе русскоязычной историографии возрос интерес к изучению образа «друга» и «врага», что внесло значительное разнообразие в изучение взаимоотношений Советского Союза с западными странами. Это связано с возможностью отойти от прошлых стандартов, а также более свободным доступом к архивным фондам.

Несмотря на возросший интерес к проблеме, период второй половины 1950-х гг. еще не получил достаточного освещения в исторической науке. Большая часть работ посвящена изменениям в образе западных стран в первое послевоенное десятилетие. Данная тенденция обусловлена переменами во взаимоотношениях бывших союзников. Уже в 1947 г. в периодической печати сформировался образ врага в отношении Запада во главе с США [20]. Однако после смены руководства Советского Союза в середине 1950-х гг. произошли изменения риторики СМИ при освещении материалов о западных странах.

Большое внимание советская пресса уделяла вопросу о разоружении. Одним из ключевых событий рассматриваемого периода является встреча в Женеве четырех глав государств (СССР, США, Великобритании, Франции) в июле 1955 г., посвященная разрядке международной напряженности. Данное событие получило освещение на страницах периодической печати,

публиковались сведения о ее прохождении, описывались главные вопросы и их решения. Пресса подчеркивала исключительную важность Советского Союза в данном мероприятии, представлялось, что именно советская сторона являлась главным инициатором предложений по разоружению и улучшению международных отношений. Неоднократно акцентировалось внимание на том, что главная неудача послевоенных переговоров связана с «разными политическими языками», но именно встреча в Женеве изменила данное положение дел. Газеты отмечали, что выступления представителей государств переводились на разные языки, однако «в зале заседаний в Женеве звучал общий политический язык» [8], о чем более чем свидетельствовала цитируемая всеми фраза из выступления президента США Д. Эйзенхауэра: «Если нам удастся изменить дух, в котором ведутся совещания, мы сделаем самый большой шаг на пути к миру, процветанию и спокойствию» [3].

В прессе публиковалась визуальная составляющая дипломатической встречи в Женеве. В первую очередь это касалось ряда фотоснимков из зала переговоров. Особый интерес вызывают фотографии, сделанные в ходе переговоров в кулуарах. На них представители государств, улыбаясь, живо беседуют. Данный материал был призван формировать у советских читателей представление о дружеском и доброжелательном характере встречи [18]. В этот период на страницах газет появляются карикатуры, высмеивающие тех представителей западных стран, которые поддерживали «холодную войну» и «гонку вооружений». Сразу после встречи в Женеве такого рода изображения были более сдержанные, антагонистами выступали капиталисты, которым «сокращение войск угрожало падением акций военных заводов» [12].

Уже через несколько лет, когда стало понятно, что встреча в Женеве не решила вопрос «гонки вооружений», авторы карикатур все чаще стали высмеивать правительственные круги западных стран. Так, 1 января 1958 г. на страницах «Правды» была опубликована карикатура «Игра с огнем» [11]. На иллюстрации изображена елка в виде бомбы, вокруг которой водят хоровод западные политические деятели. Здесь же была размещена переделанная детская песня «Елочка» со словами: «Родилась в Штатах елочка, в Америке росла. Весь год не шишки скромные, а бомбочки на ней, простые и атомные, качались меж ветвей» [22].

Большинство статей, посвященных теме разоружения, публиковались на первых полосах периодической печати. Первоначально данный вопрос

прослеживался в статьях, посвященных отзывам иностранной печати о встрече в Женеве под заголовками: «Французская общественность требует прекращения ««холодной войны»» [24], «Дух сотрудничества» [6], «Напряженность последних лет заметно ослабевает» [16]. Позже тема проскальзывала в отдельных статьях, не давая забыть читателям важность попытки урегулировать международные отношения Советским Союзом. Так, в статье «Лондон в эти дни» отмечалось: «Атмосфера праздничности чувствовалась повсюду. Это было связано не только с солнечной погодой, но и благодаря изменениям в международной политике», что должно было формировать представление о том, что граждане западных стран поддерживают решения об разоружении [13].

Определенным закреплением идеи улучшения международного положения становится речь Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. С одной стороны, подчеркивалась необходимость в установлении дружественных отношений с западноевропейскими странами. С другой, критиковалась капиталистическая система этих стран. Сообщалось, что такая система предполагает эксплуатацию людей. Важно подчеркнуть, что в своей речи, посвященной международным отношениям, Н.С. Хрущев разделяет народ и власть западных стран; критикуя капиталистические идеалы, глава Советского Союза подчеркивал стремление граждан Запада к миру и сотрудничеству.

Отсюда следует, что одним из центральных вопросов, поднимаемых печатью, являлось разоружение, материалы на данную тему встречаются практически в каждой газете рассматриваемого периода. Пресса отмечала исключительную важность Советского Союза и его вклад в решение данного вопроса. В противовес этому советские СМИ всячески подчеркивали бездействие Запада, что также влияло на формирование образа.

Изменения произошли в материалах, посвященных экономическому положению западных стран. По сравнению с послевоенным десятилетием, экономика не равнялась с фашистской, частично признавались успехи и улучшения положения рабочих [25]. Уменьшалось количество материала, посвященного описанию враждебно настроенных общественных кругов по отношению к Советскому Союзу, наоборот отмечался рост сторонников СССР. При этом в материалах периодической печати следует выделить статьи, посвященные несовершенству капиталистической системы.

Данные материалы демонстрировали высокий экономический потенциал западных стран, выделяя при этом проблемы в социальной сфере, связанные с несовершенством капиталистического строя, в результате чего данные страны уступали социалистическому блоку. Примером служит статья, размещенная в газете «Правда» в преддверии нового года. В ней авторы фантазируют на тему прошлого, настоящего и будущего. Будущее датируется 2008 г., когда падет капиталистический строй и наступит идеальная жизнь при социализме [10].

Постепенно к 1960-м гг. увеличивается количество статей, посвященных критике капиталистического строя. Капитализм представляется как система, эксплуатирующая население, из-за чего возникают постоянные забастовки, митинги. Появляются публикации с заголовками, посвященными социальной напряженности в западных странах: «Забастовочная борьба трудящихся капиталистических стран» [9], «Дорога к нищете» [5], «Миллионы американцев не имеют работу» [14]. В статье «Свобода голодать» описываются маленькие зарплаты рабочих, плохие условия труда. В выводах даются сравнения с Советским Союзом, где имеет место всеобщее процветание [21]. В материалах, посвященных экономике Запада, подчеркиваются минусы системы капитализма и его негативное влияние на развитие экономики [2]. Карикатуры, публикуемые в периодической печати, иллюстрируют сатиру на капиталистическую систему. В статье «Новогодний тост капиталиста» изображен собирательный образ буржуа, поздравляющего свой сейф с праздником. Образ формируется при помощи изображения мужчины полного телосложения, с острыми чертами лица и неряшливым видом. Такая карикатура была призвана вызывать отторжение мира капитала [17].

В материалах периодической печати, посвященных научному и культурному развитию Запада, также заметны изменения. Совершенно новым аспектом становится освещение научно-технического развития западных стран. Впервые появляется рассуждение о необходимости перенять опыт западных ученых в отдельных отраслях науки. Подчеркивалась необходимость догнать и перегнать их в своем научном развитии [15]. В 1955 г. состоялись поездки советской сельскохозяйственной делегации в США, и американской делегации в СССР. Ежедневно на протяжении всей поездки периодические издания публиковали сведения о данных мероприятиях. Можно отметить значительную разницу между изложением материала о поездке советских и американских граждан. Статьи о посещении США в основном не несут в себе конкретных

описаний мест, куда приезжает советская делегация. Однако они широко описывают радость американцев по причине приезда советских представителей. В статье, вышедшей в «Правде», читаем: «Везде, где останавливается советская делегация, ее приходят встречать десятки местных жителей. Не предусмотренную планом поездки короткую остановку по пути в Эймс делегация сделала сегодня на ферме Л. Юрайса, сын которого, как потом объяснил фермер, трудился вчера весь вечер, чтобы написать по-русски крупными буквами на одной из построек фермы надпись: “Здравствуй, товарищ!” [19].

В освещении поездки американской делегации по Советскому Союзу в СМИ делался акцент на деталях экскурсии и восхищении американцев. Например, в публикации «Американская сельскохозяйственная делегация продолжает поездку по Советскому Союзу» рассказывалось о посещении гостями тракторного завода, где буквально на глазах у американцев с конвейера сошел очередной трактор. Один из присутствующих сумел прокатиться на этом тракторе, после чего заявил, что «ему нравится эта советская машина» [1]. Статьи на данную тематику позволяли формировать образ доброжелательных и гостеприимных американцев в отношении делегации Советского Союза, однако в материалах об американской делегации подчеркивалось превосходство советского производства.

Стоит отметить публикуемый материал о выставке достижений Советского Союза в области науки, техники и культуры в Нью-Йорке в 1959 г. Данной теме было посвящено большое количество статей на страницах периодической печати. Помещались фотографии, восторженные отзывы американцев, названия статей были соответствующими: «Добро пожаловать говорят американцы» [4], «Жить в дружбе, жить без страха за будущее» [7], «300 тысяч посетителей» [26], «Там, где дружба, война невозможна» [23].

Таким образом, материалы центральной периодической печати Советского Союза свидетельствуют о том, что во второй половине 1950-х гг. на страницах «Правды» и «Известий» западные страны во главе с США в целом продолжили представляться в образе врага. При этом под воздействием менявшейся международной обстановки и межгосударственных отношений он претерпевал определенную трансформацию: негативных оценок становилось меньше. Данный период в печати преподносился в качестве поворотного момента в международных отношениях, что не раз подчеркивалось в статьях,

посвященных выступлениям и заявлениям советского руководства. Увеличивалось общее количество и разнообразие материала о западных странах. Подчеркивалась важность сотрудничества, в заголовках статей стали встречаться такие слова, как «Мирное сосуществование», «Сотрудничество», «Диалог».

Безусловно, в данный период советская пресса продолжала критиковать экономическую систему капиталистических стран Запада, в противовес преподносились плюсы социалистической системы. В публикациях на международную тематику подчеркивалась исключительная важность стремления Советского Союза к сотрудничеству, особенно на фоне материалов об отсутствии подобных действий со стороны Запада.

Литература

1. Американская сельскохозяйственная делегация продолжает поездку по Советскому Союзу // Правда. 1955. № 203. С. 4.
2. Богатство и нищета Франции // Правда. 1958. № 19. С. 3.
3. Выступление президента Эйзенхауэра // Известия. 1955. № 177. С. 4.
4. Добро пожаловать, говорят американцы // Правда. 1959. № 188. С. 5.
5. Дорога к нищете // Правда. 1960. № 134. С. 5.
6. Дух сотрудничества // Известия. 1955. № 170. С. 3.
7. Жить в дружбе, жить без страха за будущее // Правда. 1959. № 188. С. 5.
8. За смягчение международной напряжённости и укрепление мира // Известия. 1955. № 173. С. 1.
9. Забастовочная борьба трудящихся капиталистических стран // Правда. 1958. № 19. С. 3.
10. Заславский Д. О том что было; о том, что есть; о том, что будет // Правда. 1958. № 1. С. 6.
11. Игра с огнем // Правда. 1958. № 1. С. 4.
12. Интервью с горячим поклонником холодной войны // Известия. 1955. № 178. С. 4.
13. Лондон в эти дни // Правда. 1955. № 214. С. 4.
14. Миллионы американцев не имеют работу // Правда. 1958. № 77. С. 5.
15. Мирно соревноваться благо наших народов // Правда. 1959. № 190. С. 3.
16. Напряженность последних лет заметно ослабевает // Известия. 1955. № 173. С. 1.
17. Новогодний тост за капиталиста //Правда. 1958. № 2. С. 3.
18. Перед заседанием Совещания Глав правительств четырех держав в Женеве // Известия. 1955. № 172. С. 3.
19. Пребывание советской сельскохозяйственной делегации в США // Правда. 1955. № 203. С. 4.

20. Путенихина А.В. Трансформация образа США в советской прессе в период окончания второй мировой войны (1945–1949 гг.) // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2015. № 2. 56–60.
21. Свобода голодать // Правда. 1960. № 134. С. 5.
22. Старая песенка // Правда. 1958. № 1. С. 4.
23. Там, где дружба, война невозможна // Правда. 1959. № 189. С. 5.
24. Французская общественность требует прекращения «холодной войны» // Правда. 1955. № 204. С. 3.
25. Экономическое положение в Западной Европе // Правда. 1958. № 23. С. 3.
26. 300 тысяч посетителей // Правда. 1959. № 189. С. 5.

Y.S. Prostakova
Belarusian State University

Transformation of the image of the "West" in the periodical press of the Soviet Union in the second half of the 1950s.

Key words: cold War; periodical press; Pravda; Izvestia; propaganda of the Soviet Union; image; Western countries.

The article is devoted to the problem of representation of the image of the "West" in the periodical press of the Soviet Union in the second half of the 1950s., which is one of the aspects of the study of international relations of the Soviet Union. During the period under review, it was the press that played a leading role in the formation of a positive or negative image of foreign countries. The article attempts to analyze the transformation of the image of the West on the pages of the central periodicals of the Soviet Union.

Шао Ици

Белорусский государственный университет

УДК 94(510+470)«1964»

Анализ основных разногласий в ходе первого раунда переговоров между Китаем и СССР в 1964 году.

Ключевые слова: по*граничные переговоры; советско-китайская граница; Советский Союз; Китай; Россия; отношения; договор.*

В данной статье рассматриваются три ключевых спорных вопроса, возникших в ходе первого раунда переговоров в 1964 г.: дискуссии о характере исторических договоров, разногласия в позициях сторон в переговорах и аргументация при определении границы. Целью обсуждений между Китаем и СССР являлся не только анализ методов взаимодействия между странами, но и предоставление полезных рекомендаций для решения вопросов по установлению границы между государствами.

История приграничных проблем между двумя странами уходит в далекое прошлое. Еще в середине XVII в. был подписали Нерчинский мирный договор между Русским царством и Империей Цин, впервые определивший отношения и границу между двумя государствами. Китай признавал правовую силу этого договора.

В XX в. китайско-советская граница имела общую протяженность около 7600 км., из которых восточный участок составляет примерно 4200 км., а западный – более 3300 км. В этой ситуации оказалась особенно срочной необходимость в определении четких границ между Китаем и СССР. В феврале 1964 г. по инициативе китайского правительства были проведены переговоры заместителей министров иностранных дел Китая и СССР в Пекине. Стороны провели в общей сложности 8 полных заседаний, более 10 заседаний руководителей делегаций и более 30 заседаний советников-экспертов. Тем не менее первые переговоры 1964 г. не принесли конкретных результатов. После этого переговоры между Китаем и СССР (Российской Федерацией)

продолжались более 40 лет, и только в 2004 г. стороны наконец разрешили все недоразумения.

Хотя первый раунд переговоров 1964 г. не принес существенных результатов, однако, как изначальная попытка прямого взаимодействия двух стран, он заложил основу для решения проблемы границы между Китаем и СССР. В данной статье мы рассмотрим три основных спорных вопроса, возникших в ходе первого раунда переговоров в 1964 г.: обсуждение характера исторических договоров, разногласия в позициях сторон в ходе переговоров и аргументация при установлении границы.

Разногласия о характере исторических договоров. В ходе переговоров в Пекине с февраля по август 1964 г. у представителей сторон появились разногласия относительно природы ряда договоров с середины XIX века до начала XX века о границе между Российской империей и Маньчжурской империей Цин. Китай требовал, чтобы Советский Союз признал неравноправный характер этих договоров и рассматривал их как отправную точку для дальнейших переговоров. Советская сторона не соглашалась с идеей неравноправия в контексте данных договоров. В то же время китайская сторона хотела, чтобы СССР признал, что договоры, навязанные силой Российской империей и другими ведущими державами в условиях, когда Китай был лишен возможности отстаивать свою позицию, были неравноправными.

С середины XIX века до начала XX века, в ряду серии договоров между Китаем и европейскими державами, российская и китайская стороны заключили более 20 пограничных договоров, включая Айгунский договор и Пекинский договор 1860 г., которые позволили Российской империи приобрести значительные территории в Китае. Советская сторона считала, что необходимо признать действительность всех вышеупомянутых договоров и утверждала, что советско-китайская граница, предложенная Советским Союзом, установлена в соответствии с законом. СССР требовал от Китая признания, что все земли, упомянутые в исторических договорах, принадлежат Советскому Союзу.

27 сентября 1963 г. Китай официально выразил в дипломатической ноте советскому правительству свое восприятие проблемы неравноправных договоров. 19 ноября вторая дипломатическая нота министерства иностранных дел Китая уточнила, что на всем протяжении границы между Китаем и СССР существует множество вопросов, требующих обсуждения. 29 ноября 1963 г.

Центральный комитет Коммунистической партии СССР направил письмо Центральному комитету Коммунистической партии КНР, высказывая обеспокоенность по поводу китайской стороны, их оценки искусственного создания проблем, связанных с границей. 21 января 1964 г. МИД СССР заявил, что после Октябрьской революции все договоры между Российской империей и Китаем, включая несправедливые договоры, были отменены и отношения между Советской Россией (СССР) и Китаем стали строится на основе полного равенства и взаимного уважения суверенитета. В ноте выражалось недоумение по поводу появления в официальных документах Китая темы «несправедливых» договоров, которых, по их мнению, не существует.

26 февраля 1964 г. на первом этапе переговоров представители Китая и СССР начали обсуждение вопроса о существовании исторических неравноправных договоров и определения их характера. Представители Китая подчеркнули, что китайское правительство, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма и желанием укрепить дружбу между народами Китая и СССР, все равно готово использовать эти неравноправные договоры в качестве основы для разрешения пограничных вопросов между двумя странами и подписания новых справедливых договоров. Позиция Китая не включала в себя требование вернуть Китаю свыше 150 тысяч кв. км территории, которая была передана Российской империи. Тем не менее стороны могли рассматривать необходимость корректировки границ в некоторых районах, учитывая интересы местных жителей на основе принципов равноправия и взаимопонимания.

Советская сторона не признавала неравноправный характер исторических договоров и не соглашалась с тем, чтобы они были «единственной» основой для разрешения пограничных вопросов. Она предлагала дополнительные пункты обсуждения, такие как «линия исторического формирования» и «линия фактической обороны», как средства для решения пограничных вопросов, исключая при этом признание вооруженного захвата части территории Китая Россией (Советским Союзом).

Разногласия в позициях по переговорам. Китайская сторона настаивала на необходимости пересмотра вопросов о неустановленной границе между Китаем и СССР, поднимаемых и обсуждаемых в исторических договорах, чтобы определить общий ход границы и найти разумное решение. Советская сторона утверждала, что вопросы границы и территории Китая и СССР были

решены соответствующими договорами и не подлежат обсуждению. Переговоры касаются только пересмотра некоторых конкретных районов.

Намерения Китая в переговорах заключались не в том, чтобы вернуть территории, которые были аннексированы Российской империей. «Для обеих сторон, нарушающих соглашения и аннексирующих территорию другой стороны, в принципе, требуется безусловно вернуть их, однако обе стороны могут рассмотреть интересы местных жителей и произвести необходимую корректировку на границе согласно принципам равных переговоров и взаимного уважения. Китай настаивает на решении путем мирных переговоров, а не применения силы» [1, с. 112–120, 128].

22 августа 1960 г. Китай предложил СССР решать пограничные вопросы путем переговоров и при этом требовал сохранения текущего состояния границ до их разрешения, чтобы избежать вооруженных конфликтов. 31 августа 1960 г. ЦК КПК направил уведомление «О подготовке к обширным переговорам по вопросам границ между Китаем и СССР» в Коммунистические партии автономных областей Синьцзян, Внутренней Монголии, а также комитетам провинций Чжэцзян и Цзилинь. В уведомлении говорилось: «В истории существует несколько нерешенных вопросов по границам между Китаем и СССР, и также возникли новые вопросы после освобождения. ... Китайское правительство готово провести полномасштабные переговоры с СССР при необходимости для разрешения исторических вопросов по границам между Китаем и СССР и новых вопросов после освобождения. Для этой цели необходимо немедленно начать подготовительную работу по шести вопросам». При рассмотрении уведомления премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай добавил четвертый пункт: «Для областей с оспариваемыми территориями, в случае необходимости проводить местные обследования, сначала следует получить одобрение Центрального комитета» [2, с. 346–347]. 21 сентября 1960 г. Китай предложил провести двусторонние переговоры по сухопутным границам.

В ответ на предложение Китая о переговорах Советский Союз заявил, что для исключения возможных «недоразумений» стороны могут провести переговоры по вопросу определения «направления отдельных участков границы». СССР считал, что «между сторонами не существует так называемых спорных территорий и поэтому нет необходимости внешних дипломатических переговоров для переработки и уточнения сухопутных границ». В сообщении СССР отмечалось, что некоторые китайские карты, опубликованные в 1951 г.,

содержат «неверные» линии границы в ряде участков, особенно в Таджикистане и Киргизии, которые сильно отклоняются от линии границы, установленной в соответствии с соглашениями, и идут на пользу Китаю [2, с. 507].

Разногласия в определении границы. Между Китаем и СССР возникли разногласия относительно определения государственной границы. Китай настаивал на том, что ее следует определять на основе исторических договоров, в то время как советская сторона пыталась использовать государственную границу, проведенную на советских картах.

После создания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений с СССР между Китаем и СССР фактически существовали три границы: государственная граница по договорам, граница на советских картах и фактическая линия контроля [4, с. 15]. Государственная граница по договору – государственная граница, определенная рядом договоров между Китаем и СССР. Граница на советских картах – обозначенная на картах СССР, где многие участки отходили от государственной границы и находились на территории Китая. Фактическая линия контроля представляла собой границу, контролируемую обеими сторонами. Государственная граница находилась практически вне государственной границы по договорам, но в некоторых районах она выходила за ее пределы, а в других районах пересекала границу, определенную на советских картах. Эта сложная ситуация с тремя разными границами вызывала споры между двумя странами.

С апреля 1964 г., начиная с пятой общей конференции по переговорам о границе, стороны обменялись крупномасштабными картами границ с отмеченными на них их собственными претензиями (масштаб 1:100 000 для восточной части и 1:500 000 для западной части). Стороны определили конкретные спорные районы. После более чем двух месяцев переговоров и консультаций делегации обеих стран пришли к соглашению относительно границы (кроме острова Большой Уссурийский) протяженностью 4200 км, включая реки Амур и Уссури.

Не было найдено согласие в вопросе о статусе острова Большой Уссурийский, который находится на реке Амур ниже устья Уссури. Китай утверждал, что Большой Уссурийский был частью территории Китая и что Советский Союз оккупировал остров во время войны на КВЖД в 1929 г. [5, с. 46]. До этого китайские граждане могли свободно посещать остров для рыбной

ловли, охоты или жить там. Китай утверждал, что в соответствии с Пекинским договором 1860 г. и нормами международного права остров должен принадлежать Китаю. Советский Союз считал, что это его территория на основе красных линий и пограничных меток на прилагаемой карте по Пекинскому договору.

Делегация СССР предложила отложить переговоры по вопросу о статусе острова Большой Уссурийский. Предложение заключалось в том, чтобы сначала подписать уже достигнутые соглашения, но на практике лидеры Китая и СССР не стремились к полному и окончательному решению вопроса о границе между двумя странами. 13 октября 1964 г. Китай уведомил СССР о том, что китайское правительство в принципе согласно на проведение следующего этапа переговоров о границе между Китаем и СССР в Москве, а конкретное время могло бы быть согласовано сторонами дополнительно. Однако после отставки Н.С. Хрущева 14 октября 1964 г. ни одна из сторон больше не упоминала вопрос о возобновлении переговоров по границе.

Первые переговоры по границе между Китаем и СССР в 1964 г. не привели к подписанию каких-либо соглашений, но позволили определить государственные позиции. Стороны обсудили вопрос о границе на востоке и, за исключением территории острова Большой Уссурийский, в целом достигли согласия по другим участкам. Эти переговоры послужили основой для последующих раундов переговоров в 1969–1978 и 1987 гг. и в конечном итоге позволили добиться согласования советской и китайской позиций.

Литература

1. 汪振友,齐鹏飞.1964年中苏第一轮边界谈判的历程及基本经验[J].当代中国史研究: Ван Чженью, Ци Пэнфэй Процесс и основные опыты первого раунда китайско-советских переговоров по границе в 1964 году // Исследования по современной истории Китая. 2015. № 22 (02). С. 112–114.

2. 周恩来年谱: 一九四九-一九七六[M]. (1997). 中国: 中央文献出版社: Годы Чжоу Эньлая: 1949–1976. Китай: Центральное издательство документации, 1997. 2153 с.

3. 沈志华.《俄国解密档案：新疆问题》[M], 新疆人民出版社: Шэнь Чжихуа Российские деклассифицированные архивы: Проблема Синьцзяна. Издательство народного издания Синьцзяна, 2012. 580 с.

4. 周晓沛.中苏边界谈判:我外交生涯的起点[J].世界知识: Чжоу Сяопэй Китайско-советские переговоры по границе: отправная точка моей дипломатической карьеры // Мировые знания. 2007. № 22. С. 52–54.

5. 王博,姜长斌,李国强.黑瞎子岛回归记[J].世界知识: Ван Бо, Цзян Чанбин, Ли Гуоцян Возвращение острова Большой Уссурийский Хэйсяцзы // Мировые знания. 2008. № 21. С. 46–53.

Shao Yiqi
Belarusian State University

Analysis of Key Discrepancies During the First Round of Negotiations Between China and the USSR in 1964

Key words: border negotiations; Sino-Soviet border; Soviet Union; China; Russia; relations; treaty.

This article examines three key contentious issues that arose during the first round of negotiations in 1964: discussions on the nature of historical treaties, differences in the negotiating positions of the parties, and the arguments surrounding the determination of the border. The purpose of these discussions between China and the Soviet Union is not only to analyze methods of interaction between the countries but also to provide valuable recommendations for resolving issues related to establishing the border between the states.

М.А. Веремейчик

Белорусский государственный университет

УДК 94(470)

Десоветизация, как совокупность преобразований в исторической политике Российской Федерации (1991–2000)

Ключевые слова: историческая память; десоветизация; революция 1917 г.; Российская Федерация; монументальная лениниана; декоммунизация.

Данная статья посвящена коммеморации о революции 1917 г. на территории Российской Федерации в 1991–2000 гг. Выделяются характерные для данного периода процессы десоветизации и декоммунизации. Значительное внимание уделено влиянию на топонимику и монументальную культуру. Проанализирован ряд социологических опросов, посвященных революции 1917 г. Предпринята попытка исследовать историческую память не через отдельное отношение к революции, а через отношение к советскому прошлому и символам эпохи в целом.

В феврале 1917 г. в Российской империи из-за нерешенной совокупности остросоциальных вопросов произошел первый этап революции, носивший буржуазно-демократический характер. В историографии за данным событием закрепился термин «Февральская революция». Пришедшее к власти Временное правительство не смогло решить поставленные временем задачи. Это обусловило появление второго этапа революции – октябрьского, вошедшего в историографию под термином «Октябрьская революция». Став одним из ключевых событий XX века, в Советском Союзе Октябрьская революция не являлась рядовой памятной датой. Это был один из главных идеологических праздников – Великая Октябрьская социалистическая революция, праздновавшийся неизменно на протяжении более 70 лет. В условиях перестройки и последовавших за ней геополитических изменений 1991 г. обществом и властью была проведена ревизия советской исторической памяти, включавшей образ Ленина и роль Октябрьской революции.

В статье рассматриваются процессы десоветизации и декоммунизации, характерные для исторической политики новых независимых государств в 1990-х гг.

12 июня 1990 г. в Москве Председатель Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Б.Н. Ельцин подписал Декларацию «О государственном суверенитете РСФСР» [3]. Фактически это стало Днем независимости Российской Федерации. До 2002 г. праздник назывался в честь подписания декларации о суверенитете, получив в 2002 г. более лаконичное название «День России». В таком формате он существует по настоящее время.

В рамках осуществлявшегося в России процесса десоветизации в первой половине 1990-х гг. была последовательно заменена государственная символика.

Новая российская власть во главе с президентом Б.Н. Ельциным, который позиционировал себя демократом, выступала правопреемницей СССР. Но при этом новая политическая элита основывала свою легитимность на противопоставлении себя советскому прошлому. Так, в 1990-е гг. президент Б.Н. Ельцин и его соратники для легитимации политического курса использовали «исторический нарратив, противопоставлявший “старую” Россию образца СССР и империи Романовых “новой”, “демократической России” [9, с. 81]. Подобный подход характеризовал историческую политику первой половины 1990-х гг.

В тот период Россия столкнулась с необходимостью налаживать внешнюю и внутреннюю политику, находясь в условиях глубокого кризиса. Это затронуло и историческую политику, развивавшуюся под воздействием нескольких факторов. Во-первых, в России отсутствовала необходимость подчеркивания своей идентичности для обоснования государственности. Во-вторых, Российская Федерация остро нуждалась в консолидации разрозненного общества.

В советское время общество было консолидировано вокруг коммунистической партии и проводимой ею идеологии. Проводниками партийной идеологии помимо прочего являлись советские праздники. День Великой Октябрьской социалистической революции была не только главным революционным праздником, но и служила олицетворением внушительного пантеона народных праздников, таких как: Международный день солидарности

– 1 мая, День Победы – 9 мая, День Советской армии и Военно-морского флота – 23 февраля и др. В российском календаре сохранилась большая часть советских праздников с прежними названиями и датами. Однако некоторые из них потеряли свою актуальность и заложенный в них первоначальный смысл.

Обратимся к трансформации празднования Октябрьской революции. Начиная с 1992 г. количество выходных дней, связанных с революцией, уменьшилось с двух (7 и 8 ноября) до одного (7 ноября). В 1995 г. 7 ноября получил статус Дня воинской славы. Это было сделано в честь парада Красной Армии, прошедшего на Красной площади 7 ноября 1941 г. Несмотря на стремление правительства Б.Н. Ельцина дистанцироваться от главного советского идеологического праздника, заменив революцию Днём воинской славы, этого не получилось. Упомянутый выше парад 1941 г. был запланирован в честь 24-й годовщины революции и в закон «О днях воинской славы» вошел под прежним, советским названием «День Великой Октябрьской социалистической революции» [19].

Через год, 7 ноября 1996 г. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал указ о переименовании ноябрьского праздника. 7 ноября получил название «День согласия и примирения». Как уточняется в тексте указа, это было сделано с целью «впредь не допускать противостояния, в целях единения и консолидации российского общества» [16]. Кроме того, субъектам Российской Федерации предписывалось «принять меры по приведению в надлежащее состояние памятников жертвам революций, гражданской войны, политических репрессий независимо от их политической принадлежности» [16]. Указ следует относить к коммеморационным законам, регламентирующим пространство памяти. Российская власть, взяв курс на дистанцирование от оценки 7 ноября, изменила формат праздника. Под новым названием праздник просуществовал до 2004 г. Главной целью нового формата было примирение всех сторон конфликта. Несмотря на отмену празднования Октябрьской революции на государственном уровне, на протяжении 1990-х гг. 7 ноября продолжали отмечать члены коммунистических организаций и рядовые россияне в домашнем кругу. Тем самым произошло понижение символического статуса праздника [8, с. 14].

Еще одним процессом, характерным для 1990-х гг., была декоммунизация, совпавшая по времени проведения с демократизацией общественно-политической жизни и ревизией советского прошлого. Этот

процесс на территории Российской Федерации характеризовался заменой советских топонимов и демонтажом памятников, посвященных советским политическим деятелям. Городам чаще всего возвращались их исторические, дореволюционные названия. Однако надо учитывать тот факт, что переименование городов и замена городской топонимики не были равномерными процессами и в разных регионах России проходили по-разному.

Большая работа по декоммунизации городской топонимики была проведена в Москве на протяжении 1990-х гг. Решением городского совета большинству улиц возвращались дореволюционные, исторические названия. Например, ул. Карла Маркса получила название Старая Басманная, ул. Фрунзе стала Знаменкой, площадь 50-летия Октября получила название Манежной и др. [13]. При этом не все переименования были связаны с процессом декоммунизации. Так, улица в честь белорусского писателя А. Мицкевича была переименована в Большой патриарший переулок и т. д. [13].

Особый интерес представляет практика, используемая в некоторых российских городах, по сохранению нескольких названий улиц одновременно. Например, в г. Ярославле на одном здании размещают несколько табличек с названием данной улицы в разные исторические эпохи [10]. Так, можно встретить дореволюционное, советское и современное название одной и той же улицы, что позволяет создать из улицы настоящее место памяти. Подобная практика в наименьшей степени вызывает конфликт в обществе.

Переименования в рамках процесса декоммунизации коснулись не только урбанонимов, но и крупных российских городов. В период с 1987 по 1996 гг. ряду российских городов возвращаются их исторические названия. Речь идет об Ижевске, Набережных Челнах, Рыбинске, Нижнем Новгороде, Твери, Владикавказе, Самаре, Екатеринбурге и др. Решение о переименовании города чаще всего принимал городской совет, после чего отправлял соответствующее решение в Верховный Совет РСФСР для одобрения.

Иная ситуация сложилась вокруг г. Ленинграда, где был проведен городской референдум по вопросу возвращения исторического названия. По его итогам за переименование проголосовало 54%, против – 42%. Уже 6 сентября 1991 г. город вернул свое историческое название [7]. Однако изменение названия административного центра Ленинградской области не повлекло за собой переименование области – она сохранила свое советское название. Аналогичным образом происходило переименование г. Свердловска.

После возвращения исторического названия – Екатеринбург, область сохранила свое советское название – Свердловская область [4].

Важно отметить, что не всегда удавалось переименовать города с советскими названиями. Чаще всего это происходило из-за опроса жителей городов, так как сторонников переименования и их противников оказывалось приблизительно поровну. Так, в 1993 г. не удалось переименовать г. Киров в Вятку. В ходе общественного обсуждения выяснилось, что подавляющее большинство выступило против изменения названия города (около 80%). Еще одним примером служит попытка переименования г. Тольятти в 1996 г. Тогда против возвращения исторического названия Ставрополя-на-Волге выступило около 70% [20]. Иногда городу сохраняли старое советское название по объективным причинам. Например, сохранили свое название такие города, как Ульяновск и Калининград. Ульяновск не подвергся переименованию, так как был особым местом памяти – родиной В.И. Ленина. Здесь действовал крупнейший мемориальный комплекс, открытый в честь 100-летия юбилея со дня рождения Ленина в 1970 г. Не раз поднимался вопрос переименования г. Калининграда и возвращения ему исторического названия – Кёнигсберг. Однако в общественно-политических условиях 1990-х гг. переименование города могло положить начало дискуссии о территориальной принадлежности города и области. В связи с этим город также сохранил свое советское название.

В первой половине 1990-х гг. частичному переименованию подвергся Московский метрополитен. Так станция Дзержинская получила название Лубянка, Щербаковская – Алексеевская, Кировская – Чистые пруды, Проспект Маркса – Охотный ряд, Ленинская – Царицыно, Площадь Свердлова – Театральная, Площадь Ногина – Китай-город и др. [15].

Процесс декоммунизации в России затронул также и монументальную культуру, которую олицетворяли не только Ленин, но и другие советские деятели. Установить точное количество памятников Ленину на огромном географическом пространстве Российской Федерации не представляется возможным. Как и в ситуации с другими странами бывшего Советского Союза, здесь не велся учет монументальной ленинианы. А выходившие сборники памятников РСФСР страдают неточностью. По данным проекта «Памятники Ленина», по состоянию на 1991 г. в России находилось около 7 тыс. монументов и бюстов советскому вождю. И если для постсоветской

топонимики характерно переименование, то в монументальной культуре не происходило радикальных изменений. Исключением станет, пожалуй, столица Чечни – г. Грозный. В 1991 г. там была демонтирована вся монументальная лениниана. В противовес этому следует выделить два города федерального значения – Москву и Санкт-Петербург. Там располагалось около 150 и 200 памятников соответственно [6]. Отсюда следует, что подавляющее большинство памятников Ленину, несмотря на процесс декоммунизации, оказались нетронутыми.

В некоторых постсоветских странах, например Беларуси и Украине, процесс декоммунизации в 1990-е гг. включал в себя запрет на деятельность коммунистической партии. В России деятельность коммунистической партии также оказалась вне закона после провала августовского путча. Соответствующий указ «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» был подписан 23 августа 1991 г. президентом РСФСР Б.Н. Ельциным [18]. Следующий президентский указ от 6 ноября того же года постановил «прекратить на территории РСФСР деятельность КПСС, КП РСФСР, а их организационные структуры распустить», окончательно ликвидировав КПСС и ее структурное подразделение [17]. Однако уже в 1993 г. была создана Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), позиционирующая себя правопреемницей КПСС.

В 1990 г. в Советском Союзе было запланировано празднование 120-летия Ленина. Учитывая общественно-политическую обстановку, юбилей отличался от предыдущих круглых дат и не отмечался с ранее присущим размахом. Так, в ходе подготовки к нему «открыто признавалось, что в течение практически полувека насаждалась догматизация ленинизма, приспособленного к потребностям сталинской модели государственного социализма» [1, с. 241]. Любое отклонение от заданного курса могло рассматриваться в качестве «измены делу рабочего класса». В октябре 1989 и январе 1990 гг. прошли совещание историков и пленарное заседание Идеологической комиссии ЦК КПСС соответственно. На них был подтвержден факт возникновения антиленинизма в советских реалиях. В советском обществе формировалась двойственность представлений о Ленине: с одной стороны, высказывались предложения переосмыслить его роль и деятельность, с другой – демократически ориентированная политическая элита стремилась не просто дискредитировать его образ, но и полностью предать забвению.

Кроме того, начиная с 1989 г. в советском обществе появилась дискуссия по вопросу погребения Ленина. Одним из первых идею об упокоении вождя высказал знаменитый режиссер М. Захаров в прямом эфире телепрограммы «Взгляд» 21 апреля 1989 г.: «Мы можем как угодно ненавидеть человека, как угодно его любить до самозабвения, но мы не вправе лишать человеческое тело захоронения, подражая древним язычникам… Создание искусственных святых мощей – это акт безнравственный»[1]. Этот же вопрос 2 июня 1989 г. поднял публицист Ю. Карякин, заявив, что Ленин желал быть упокоенным на Волковом кладбище в Ленинграде, рядом с могилой матери [12]. Позднее, спустя 10 лет, он признает, что никакого пожелания Ленина по вопросу захоронения не существует.

Уже в суверенной России было предложено кардинально изменить внешний облик Красной площади. Соответствующий указ был подготовлен Московской мэрией в 1993 г. В указе предлагалось захоронить тело Ленина на вышеупомянутом Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. Предложение о захоронении распространялось и на захоронения, расположенные вдоль Кремлевской стены [5].

В 1997 г. президент России Б.Н. Ельцин был намерен провести общенациональный референдум для решения вопроса, связанного с захоронением Ленина. Однако Государственная дума заблокировала его проведение принятием заявления, «в котором призвала органы власти и граждан России «предотвратить акт политической мести Ленину», а предложение о захоронении тела бывшего вождя назвала «откровенным вандализмом» [5]. Более осторожную позицию выразили представитель Российской православной церкви (РПЦ) Патриарх Алексий II и Президент Татарстана М. Шаймиев в 1999 г. По их мнению, для решения такого острого вопроса следует провести референдум и перезахоронить тело Ленина вместе с другими советскими деятелями, покоящимися на Красной площади в специально оборудованном месте.

Уйдя в отставку, Б.Н. Ельцин по-прежнему считал, что тело Ленина нужно предать земле, а отсутствие решения по этому вопросу объяснял неготовностью общества: «Останки Ленина вынести из мавзолея и предать земле, разумеется, надо… Не созрела в обществе психологическая готовность.

[1] Телепередача «Взгляд». 21 апреля 1989 г. Марк Захаров о захоронении Ленина. URL: https://www.youtube.com/watch?v=CaifQ7dw-S4 (Дата доступа: 12.10.2023)

Каждый раз я откладывал решение, чтобы не создавать дополнительную напряженность, берег покой людей. Может быть, зря откладывал, зря берег. Сделать-то это все равно придется… Напрасно я переложил ответственность на будущего президента» [2].

Проводимая политика по декоммунизации и десоветизации общественно-политического и культурного пространства не могла не отразиться на обществе. Ниже представлен ряд социологических исследований, проведенных на протяжении 1990-х гг. аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр) (*социологическая служба включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. – Ред.*). Так, в 1990 и 1997 гг. у респондентов уточнялось их отношение к Октябрьской революции: «Она открыла новую эру в истории народов России» (23%); «Она дала толчок их социальному и экономическому развитию (26%); «Она затормозила их развитие» (18% в 1990 г. и 19% в 1997 г.); «Она стала для них катастрофой» (12% в 1990 г. и 16% в 1997 г.). Примечательно, что для первого и второго варианта ответа значение за 7 лет не изменилось [21]. На вопрос «Как Вам кажется, что главным образом привело к Октябрьской революции?» подавляющее большинство ответило «тяжелое положение трудящихся» – 66% в 1990 г. и 57% в 1997 г. Слабость правительственной власти отметили 36% и 40% соответственно [11]. В опросе также предлагалось выбрать революционных деятелей 1917 г., которые вызывают наибольшую симпатию и антипатию. Наиболее сильно измененилось отношение к личности Ленина: положительное отношение изменилось с 67% в 1990 г. до 28% в 1997 г. Симпатия уменьшилась также в отношении Дзержинского (с 45% до 25%) и Троцкого (с 16) до 5%). Наоборот, положительный рост характерен для Николая II (с 4% до 17%), Колчака (с 3% до 8%), Керенского (с 3% до 4%) и Сталина (с 8% до 15%) [11]. Значительный рост симпатий респондентов к последнему российскому императору Николаю II может быть связан с тем, что он ассоциируется с одной из первых жертв большевистского террора.

В целом за 7 лет между сравниваемыми опросами заметна тенденция уменьшения поддержки большевиков и революции. На вопрос «Представьте себе, что Октябрьская революция происходит на ваших глазах. Что бы Вы стали делать?» активно поддерживали большевиков 23% опрошенных в 1990 г. и всего 15% в 1997 г. Уменьшилось и сотрудничество с большевиками – с 26% до 16% соответственно.

Приведенные данные социологических опросов демонстрируют значительные изменения в исторической памяти россиян, произошедшие на протяжении 1990-х гг. Если в советскую эпоху термин «революция» чаще всего использовался в положительной коннотации, вызывая ассоциацию с Октябрьской революцией, то в 1990-е гг. ситуация резко изменилась. Перемены, начавшиеся в последнее десятилетие XX в., изменили отношение к идеям революции или государственного переворота. Они приобрели скорее негативный оттенок [14, с. 63]. На это повлияла в том числе историческая политика, проводимая демократическим правительством во главе с Б.Н. Ельциным, противопоставлявшим себя советской эпохе на протяжении двух президентских сроков.

Новая власть последовательно выступала за переформатирование символического пространства, сложившегося в советскую эпоху. Происходило изменение топонимов и урбанонимов, велись дискуссии о демонтаже или переносе главного места памяти Ленина – мавзолея на Красной площади. При этом следует обратить внимание на тот факт, что в России 1990-х гг. не было широкой кампании, направленной на демонтаж памятников Ленину и тотальное переименование. Российская власть ограничилась лишь вытеснением памяти о Ленине и революции 1917 г. на периферию. А процесс декоммунизации носил точечный характер. Таким образом, демократическая власть всячески дистанцировалась от революционных событий 1917 г. В этом можно увидеть схожесть с процессами, проходившими в Республике Беларусь в аналогичный период.

Литература

1. Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М., 2020.

2. Борис Ельцин: Мне самому надо было решить вопросы о захоронении Ленина и о запрете компартии. URL: https://lenta.ru/news/2000/12/08/yeltsin/ (дата обращения: 23.10.2023).

3. Декларация «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». URL: https://docs.cntd.ru/document/9038679 (дата обращения: 23.10.2023).

4. Ермоленко А. 30 лет в другом городе: как Свердловск за один день превратился в Екатеринбург. URL: https://www.e1.ru/text/gorod/2021/09/23/70151825/ (дата обращения: 23.10.2023).

5. Кто добивался перезахоронения Владимира Ленина. URL: https://tass.ru/info/902359?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 23.10.2023).

6. Кудинов Д. Сколько всего памятников Ленину? Памятники Ленину. URL: http://lenin.tilda.ws/skolko (дата обращения: 23.10.2023).

7. Куртов А. «Ленинград – тоже было красиво». Петербуржцы – о переименовании города. URL: https://spb.aif.ru/city/event/vozvrashchenie_petra_25_let_nazad_leningrad_pereimenovali_v_sankt-peterburg (дата обращения: 23.10.2023).

8. Малинова О. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ. М., 2017.

9. Малинова О. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России). Пермь, 2018.

10. Мозжухин А. «У Горбачева и Ельцина не было политической воли». Почему Россия не избавилась от советских названий городов и улиц. URL: https://lenta.ru/articles/2020/07/07/savin_2/ (дата обращения: 23.10.2023).

11. Октябрьская революция // Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2007/10/31/oktyabrskaya-revolyutsiya/ (дата обращения: 23.10.2023).

12. Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г.: стенографический отчёт. М., 1989.

13. Переименование улиц в Москве. URL: http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?p=554 (дата обращения: 23.10.2023).

14. Попова В.Н. Феномен революционного праздника: история появления и забвения. М., 2019.

15. Слободян Е. Какие станции московского метро были переименованы и почему? URL: https://aif.ru/dontknows/file/kakie_stancii_moskovskogo_metro_byli_pereimenovany_i_pochemu (дата обращения: 23.10.2023).

16. Указ Президента Российской Федерации «О Дне согласия и примирения». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/10231 (дата обращения: 23.10.2023).

17. Указ Президента РСФСР «О деятельности КПСС и КП РСФСР» № 169 от 06.11.1991. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/385 (дата доступа: 23.10.2023).

18. Указ Президента РСФСР «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» № 79 от 23.08.1991. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/134 (дата обращения: 23.10.2023).

19. Федеральный закон «О днях воинской славы, победных днях России» № 32-ФЗ от 13.03.1995. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7640 (дата доступа: 23.10.2023).

20. Филипенок А. Без Октемберяна и «Красной площади»: как переименовывали Советский Союз. URL: https://www.rbc.ru/society/30/12/2021/61caf0bb9a794791e9fad8c9 (дата обращения: 23.10.2023).

21. Что принесла Октябрьская революция народам России…? // Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2006/11/02/chto-prinesla-oktyabrskaya-revolyutsiya-narodam-rossii/ (дата доступа: 23.10.2023).

M.A. Veremeichyk
Belarusian State University

Desovietization as a set of transformations in the historical policy of the Russian Federation (1991-2000)

Key words: *historical memory; desovietization; revolution of 1917; Russian Federation; monumental leniniana; decommunization.*

This article is devoted to the commemoration of the 1917 revolution on the territory of the Russian Federation in 1991–2000. The processes of desovietization and decommunization characteristic of this period are highlighted. Considerable attention is paid to the influence on toponymy and monumental culture. A number of sociological surveys devoted to the revolution of 1917 are analyzed. An attempt is made to explore historical memory not through a separate attitude to the revolution, but through an attitude to the Soviet past and the symbols of the era as a whole.

Н.А. Косяк

Белорусский государственный университет

УДК 94(575.2)«1991/2005»

Институты коммеморации Республики Кыргызстан во время президенства А.А. Акаева (1991−2005 годы)

Ключевые слова: *коммеморативные практики; политика памяти; Республика Кыргызстан; мемориализация; «комиссии памяти»; «организационные комитеты памяти»; Академия Наук.*

Статья посвящена институционально-коммеморативным процессам, происходившим в 1991−2005 гг. на территории Кыргызстана. Значительное внимание уделено научно-образовательным и культурным организациям, влияющим на формирование институциональной коммеморативной политики. Проанализированы основные задачи и направления созданных учреждений. Отмечена ключевая роль Национальной академии наук Республики Кыргызстан как одного из форпостов в реализации вопросов политики памяти. Подчеркивается уникальность функционировавших «комиссий памяти», «организационных комитетов памяти» во время президенства А.А. Акаева.

В условиях существования независимой Республики Кыргызстан (далее – Кыргызстан) важной составляющей стало выстраивание многофункциональной сети учреждений, отвечающих за формирование исторической памяти республики. Каждый из институтов имел собственный профиль. Так, кыргызской институциональной модели[1] были присущи следующие аспекты: создание организационных комитетов памяти (далее – ОКП) и комиссий памяти (далее – КП), отвечающих за популяризацию выдающихся личностей или событий среди граждан через призму коммемморативных практик; учреждение институций коммеморации в научно-образовательной, культурной

[1] По причине весомого количества институтов, занимающихся коммеморативными вопросами, в тексте статьи будет приведено только несколько примеров реализуемых институтами проектов в области политики коммеморации.

(музейной) сферах, показывающих наличие богатого исторического наследия кыргызского этноса.

Передовым учреждением, отвечающим за формирование «архитектуры» политики памяти в государстве, являлась *Академия наук Республики Кыргызстан* (с 1993 г. – *Национальная Академия наук Республики Кыргызстан*) [14, ст. 1] (далее − НАНК) [12] и ее сопутствующие структуры. Апробация коммеморативных практик была возложена на *Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова* (далее – ИИАиЭ НАНК), *Институт языка и литературы Ч.Т. Айтматова* (далее – ИЯиЛ НАНК), *Институт философии, права и социально-политических исследований им. А.А. Алтмышбаева* (далее – ИФПСПИ НАНК).

Ключевыми направлениями в исследованиях ИИАиЭ НАНК стало изучение этногенеза, этнологии и традиционной культуры кыргызов; археологического прошлого; древней, средневековой и новейшей истории центральноазиатского региона; возникновения кыргызской государственности; истории внешней политики республики [4]. При ИИАиЭ с 1995 г. начал функционировать *Национальный центр манасоведения и художественной культуры* (далее – НЦМХК), задача которого заключалась в планомерном изучении эпоса «Манас» и его важности в формировании кыргызской идентичности [36, ст. 1].

Под эгидой ИИАиЭ издается огромное количество монографий, освещающих основные коммеморативные аспекты по отдельным направлениям: общеисторические вопросы (фундаментальные труды: «Кыргызы», «История Кыргызстана» в трех томах), роль личности в истории, юбилеи выдающихся личностей Кыргызстана, внесших вклад в становление суверенитета («100-летие медресе Шабдан Баатыра»), культурное наследие страны («Эпос Манас как источник изучения духовной культуры киргизского народа»; «Этнические традиции кыргызского народа») [3].

В спектр задач ИЯиЛ НАНК входило изучение истории, развития и функционирования кыргызского литературного языка на территории суверенной республики, исследование фундаментальных литературных трудов страны. Так, сотрудниками института реализуются проекты по подготовке и пропаганде эпосов «Манас» и «Семетей». Апробация научных достижений института происходит на страницах журнала «Вопросы языка, литературы и искусства» [6].

Научно-исследовательские разработки ИФПСПИ НАНК базируются в области политико-правовой, этико-философской и социально-политической парадигмы становления кыргызского государства через призму исторической коммеморации с древнейшего времени до современного этапа [5].

Особенностью НАНК является функционирование отдельной структуры, выполняющей те же задачи, что и все институты. Таковым стало *Южное отделение НАНК (*далее – ЮО НАНК*)*, созданное в 1993 г. [12, ст. 4] с целью детального изучения южных регионов страны. Изучением коммеморативных практик при ЮО НАНК занимается *Институт гуманитарных и региональных исследований* (далее – ИГРИ); его отделы историко-культурный и исследования межэтнических отношений[1]. Спектр исследований составляли вопросы историко-культурных, межэтнических и общественно-политических процессов [3].

Изменения затронули и образовательную сторону институциональных коммеморативных процессов в нескольких направлениях: создание на базе институтов центров, занимающихся вопросами политики памяти, и учреждений, обеспечивающих учебно-методический базис. Для разработки и поддержания учебно-методических вопросов в сфере коммеморации был учрежден *Кыргызский институт образования* в 1993 г. (далее – КИО) [24, ст. 1].

В образовательной сфере одним из ключевых институтов коммеморации можно считать *Кыргызский государственный университет* (с 1993 г. – присвоен статус «национального» университета[2]) (далее – КГНУ) [11; 16 ст. 2]. Изучением вопросов политики памяти при КГУ занимается *Исторический факультет* и его подконтрольные кафедры. Исследования университета направлены на изучение национальной и политической истории, культуры, археологии, этнографии международного права и религиоведения. Трансляцией археологического и историко-культурного потенциала страны при КГНУ занимается *Музейно-исследовательский центр*.

---

[1] Примером научной деятельности отделов может служить работа в рамках исследовательского гранта *«Сохранение и исследование историко-культурного наследия в условиях социальной многогранности»* с целью детального изучения южных регионов страны [3].

[2] В 2002 г. университету было присвоено имя выдающего ученого Кыргызстана – Жусупа Баласагына [13, ст. 1]

Проблемами коммеморации занимается *Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева*[1] (2005 г.) (далее – КГУА) [23, ст. 1]. Коммеморативная проблематика университета разнообразна. Исследования в области возникновения и развития кыргызского языка и культуры государства ведет *Институт государственного языка и литературы* [33], национальной и всеобщей истории, проблем центральноазиатских международных отношений – *Институт истории и социально-правового образования им. Э.Ж. Манаева*, проблем религиоведения *Отдел религиоведения* [23].

Одним из характерных направлений в образовательной сфере стало учреждение международных институтов с соседними государствами с целью более детального изучения коммеморативных вопросов. В 1995 г. создан *Кыргызско-Турецкий университет им. Манаса* (далее – К-ТУ) [20, ст. 1]. Решение вопросов коммеморативного профиля было возложено на научно-исследовательские центры института. Так, исследования в сфере тюркоязычной истории (ее возникновения и воздействия на современный мир) проводил *Центр исследований в тюркоязычной цивилизации*[2] (2004 г.) (далее – ЦИТЦ). Практические исследования в области археолого-этнологических достижений осуществлял *Евразийский научно-исследовательский институт языка, истории, археологии* (2007 г.) [7].

Проблемами центральноазиатской истории занимается *Центр исследований Центральной Азии* (2010 г.) (далее – ЦИЦА). Под патронажем центра организуется огромное количество семинаров, конференций, способствующих более детальному изучению как центральноазиатского региона в целом, так и кыргызско-турецких взаимоотношений. Как пример, в мае в 2004 г. в стенах ЦИЦА прошел симпозиум «Будущее отношений Кыргызстана и Турции в свете 22-летнего опыта» [49].

В 2005 г. сотрудники центра совместно с Исследовательским центром исламской истории, искусства и культуры разработали научно-исследовательские проекты «Мир и религия Центральной Азии», «Организация и деятельность религиозных групп в Кыргызстане» [49].

---

[1] С 1992 по 1993 гг. учреждение образование было известно под общим названием *«Кыргызский государственный педагогический институт им. И. Арабаева»* [22, ст. 1].

[2] Исследования центра направлены на изучение вклада тюрков в становление кыргызской государственности. Так, сотрудниками ЦИТЦ был реализован проект *«Тюркские республики при Тюркском совете в 25-летие независимости: отношения и сотрудничество»* [49].

В 1997 г. был учрежден *Кыргызско-Узбекский университет* (далее – К-УУ) [17, ст. 1; 47]. Вопросы реализации центральноазиатской коммеморации легли на плечи *Историко-филологического факультета*, где основные исследования были посвящены возникновению кыргызского языка и его влиянию на формирование национальной идентичности.

Изучение региональных коммеморативных практик было возложено на областные университеты. Так, изучением археолого-этнографического и историко-культурного потенциала Джалал-Абадской области занимался *Джалалабадский государственный университет* (1993 г.) (далее – Дж-АбГУ) [21, ст. 1]. В Таласской области аналогичные задачи решал *Таласский государственный университет* (2001 г.) (далее – ТалГУ) [28, ст. 1].

В результате научно-образовательное крыло институциональных коммеморативных практик во время президентства А.А. Акаева характеризовалось отлично сформированной структурой. Доминирующей единицей, отвечающей за формирование общей модели исторической коммеморации республики, стала НАНК и ее профильные институции (ИИАиЭ (НЦМХК); ИЯиЛ; ИФПСПИ). В институционально-образовательной среде коммеморации разделение учреждений шло по тематическим блокам: изучение общеисторических вопросов (КГНУ; КГУА), региональной (местной) истории (Дж-АбГУ; ТалГУ), аспектов центральноазиатской (К-УУ) и тюркоязычной (К-ТУ) истории. Для обеспечения учебно-методического контроля действовал КИО.

Для институциональных процессов 1990 – первой половины 2000-х было характерно наличие развернутой музейной сети. Учреждались музейные историко-мемориальные комплексы, заповедники, освещающие историческое прошлое (как древнее, так и современное) республики[1]. В 1990 г. был торжественно открыт *Ляйлякский районный музей-комплекс* (далее – Ляйлякский музей*)*, посвященный истории Великой Отечественной и советско-афганской войне [40, ст. 1]. В этом же году произошло открытие *музея-заповедника «Манас»* (далее − М-З «Манас*»*), экспозиции которого посвящены великому предку кыргызов – Манас Баатыру [18, ст. 1]. С целью популяризации

[1] Стоит отметить, что функционирование музейных институтов началось при Советском Союзе и продолжилось в суверенной республике. Поэтому в статье будут приведены музейные учреждения, созданные в КССР и продолжавшие свою функцию во время администрации А.А. Акаева.

исторического эпоса «Манас» в 2001 г. создан *Кыргызский национальный комплекс «Манас Ордо»*[1] (далее – КНК «Манас ордо») [45].

Особенностью кыргызской музейной коммеморации стало учреждение сети домов-музеев, посвященных наиболее выдающимся личностям страны. К таким домам относятся мемориальный дом-музей М.В. Фрунзе (2002 г.), Ч.Т. Айтматова (2004 г.), И.Р. Раззакова (2005 г.) [46]. Сохранением кыргызского исторического наследия занимался *Национальный исторический музей* Кыргызстана (далее – НИМ РК). Экспозиции НИМ РК посвящены древнейшей, средневековой и новейшей истории региона [46]. В 1993 г. с целью трансляции археологического наследия Иссык-Кульской области открыт *Иссык-Кульский государственный историко-культурный музей-заповедник* (далее – И-КГИМЗ) [19, ст. 1]. В 2004 г. в целях сохранения археолого-этнографического наследия Ошской области создан *Национальный историко-археологический музейный комплекс «Сулайман-Too»* (далее – НИАМК «Сулайман-Too») [30; 41, ст. 1].

Помимо того, разнообразна сеть музейных учреждений скульптурно-изобразительного направления. Сохранением декоративно-прикладного кыргызского искусства, советской и современной (национальной) живописи занимался *Кыргызский национальный музей изобразительных искусств им. Гапара Айтиева* (1998 г.)[2] (далее – КНМИИ) [15, ст. 1]. Трансляцией скульптурных достижений стал музей под открытым небом в Дубровом парке г. Бишкека (1984 г.). Скульптуры посвящены известным личностям, причастным к истории государства [1]. В 2004 г. произошло учреждение *Национального культурного центра Республики Кыргызстан* (далее – НКЦ РК), отвечающего за контроль, сохранение и использование памятников, музейных комплексов историко-культурного наследия [25, ст. 1].

Следовательно, для институциональной музейной коммеморации администрации А.А. Акаева было характерно создание музеев-заповедников, освещающих общеисторические вопросы республики (М-З «Манас»; КНК «Манас Ордо»; Ляйлякский музей), домов-музеев выдающихся личностей страны; археолого-этнографических мемориальных комплексов (И-КГИМЗ; НИАМК «Сулайман-Too»), национальных музеев, транслирующих

[1] С 1991 по 2000 гг. музейное учреждение имело статус *Таласского государственного областного комплекса «Манас Ордо»* [30].

[2] С 1974 по 1997 гг. музейное учреждение было известно под наименованием *«Кыргызский государственный музей изобразительного искусства им. Г. Айтиева»* [15, ст. 1].

историческое (НИМ РК), скульптурное (Дубровый парк) и изобразительное (КНМИИ) достояние республики. Спецификой кыргызской институционально-музейной коммеморации стало функционирование главной «управляющей» структуры, представленной НКЦ РК.

Уникальной чертой кыргызской институциональной модели, с одной стороны, является возникновение специализированных центров и сообществ, имеющих историко-культурный подтекст, а с другой – функционирование ОКП и КП, создание которых приурочено к юбилеям, памятным датам республик.

Особенностью центров, сообществ и фондов памяти во время президенства А.А. Акаева стал их историко-культурный профиль. С целью анализа историко-культурного потенциала страны и выработки основных рекомендаций по дальнейшему сохранению историко-культурного достояния республики в 1991 г. был учрежден *Центр исследований и экспертиз*[1] *(*далее − ЦИиЭ*)* при Президенте Республики Кыргызстан [29, ст. 1].

Для привлечения внимания к национальному языку, его истории и культуре в мае 1991 г. создано *Республиканское общество Кыргыз тил* («Кыргызский язык») (далее – РО КТ) [27, ст. 1]. Популяризацией национального языка занимается печатный орган общества «Кыргыз тил» [48, ст. 6].

Для сохранения памяти о великой женщине кыргызского народа, участвовавшей в становлении кыргызской государственности, с 1996 г. функционирует *общественный благотворительный фонд им. Курманжан Датки*[2] [39]. Для популяризации важнейшего историко-литературного труда – эпоса «Манаса» в 1996 г. учреждена *Государственная дирекция по пропаганде эпоса «Манас»* (далее – ГДП «Манас») [8, ст. 1]. Спектр задач ГДП «Манас» подразумевал консолидацию научного потенциала в сфере изучения аспектов эпоса и популяризации его среди общественных масс; проведения строительства и реставрации мемориальных комплексов, посвященных фрагментам эпоса [44, ст. 2].

---

[1] В 1992 г. указом Президента республики А.А. Акаева ЦИиЭ был распущен, а его функции были переданы высшим научно-образовательным инстанциям [43, ст. 1]

[2] Кыргызский государственный и политический деятель (1811−1907). Царица алайских (территория современной Ошской области) кыргызов (1832−1876 гг.). В историю вошла под псевдонимами *«Мать нации», «Алайская царица».* Имела чин полковника Русской императорской армии.

ГДП «Манас» подготовила цикл мероприятий, связанных с популяризацией народного эпоса. Одним из мероприятий стало возрождение деятельности оперных, театральных постановок эпоса. С 1997 г. на сценах республики шла постановка оперы К. Модобосанова «Семетей, сын Манаса». В кинотеатрах республики был показан документальный фильм «Великая эпопея». Активно шла популяризация эпоса в музыкальном направлении: симфонии К. Бегалиева «Манас», «Суд Манаса». В 1998 г. кыргызский иллюстратор Т. Курманов по заказу ГДП создал оформление литературного романа Т. Джакыпбекова «Тенири Манас». В 1996 году режиссером Н. Борбиевым по сценарию Т. Океева снят фильм «Ураан Манас» [30; 44].

КП учреждались с целью увековечивания важных исторических событий в становлении кыргызского суверенитета. Примером такой комиссии может служить, созданная в 1995 г. *Комиссия по увековечиванию выдающихся деятелей кыргызской государственности* [10; 42]. С целью сохранения и популяризации кыргызских языковых и культурных ценностей учреждалась в 2004 г. *Государственная комиссия при Правительстве Кыргызской Республики по развитию культуры и государственного языка* (далее – Комиссия по развитию языка и культуры) [9].

В основе деятельности ОКП памяти лежал принцип исторической преемственности по отношению к досоветской (до октября 1917 г.) и советской истории[1]. Ключевыми комитетами, причастными к досоветской истории, можно считать: *Организационный комитет по подготовке к празднованию 1000-летия эпоса «Манас»* (1994 г.) (далее – ОК 1000-летия «Манаса»); *Организационный комитет, посвященный 210-летию со дня рождения военного и государственного деятеля Ормон-хана Ниязбек уулу* (2000 г.) (далее – ОК 210-летия Ормон-хана). К комитетам можно отнести комиссии по увековечиванию памяти выдающихся политических деятелей И.Р. Раззакова (1999 г.), С.Б. Бегматовой (2000 г.), Э.С. Матыева (2000 г.), Ю.А. Абдрахманова (2001 г.); медика А.А. Алтымышева[2] (2002 г.) [2; 26; 31; 32; 34; 37; 38].

---

[1] Как правило, в основе деятельности ОКП лежит рассмотрение двух составляющих в коммеморативных практиках: досоветской (учреждение комитетов к юбилею знаковых событий, личностей) и советской (функционирование комитетов по причине празднования юбилеев деятелей советской науки, культуры и политики) истории.

[2] Коммеморативное увековечивание заключалось в изменении урбанистической структуры республики. Так, в честь академика названа одна из улиц в Бишкеке, в доме, где жил медик была установлена мемориальная доска [2].

В связи с этим администрация Президента ввела к началу 1990-х гг. несколько новых трендов: функционирование обществ, центров, комиссий памяти, отвечаюших за популяризацию национального языка и литературы (ЦииЭ; РО КТ; ГДП «Манас»; Комиссия по развитию языка и культуры), и ОКП (ОК 1000-летия «Манас»; ОК 210-летия Ормон-хана), ответственных за формирование коммеморативных практик в республике.

Таким образом, институты коммеморации Кыргызстана имели сложную многоуровневую структуру, представленную учреждениями в научной (НАНК, ЮО НАНК и их профильные инстанции), образовательной (КГНУ; КГУА; КИО; региональные институты; университеты, созданные совместно с иными государствами) и культурно-музейной (НКЦ РК; инстанции, представленные музеями-заповедниками, домами-музеями, музеями археолого-этнографического, скульптурно-изобразительного профилей) сферах.

Специфической чертой в институционально-коммеморативных практиках в период президенства А.А. Акаева стала работа КП и ОКП, направленных на популяризацию национальной истории как среди местных жителей, так и на общемировой арене.

Из этого следует, что кыргызские институты памяти (и их структуры) выполняют задачу, связанную с трансляцией для граждан республики важнейших этапов в становлении кыргызской государственности через призму коммеморативных практик[1] , что позволяет сформировать у граждан целостное понимание развития исторических процессов в республике.

[1] Издание фундаментальных исторических монографий, научно-методической и научно-справочной литературы, журналов при институтах, имеющих коммеморативный аспект. Проведение тематических экскурсий, выставок, популяризирующих эпос «Манас», внедрение коммеморативных практик в культурную сферу республики.

Литература

1. В Музее скульптуры в Дубовом парке выставят еще 14 композиций. URL: https://www.vb.kg/doc/348188_v_myzee_skylptyry_v_dybovom_parke_vystaviat_eshe_14_kompoziciy.html?ysclid=lnqb8es9xs946285047 (дата обращения: 23.10.2023).
2. В целях увековечивания памяти академика А. Алтымышева, внесшего значительный вклад в развитие отечественной науки и медицины: распоряжение правительства Республики Кыргызстан от 5 августа 2002 г., № 415-р. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/16446/20?mode=tekst (дата доступа: 24.10.2023).
3. Институт гуманитарных и региональных исследований. URL: https://naskr.gov.kg/ru/2019/06/23/institut-gumanitarnyx-i-regionalnyx-issledovanij/ (дата обращения: 23.10.2023).
4. Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова. URL: https://naskr.gov.kg/ru/2019/06/24/institut-istorii-i-kulturnogo-naslediya/ (дата обращения: 23.10.2023).
5. Институт философии, права и социально-политических исследований им. А.А. Алтмышбаева. URL: https://naskr.gov.kg/ru/2019/06/22/institut-fiolosofii-prava-i-socialno-politicheskix-issledovanij-im-a-a-altmyshbaeva/ (дата обращения: 23.10.2023).
6. Институт языка и литературы им. Ч.Т. Айтматова URL: https://naskr.gov.kg/ru/2019/06/21/institut-yazyka-i-literatury-im-ch-ajtmatova/. (дата обращения: 23.10.23)
7. Научно-исследовательский институт истории, языка и археологии Евразии. URL:https://manas.edu.kg/ru/Graduate+School+of+Language%2C+History+and+Archeology+Research (дата обращения: 23.10.2023).
8. О Государственной дирекции по пропаганде эпоса «Манас» постановление Правительства Республики Кыргызстан от 24 июня 1996 г., № 284. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/35343 (дата обращения: 23.10.2023).
9. О Государственной комиссии при Правительстве Кыргызской Республики по развитию культуры и государственного языка: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 4 мая 2004 г., № 335. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/55359/20?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).
10. О Комиссии при Президенте Кыргызской Республики по увековечению памяти выдающихся деятелей Кыргызстана: указ Президента Республики Кыргызстан от 7 декабря 2001 г., УП № 355. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3593/60?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).
11. О Кыргызском государственном университете: указ Президента Республики Кыргызстан от 11 августа 1993 г., УП № 228. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/47632/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).
12. О Национальной академии наук Кыргызской Республики: закон Жогорку Кенеш Кыргызской Республики от 25 июля 2002 г., № 132. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1089/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

13. О переименовании Кыргызского государственного национального университета: указ Президента Республики Кыргызстан от 11 мая 2002 г., УП № 112. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3746/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

14. О преобразовании Академии наук Кыргызской Республики: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 18 августа 1993 г., № 386. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/38693/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

15. О преобразовании Кыргызского государственного музея изобразительного искусства имени Г.Айтиева в Кыргызский национальный музей изобразительного искусства имени Г.Айтиева: указ Президента Республики Кыргызстан от 24 октября 1998 г., УП № 328. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/2890/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

16. О преобразовании Кыргызского государственного университета: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 14 сентября 1993 г., № 425. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/38736/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

17. О преобразовании Кыргызско-Узбекского высшего технологического колледжа в Кыргызско-Узбекский университет: указ Президента Республики Кыргызстан от 13 марта 1997 г., УП № 68. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/46098/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

18. О преобразовании литературно-этнографического музея «Гумбез Манаса» в государственный музей-заповедник «Манас»: постановление Совета Министров Киргизской ССР от 14 мая 1990 г., № 143. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/40664/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

19. О преобразовании Чолпон-Атинского историко-краеведческого музея в Иссык-Кульский государственный историко-культурный музей-заповедник: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 9 марта 1993 г., № 98. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/37873/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

20. О создании в гор. Бишкеке Кыргызско-Турецкого университета указ Президента Республики Кыргызстан от 19 апреля 2002 г., УП № 103. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/46805/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

21. О создании в гор. Джалал-Абаде Государственного университета: указ Президента Республики Кыргызстан от 2 апреля 1993 г., № УП-101. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/47527/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

22. О создании Института государственного языка и культуры при Кыргызском государственном педагогическом университете им. И. Арабаева: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 9 июля 2001 г., № 326. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96383/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

23. О создании Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева: указ исполняющего обязанности Президента Республики Кыргызстан от 3 мая 2005 г., УП № 160. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4264/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

24. О создании Кыргызского института образования: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 6 января 1993 г., № 5. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/37761/10?cl=ru-ru/ (дата обращения: 23.10.2023).

25. О создании Национального культурного центра Кыргызской Республики: указ Президента Республики Кыргызстан от 24 ноября 2004 г., УП № 418. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4198/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

26. О создании организационного комитета по подготовке и проведению 100-летнего юбилея видного государственного деятеля КР Юсупа Абдрахманова: распоряжение правительства Республики Кыргызстан от 4 октября 2001 г., № 365-р. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/15864/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

27. О создании Республиканского общества «Кыргыз тил»: постановление Кабинета Министров Республики Кыргызстан от 6 мая 1991 г., № 211. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/40034/10?cl=ru-ru (дата обращения: 23.10.2023).

28. О создании Таласского государственного университета: указ Президента Республики Кыргызстан от 25 июля 2000 г., УП № 189. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/2351/20?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

29. О создании Центра исследований и экспертиз при Президенте Республики Кыргызстан: указ Президента Республики Кыргызстан от 4 июня 1991 г., УП № 219. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/48242/10?cl=ru-ru (дата обращения: 23.10.2023).

30. О Таласском областном государственном комплексе «Манас Ордо»: указ Президента Республики Кыргызстан от 24 марта 2001 г., № УП-101. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/2101/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

31. Об изменении состава Национального организационного комитета Кыргызской Республики по подготовке и проведению 1000-летия эпоса «Манас»: указ Президента Республики Кыргызстан от 25 мая 1994 г., УП № 355. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/47153/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

32. Об образовании депутатской комиссии по увековечению памяти депутата Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Матыева Э.С.: постановление законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 26 декабря 2000 г., № 216-II. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/8828/10?mode=tekst (дата обращения: 24.10.2023).

33. Об образовании Института государственного языка и культуры: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 15 марта 2001 г., № 99. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/7955/20?mode=tekst (дата обращения: 24.10.2023).

34. Об образовании комиссии по увековечению памяти выдающегося государственного и общественного деятеля Кыргызской Республики Раззакова Исхака Раззаковича»: распоряжение правительства Республики Кыргызстан от 24 ноября 1999 г., № 471-р. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/41446/20?mode=tekst (дата обращения: 24.10.2023).

35. Об образовании Национального организационного комитета по проведению Года кыргызской государственности: указ Президента Республики Кыргызстан от 4 октября

1992 г., УП № 259. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3886/20?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

36. Об образовании Национального центра манасоведения и художественной культуры: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 7 сентября 1995 г., № 377. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/36478/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

37. Об образовании организационного комитета по подготовке и проведению в августе 2001 года 80-летнего юбилея видного государственного деятеля Сакен Бегматовой: распоряжение правительства Республики Кыргызстан от 7 декабря 2000 г., № 455-р. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/15455/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

38. Об образовании организационного комитета по подготовке и проведению 210-летия видного государственного и военного деятеля Ормон-хана Ниязбек уулу: распоряжение правительства Республики Кыргызстан от 19 апреля 2000 г., № 136-р. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/15137/10?mode=tekst (дата обращения: 24.10.2023).

39. Об обращении общественного Благотворительного фонда имени Курманжан Датки: постановление Жогорку Кенеша Республики Кыргызстан от 22 мая 2014 г., № 4086-V. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/74878/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

40. Об открытии Ляйлякского районного музея-комплекса: постановление Совета Министров Киргизской ССР от 26 октября 1990 г., № 302. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/40869/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

41. Об Ошском историко-археологическом музейном комплексе «Сулайман-Тоо»: указ Президента Республики Кыргызстан от 10 апреля 2004 г., УП № 133. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4121/20?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

42. Об увековечении памяти основателей кыргызской национальной государственности: указ Президента Республики Кыргызстан от 31 октября 1995 г., УП № 285. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/46991/20?mode=tekst (дата обращения: 24.10.2023).

43. Об упразднении Центра исследований и экспертизы при Президенте Республики Кыргызстан и Курсов повышения квалификации специалистов государственного управления при Кабинете Министров Республики Кыргызстан: указ Президента Республики Кыргызстан от 26 июня 1992 г., УП № 212. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61732/10?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

44. Положение «О Государственной дирекции по пропаганде эпоса "Манас"»: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 24 июня 1996 г., № 284. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/35344/10?cl=ru-ru (дата обращения: 23.10.2023).

45. Положение о Кыргызском национальном комплексе «Манас Ордо»: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 1 июня 2001 г., № 261. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/6851/20?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

46. Топ-10 музеев Бишкека − где находятся, что посмотреть. URL: https://ru.sputnik.kg/20230524/top-desyat-muzeev-bishkeka 1075599463.html?ysclid=lnqao9i8wx962886731 (дата обращения: 23.10.2023).

47. Устав Кыргызско-Узбекского университета: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 30 мая 1997 г., № 309. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/34448/20?mode=tekst (дата обращения: 23.10.2023).

48. Устав Республиканского общества «Кыргыз тил»: постановление Кабинета Министров Республики Кыргызстан от 6 мая 1991 г., № 211. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/40035?cl=ru-ru (дата обращения: 23.10.2023).

49. Центр исследований Центральной Азии. URL: https://orasam.manas.edu.kg/index.php/ru/o-nas/istoriya (дата обращения: 23.10.2023).

N.A. Kosyak

Belarusian State University

Department of History of Russia of the Faculty of History

Institutes of commemoration of the Republic of Kyrgyzstan during the presidency of A.A. Akaev (1991−2005)

Key words: commemorative practices; memory politics; Republic of Kyrgyzstan; memorialization; «memory commission»; «Organizing memory committees»; Academy of Sciences.

This article is devoted to the institutional-commemorative processes that took place in 1991−2005 on the territory of Kyrgyzstan. Considerable attention is paid to scientific, educational and cultural organizations that influence the formation of institutional commemorative policy. The main tasks and directions of the created institutions are analyzed. The key role of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan as one of the outposts in the implementation of memory policy issues is noted. The uniqueness of the functioning «memory commissions» and organizing committees of memory during the presidency of A.A. Akayev.

Раздел II
Материалы исследовательского проекта
по белорусоведению и россиеведению

Н.П. Шуткова

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

УДК 903.2.02.(476.4)

Пластинчатые печные изразцы XVI–XVIII веков с территории Могилевского Поднепровья как символ искусства и христианского мировоззрения

Ключевые слова**:** *печной пластинчатый изразец; историческая семантика; символ искусства; символ христианского мировоззрения; Могилевское Поднепровье.*

В статье представлены печные пластинчатые изразцы XVI–XVIII вв. из археологических коллекций с территории Могилевского Поднепровья. На их примере осуществлено рассмотрение изразцов как символа искусства и христианского мировоззрения через анализ основных сюжетов на лицевых пластинах артефактов.

Пластинчатые печные изразцы – это изразцы, в основе технологии изготовления и морфологии которых выделяются два основополагающих элемента: лицевая пластина и анкер (румпа или крепежный шип). Данный вид артефактов представляет собой источник для изучения не только материальной, но и духовной культуры общества определенной эпохи. Многобразие изображений на лицевых пластинах позволяет оценить изразцы как символ искусства и христианского мировоззрения[1].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Семантика белорусского изразцового искусства (по материалам Могилевского Поднепровья)», договор № Г23М-054, номер государственной регистрации 20231302.

Цель данной работы – рассмотрение пластинчатых печных изразцов как символа икусства и христианского мировоззрения на протяжении XVI–XVIII вв. Были проанализированы археологические материалы с территории Могилевского Поднепровья (Барколабово, Быхов, Кричев, Могилев, Мстиславль, Славгород (Пропойск), Шклов).

Все материалы относятся к периоду XVI–XVIII вв. Этот этап связан с началом использования пластинчатых печных изразцов в системе декора печей региона и завершается постепенной трансформацией технологии их изготовления. В соотношении с государственными образованиями на белорусских землях данный хронологический промежуток в основном приходится на время существования Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой.

В белорусской археологической науке печные изразцы как символ искусства и христианского мировоззрения мало изучены. Исследователи в основном акцентировали внимание на типологии, хронологии и орнаментальных мотивах артефактов [27, с. 141–151].

В связи с этим актуальным является определение ключевых понятий, позволяющих рассмотреть печные изразцы как элемент искусства и христианского мировоззрения. Среди них следует отметить историческую семантику, изразцовый терминологический аппарат, символ искусства и христианского мировоззрения.

Историческая семантика представляет собой направление исторической науки, исследующее значения и смыслы исторических дискурсов в контексте социально-политических практик эпохи. Изначально историческая семантика была полем деятельности лингвистики, затем она распространилась на другие сферы научного исследования [11, с. 174–176]. В начале XXI в. историческая семантика расширяет свои границы в области изучения археологического материала, в том числе печных изразцов.

Изучение семантики изразцов нашло отражение в публикациях белорусских исследователей. Следует отметить группу работ, в которых был осуществлен анализ отдельных категорий изображений с точки зрения их смысловой нагрузки и значения определенных сюжетов. Значительная часть публикаций посвящена изучению изразцов с антропоморфными изображениями светского и религиозного характера (Ю.А. Заяц, О.Н. Левко, О.А. Трусов, А.Н. Кушнеревич, А.А. Соловьев, Н.П. Шуткова) [6, с. 53-55; 7, с.

84–87; 13, с. 127–138; 18, с. 102–103; 19, с. 11–15; 20, с. 64–66; 24, с. 62–67]. В.В. Угринович осуществил искусствоведческий и семантический анализ белорусских изразцов с изображением букета и «дерева жизни» [21, с. 47–48; 22, с. 32]. Н.И. Зданович обратила внимание на «гротесковые» изображения на белорусских изразцах [8, с. 47–50]. Семантике зооморфных мотивов по полоцким материалам посвящены статьи Д.В. Дука и П.И. Мишина [4, с. 162–169; 5, с. 42–46; 14, с. 187–193]. Семантика некоторых сюжетов на печных изразцах из Мира и Минска прослежена П.А. Русовым [16, с. 142–144; 17, с. 69–85]. Авторская трактовка семантики изображений на изразцах Верхнего замка Витебска предложена Л.В. Колединским [10, с. 317–318]. Н. Кед акцентировала внимание на изразцовой печи как феномене народной культуры [9, с. 23–24].

Таким образом, семантика изразцового искусства является еще одним направлением исторической семантики, посвященным изучению смыслов сюжетов на пластинчатых печных изразцах определенной исторической эпохи.

Терминологический аппарат для описания пластинчатых печных изразцов. Ранее отмечалось, что складывание и трансформация понятийного аппарата для описания и характеристики печных изразцов с белорусских земель шло параллельно их изучению [30, с. 125–126]. В 70-х гг. XX в. печные изразцы входили в категорию «декоративная керамика», с начала 80-х гг. XX в. их стали соотносить с «архитектурно-декоративной керамикой». В белорусской археологической науке применяется три термина для обозначения печных изразцов: «изразцы с прямоугольными орнаментированными лицевыми пластинами», «коробчатые» и «пластинчатые». На протяжении длительного времени печные изразцы преимущественно обозначались как «коробчатые изразцы». С начала XXI в. акцент начинает смещаться в сторону использования термина «пластинчатые» изразцы, но параллельно с ним продолжает использоваться понятие «коробчатые изразцы» [30, с. 125–126].

В данной работе мы используем термин «пластинчатые изразцы». По архитектонике печи это: стенные изразцы, поясковые (поясовые) изразцы, карнизные изразцы (карнизы, гзымсы), вкладыши, изразцы-коронки, навершия, угловые изразцы, изразцы для покрытия купола печи, перемычки и элементы составного изразцового панно [25, с. 11–13]. Все они имеют лицевую пластину и анкер (румпу или крепежный шип). Лицевая пластина каждого такого структурного элемента была в большинстве случаев декорирована рельефным

рисунком, позволяющим проследить изменение орнаментальных мотивов и выявить их смысловую нагрузку.

Для определения роли *печных изразцов как символа искусства* и *христианского мировоззрения* рассмотрим понятие символа. Символ (от греч. symbolon – знак, опознавательная примета) – идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание [23, с. 607]. Религия и искусство представляют собой два разных явления, но между ними существует глубокая связь. Они выражают сущность и развитие человека [3, с. 31–35]. Искусство и религия выступают в качестве форм общественного сознания, зависящих от уровня развития общества и социальных институтов. В изучаемый исторический период на белорусских землях роль христианства в повседневной жизни была неоспорима. Любая религия предполагает наличие определенной картины мира и культа, устанавливающих связь человека и высшего начала. Искусство, в свою очередь, призвано преобразовывать сверхъестественную и окружающую реальность в понятные и приемлемые для каждой эпохи предметы. Через создание таких предметов мастера вводят в повседневную жизнь определенные символы, отражающие ценности и идеалы эпохи.

Печные пластинчатые изразцы могут рассматриваться как один из способов эстетического освоения действительности через образ, использовавшийся для декора лицевой пластины. Сюжеты лицевых пластин выполняют коммуникативные функции, устанавливая связь между человеком и искусством или религией. Орнаментальные мотивы также тесно связаны с мифологическим мировоззрением. Выбор символа зависел от периода использования, места изразца в архитектонике печи и вида архитектурно-археологического объекта.

Подробнее рассмотрим наиболее часто используемые сюжеты на некоторых категориях пластинчатых изразцов.

Стенные изразцы. Самые ранние стенные изразцы Могилевского Поднепровья имеют квадратную изогнутую внутрь или наружу лицевую пластину с рельефным ренессансным орнаментом (солярная символика, симметричные геометрические элементы), используются в системе печей XVI – начала XVII в. Солярная символика в христианском образном мире связывается с символом истины, бессмертия и воскресения [1, с. 255; 2, с. 61].

Геометрические элементы на лицевых пластинах (круг, ромб, квадрат, треугольник) представляют собой символы защиты, цельности, единства, постоянства и цикличности [2, с. 21, 27].

Стенные изразцы с квадратной формой лицевой пластины используются мастерами региона для облицовки печей второй половины XVI – первой половины XVII в. Постепенно на смену изразцам с квадратной формой лицевой пластины приходят изразцы с прямоугольной лицевой пластиной, остававшейся основной до конца XVIII в.

Изображение «кованого металла» («морескового орнамента») в декоре печи имеет восточное происхождение и состоит из геометрических элементов, построенных по принципу четырехчастной симметрии. Такой сюжет использовался в облицовке печей региона второй половины XVI – первой половины XVII в. [28, с. 178–185].

Достаточно популярным было изображение «букета в вазе», занимающего центральную часть композиции. Ваза представляет собой символ космических вод, часто ассоциируется с символизмом дерева жизни. Наличие цветов и побегов в вазе связывается с плодородием. Вариации такого сюжета на территории Могилевского Поднепровья использовались на протяжении XVI – начала XVIII в. [12, с. 31; 31, с. 16–36].

Растительные и геометрические элементы в качестве самостоятельных, без дополнительного использования других элементов не получили широкого распространения. Только с приходом декора печи рельефным ковровым орнаментом растительные элементы, особенно извивающиеся ветки с цветами, стали применяться чаще. Сочетание растительных и геометрических элементов на лицевых пластинах стенных изразцов отмечено для небольшого комплекса находок, использовавшихся в печных наборах XVII – начала XVIII в. [25, с. 12].

Стенные изразцы с геральдическим изображением представлены изразцами коллекций, на которых сохранились изображения гербов, латинских букв, букв и дат, щитодержателей, двуглавых орлов в коронах или со скипетром и державой. Встречены терракотовые, зеленополивные и полихромные экземпляры. Такого рода изображения на изразцах были призваны показать значимость, влиятельность и богатство владельца. Особую популярность получили изображения двуглавых орлов. Орлы на изразцах являются символами власти [1, с. 188; 25, с. 11].

Изразцы с антропоморфными изображениями представляют светские и религиозные сюжеты. Среди светских встречены изразцы с изображением воинов с разными дополнительными рельефными декоративными элементами (архитектурные и растительные элементы, изображение ангелов); всадника и воина с саблей. Изразцы с сюжетным антропоморфным изображением религиозного характера встречены в Могилеве, Мстиславле и Славгороде. Представлены изразцами с рельефным изображением св. Юрия (Георгия) на коне, борющегося с драконом (змием). Могилевские изразцы отличаются от мстиславских тем, что св. Юрий представлен, скорее, как воин и имеет больше светских черт, чем мстиславский с нимбом над головой. По стратиграфии слоя изделия датируются серединой – второй половиной XVII в. Образ св. Юрия (Георгия) стал одним из самых широко используемых религиозных сюжетов в изразцовом производстве Центральной и Восточной Европы [24, с. 62–67; 25, с. 12].

На территории Заднепровского посада Могилева найден зеленополивной изразец с рельефным изображением архангела Михаила (середина – вторая половина XVII в.). Архангел держит в правой руке меч, одет в доспехи. Архангел Михаил («Подобный Богу») является главнокомандующим небесного воинства, хранителем тайны сотворения мира, заступником людей перед Богом [2, с. 278].

Зооморфные мотивы как самостоятельные сюжеты не получили широкого распространения в качестве изображений на стенных изразцах региона. Можно отметить только изображение единорога (моноцероса), являвшегося символом непобедимости в христианстве [2, с. 296; 25, с. 12].

Изразцы с орнитологическим сюжетом также единичны. Сюда можно отнести изображение птицы с птенцами в гнезде XVIII в. с территории Шкловского замка. В христианском мировоззрении изображение птицы всегда несет позитивный смысл [2, с. 240].

Изображения религиозных монограмм и символов также представлены на некоторых стенных изразцах. Сюда относятся мстиславские изразцы с изображением черного солнца, состоящего из прямых и искривленных лучей, с монограммой IHS «In Hoc Signo» – «С сим победишь» по центру. Это традиционный символ ордена иезуитов. Датируются изразцы XVII в. [15].

На протяжении XVIII в. преобладающими становятся стенные изразцы с плоской лицевой пластиной, без рамки по краю пластины, без рельефного орнамента или с изображением рельефного картуша [25, с. 12].

Стенные изразцы занимали основную часть зеркала печи, поэтому им всегда уделяется больше внимания со стороны исследователей. Остальные категории изразцов были призваны подчеркнуть символизм стенных изразцов, придать дополнительную форму и объем печи. Комплект печи создавался в одном стиле. Поэтому ниже представим только основные категории печных изразцов, применявшихся в печном наборе.

Карнизные изразцы. Карнизные изразцы делятся на три варианта в зависимости от формы лицевой пластины: двухчастные (конец XVI – XVIII в.), s-образные (вторая четверть XVII – XVIII в.) и сложнопрофилированные (вторая половина XVII – XVIII в.) [25, с. 12].

Лицевая пластина двухчастных изразцов условно визуально делится на две части (прямоугольная и округлая), которые могут дополнительно подчеркиваться рельефной ступенькой или цветом поливы. Рельефное изображение использовалось для украшения лицевой пластины большинства изученных изразцов. Хронологически наиболее ранние (конец XVI – начало XVII в.) двухчастные изразцы региона имели ренессансные мотивы. Материалы XVII – начала XVIII в. в основной массе содержат растительные, геометрические, геральдические рельефные элементы или их сочетание. В начале XVIII в. наряду с изразцами с рельефным изображением в облицовке печей начинают использоваться изразцы без рельефа.

S-образные изразцы имеют в своей основе изогнутую лицевую пластину, напоминающую букву «s». Рельефное изображение покрывало всю поверхность изделия одним сюжетом или разбивало пластину на две орнаментальные зоны. В качестве рельефных изображений использовались растительные и геометрические элементы или их сочетание, геральдические и антропоморфные мотивы.

Сложнопрофилированные изразцы представлены морфологическими формами со сложным изгибом лицевой пластины, который не соответствует двум описанным выше вариантам. Могли иметь рельефное растительное изображение на части изгибов [25, с. 12].

Поясковые изразцы имеют три варианта. Хронологически самыми ранними являются изразцы с вогнутой лицевой пластиной, использовавшиеся

на протяжении конца XVI – первой половины XVII в. Представлены изображения зооморфных существ (подавляющее большинство) и геометрических элементов (единичны). Поясковые изразцы с плоской лицевой пластиной используются в печных наборах на протяжении XVII – XVIII вв., отличаются многообразием используемых сюжетов (зооморфные существа; разного рода растения; антропоморфные изображения религиозного характера; изображение храма; геометрические элементы). Изразцы с выпуклой лицевой пластиной и рельефным изображением появляются со второй половины XVII в., не имеющие рельефа – с начала XVIII в. [29, с. 19–25].

Перемычки. На всех археологических памятниках представлены одним орнаментальным вариантом – повторяющимися растительными элементами. Перемычки входили в состав печных наборов Могилевского Поднепровья второй половины XVII – начала XVIII в. [26, с. 173–176].

Изразцы-коронки и навершия украшали верх печи. Наибольшее распространение в декоре коронок получило сочетание геометрических и растительных элементов, использовавшееся мастерами на протяжении конца XVI – XVIII в. [25, с. 13].

Изразцы для покрытия купола печи представлены только одним рельефным орнаментальным мотивом «рыбьей чешуи». Их использование в декоре печи приходится на конец XVI – XVII в. [25, с. 13]. Рыбья чешуя в христианском мировоззрении считается символом защиты, богатства и счастья [1, с. 229–230].

Таким образом, пластинчатые печные изразцы являются не только источником для изучения материальной культуры эпохи, но и формой сохранения нашего культурного наследия. Изображения на изразцах выступают как символ искусства и христианского мировоззрения. Археологические материалы Могилевского Поднепровья показывают, что мастера-изразечники разных эпох охотно обращались к символизму в выборе изображений для декора лицевых пластин изразцов.

Семантика изразцового искусства раскрывает себя как еще одно направление исторической семантики, посвященное изучению смыслов сюжетов на пластинчатых печных изразцах определенной исторической эпохи. Данная обширная тема не может быть полностью раскрыта в рамках одной публикации. Она требует дальнейшего изучения смыслов изразцовых сюжетов, использовавшихся в декоре печей каждого археологического объекта

(культовая, частная или общественная постройка). От вида постройки зависел характер выбора сюжета. Тема исследования будет актуальна, поскольку с каждым новым найденным изразцом будет появляться новый сюжет, требующий определенной интерпретации, в том числе и семантической.

Литература

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Свенцицкой И.С. М.: Республика, 1996. 335 с.
2. Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.
3. Джафаров А.Д. О взаимосвязи между религией и искусством // Хуманитарни Балкански изследвания. 2021. Т. 5, № 2(12). С. 31–35.
4. Дук Д.У. Полацкая кафля і вера палачанаў // Спадчына. 2001. № 1–2. С. 162–169.
5. Дук Д.У., Мішын П.І. Семантыка некаторых выяў полацкай кафлі з анімалістычнымі матывамі // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2002. № 17. С. 236–240.
6. Заяц Ю.А., Ляўко В.М. Беларуская кафля з выявай чалавека // Мастацтва Беларусі. 1984. № 3. С. 53–55.
7. Заяц Ю.А. О прототипе изображения на лицевой пластине изразца XVII в. из Тупичевского моностыря в г. Мстиславле // Религия и общество – 3: актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. трудов / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2008. С. 84–87.
8. Здановіч Н.І. Гратэскавае люстэрка кафлярства // Мастацтва. 2001. № 2. С. 47–50.
9. Кед Н. Изразцовая печь как феномен народной культуры // Аўтэнтычны фальклор: праблемы бытавання, вывучэння, пераймання Мінск: БДУКіМ, 2009. С. 23–24.
10. Колединский Л.В. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 631 с.
11. Корчинский А. Историческая семантика (История понятий) // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Издание 2-е. М.: Аквилон, ИВИ РАН, 2016. С. 174–176.
12. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Золотой Век, 1995. 401 с.
13. Кушнярэвіч А.М., Трусаў А. «Партрэтная» кафля XVI ст. // Спадчына. С. 127–138.
14. Мишин П.И. Семантика некоторых зооморфных изображений на полоцкой кафле // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 2002. С. 187–193.
15. Мстиславский районный историко-археологический музей. Фондохранилище. КП 905, НВ 695/1–7.
16. Русаў П.А. Семантыка выяў кафлі позняга сярэднявечча Мірскага замка і Менска // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: Ін-т гісторыі, 1957. Вып. 19: Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны / [рэдкал.: В. М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. 2010. С. 142–144.
17. Русаў П. Семантыка выяў на кафлі з Міра // Мірскі замак / нав. рэд. А.У. Карпенка. Мінск: Белпрынт, 2008. С. 69–85.
18. Трусаў А.А. Антрапаморфныя выявы на беларускай кафлі XV–XVII ст. // З глыбі вякоў. Наш край. Мінск, 1992. С. 97–104.
19. Трусаў А. Антрапаморфныя выявы на магілёўскай і мсціслаўскай кафлі // Магілёўская даўніна. Магілёў, 2001. Вып. 9. С. 11–15.
20. Трусаў А.А. Вобраз спрадвечны і вечны. Антрапаморфныя выявы на беларускай кафлі // Мастацтва Беларусі. 1991. № 10. С. 64–66.

21. Угрыновіч У.В. «Дрэва жыцця» // Мастацтва Беларусі. 1988. № 12. С. 47–48.
22. Угрыновіч У.В. Кафля з выявай букета // Мастацтва Беларусі. 1986. № 5. С. 32.
23. Философский энциклопедический словарь. / Гл. редакция: Л.Ф. Ильич, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
24. Шуткова Н.П. Изображения св. Юрия (Георгия) на печных изразцах Могилевского Поднепровья и Посожья (в Центрально– и Восточноевропейском контексте) / Н. П. Шуткова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 1–2 октября 2015 г. / Науч.-инф. издат. центр «Ин-т стратег. исследований». М.: Изд-во «Ин-т стратег. исследований»: Перо, 2015. С. 62–67.
25. Шуткова, Н. П. Изразцовые печные наборы XV – XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья и Посожья (технология изготовления, типология, хронология). Автореф. на соискание ученой степени канд. ист. наук по специальности 07.00.06 – Археология. / Н.П. Шуткова. Могилев, 2017. – 26 с.
26. Шуткова Н.П. Изразцы-перемычки в археологических коллекциях Могилевского Поднепровья (типология, хронология и технология изготовления) // Куляшоўскія чытанні: зборнік навук. артыкулаў / пад агул. рэд. Т. І. Борбат. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. С. 173–176.
27. Шуткова Н.П. Изучение печных изразцов с территории Беларуси в трудах ученых конца XIX – начала XXI в. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 27. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах. 2016. С. 141–151.
28. Шуткова Н.П. Пластинчатые печные изразцы с изображением «кованого металла» Могилевского Поднепровья и Посожья // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. артыкулаў III Міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 красавіка 2016 г. : у 2 ч. Наваполацк : ПДУ, 2016. Ч. 1. С. 178–185.
29. Шуткова Н.П. Поясковые (поясовые) изразцы Могилевского Поднепровья // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. № 2 (67) 2023. С. 19–25.
30. Шуткова Н.П. Складывание и трансформация понятия «пластинчатый изразец» // Романовские чтения – 16 : сборник статей Международной научной конференции, Могилев, 24 ноября 2022 г. / под общ. ред.: А.С. Мельниковой, Е.И. Головач. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2023. С. 125–126.
31. Шуткова Н.П. Стенные изразцы с изображением «букета в вазе» с территории Могилевского Поднепровья // The Scientific Heritage, Global Science Center LP. 2021. № 60-5. С. 16–36.

Shutkova N.P.

Mogilev State University named after A.A. Kuleshov

Plate stove tiles of the 16th – 18th centuries from the territory of the mogilev dieprieve region as a symbol of art and christian worldview

Key words: *stove plate tile; historical semantics; symbol of art; symbol of the Christian worldview; Mogilev Dnieper region.*

The article presents stove plate tiles of the 16th – 18th centuries found during archaeological excavations of the Mogilev Dnieper region. Using their example, the examination of tiles as a symbol of art and the Christian worldview was carried out through an analysis of the main subjects on the front plates of artifacts.

А.П. Катровский

Смоленский государственный университет

УДК 911.37

Исторические населенные пункты российско-белорусского приграничья: как с ними быть?[1]

Ключевые слова: *исторические города; исторические сельские поселения; критерии исторических поселений; реальная «историчность» поселения; официально утвержденные исторические населенные пункты*.

В статье представлены результаты исследования исторических населенных пунктов России и Беларуси, особое внимание обращено на исторические населенные пункты российско-белорусского приграничья. Анализируются подходы к определению исторического города (поселения). Отмечаются различия между реальными и официально утвержденными историческими населенными пунктами. Для выявления реальной историчности населенных пунктов Республики Беларусь приведены результаты контент анализа упоминаний населенных пунктов в учебных пособиях по истории Беларуси для средней школы Республики Беларусь. Отмечается необходимость разработки критериев определения исторических населенных пунктов, которые бы в равной степени учитывали место в истории и насыщенность объектами культурного наследия.

Более тридцати лет назад распался Советский Союз и образовалась совокупность новых независимых государств. Одновременно возникло и новое российское пограничье. Среди новых приграничных регионов – российско-белорусское приграничье, в состав которого входят три области Российской Федерации: Смоленская, Брянская и Псковская – и три области Республики Беларусь: Витебская, Гомельская и Могилевская. Российско-белорусское

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций».

приграничье – ключевой геостратегический регион Союзного государства. На январь 2023 г. численность населения данного трансграничного региона составила 6042,7 млн. чел. Занимая всего 1,44% территории и располагая на 01.01.2023 3,9% населения Союзного государства, российско-белорусское приграничье играет особую роль в интеграции двух стран. Поскольку регион является зоной контакта Российской Федерации и Республики Беларусь, то на него возложена особая миссия «скрепа» Союзного государства [17]. Однако, несмотря на особый геополитический статус, регион стремительно теряет население, и демографическая ситуация стала одним из важнейших вызовов как для белорусской, так и для российской его части [21].

Российско-белорусский трансграничный регион является староосвоенной территорией. Уже к XV–XVI вв. здесь имелась развития сеть городских поселений, часть из которых сохранила статус города до настоящего времени, часть обрела статус поселков городского типа, некоторые вообще превратились в сельские поселения. Многие проблемы и «болезни» региона наследованы. Еще тридцать пять лет назад российские и белорусские регионы были частями одной страны. В этой связи для комплексного исследования российско-белорусского приграничья исключительное значение приобретает историко-географический подход. Ю.Г. Саушкин писал, что территориальность объекта экономической географии не исключает, а, наоборот, делает тем более необходимым рассмотрение его во времени, применение для исследования исторического метода [23, с. 444].

Чтобы понять современную ситуацию, ее перспективы, разработать трансграничные туристские маршруты, необходимо заглянуть в прошлое, поскольку историко-географический анализ позволяет понять истоки многих проблем текущего времени. Еще в начале XX в. основатель первой в России кафедры экономической географии в Петербургском политехническом институте В.Э. Ден писал: «Если мы оторвем то, что есть, от того что было, то нередко отрежем себе путь к пониманию» [9, с. 7]. В этой связи исторические населенные пункты могут помочь познать процесс становления и развития как российской, так и белорусской государственности. Исторические города выполняют миссию моста между прошлым и настоящим. Являясь университетами патриотизма и школами познания под открытым небом, исторические поселения нужны не только для сохранения, но и для преумножения исторической памяти…

Территория современного российско-белорусского приграничья на протяжении нескольких веков была «яблоком раздора» сначала для Московского государства и Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, а после заключении Люблинской унии –для Речи Посполитой и Русского государства (Российской империи). Отдельные регионы и города переходили из рук в руки, и лишь после второго, а для части территории запада Витебской области и третьего, раздела Речи Посполитой вся современная территория российско-белорусского приграничья более чем на век оказалась в составе Российской империи. В XX веке последовал очередной раскол, о котором свидетельствуют остатки Линии Сталина в западных районах Витебской области. В современном виде регион сформировался лишь после административных преобразований в Белоруссии в 1954–1960 гг., когда были ликвидированы Полоцкая, Полесская, Бобруйская, Молодеченская области и часть их районов вошла в состав Гомельской, Могилевской и Витебской областей.

Академик РАН П.Я. Бакланов писал: «…изучение приграничных территорий одной страны обособленно от изучения сопредельных территорий соседних стран не дает полного представления о путях развития и оптимизации хозяйственных структур и природопользования, решения проблем устойчивого развития таких территорий. Это обстоятельство привело к появлению нового направления в научных исследованиях – изучению трансграничных территорий, образуемых тесными взаимосвязями двух и более приграничных территорий соседних стран» [1, с. 20]. Российско-белорусское приграничье – один из немногих трансграничных регионов, две части которого имели как общую, так и различную историю. Двадцать лет назад в рамках исследования под названием «Территориальное сознание и территориальная интеграция» мы с белорусскими коллегами проводили опрос населения, проживающего по обе стороны российско-белорусской границы. В опросе приняло участие 324 жителя России и 350 жителей Беларуси. Среди множества вопросов был такой: «Разделяете ли вы представление о единстве исторического пути русского и белорусского народов?» Если в российской части приграничья на него утвердительно ответило 61,5% респондентов и еще 25,5% ответило «скорее да», то в белорусской части ответы были несколько иные. Утвердительно ответило 49,7%, «скорее да» – 20,9%, но доля отрицательных ответов несколько превысила 23%. Таким образом, почти четверть опрошенных с белорусской

стороны не разделяла представление о единстве исторического пути русского и белорусского народов. Рассматривая перспективы развития трансграничного познавательного туризма, мы должны воссоздать опорный каркас из исторических поселений российско-белорусского приграничья, в котором, помимо областных центров, должны быть Шклов и Ельня, Лесная и Себеж, Овстуг и Здравнево.

На завершившейся в конце октября 2022 г. в Сочи научно-просветительской конференции «ДНК России» неоднократно ставился вопрос о сохранении исторической памяти, о российской государственности. Аналогичные вопросы стоят и перед властями Республики Беларусь. В 2011 г., отмечая особую роль городов для связи времен и поколений, директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский заметил: «Исторические города – это ДНК России». В связи с новой миссией исторических поселений необходимо переосмыслить роль исторических городов, критерии их выявления. И главный вопрос: «Что есть исторический город?»

История российской и белорусской государственности – это история городов, поскольку, по образному высказыванию известного советского географа Н.Н. Баранского: «города – это как бы командный состав страны, организующий ее во всех отношениях – и в хозяйственном, и в политико-административном, и в культурном» [3, с. 207].

Важную роль среди городских населенных пунктов играют исторические города, которые обладают особой исторической памятью. «Исторические города обладают даром “вводить в историю”, являются бесценным достоянием народа. Огромна их роль в воспитании новых поколений, в утверждении национального самосознания» [14, с. 238]. Это утверждение известного отечественного геоурбаниста Г.М. Лаппо обретает особую значимость в наши дни, когда вопросы становления российской государственности относят к наиболее актуальным. У каждого города, даже самого молодого, есть своя история, но не каждый город может называться историческим. Каковы критерии исторического города? Можно ли различать официально утвержденные и реальные исторические населенные пункты? Можно ли к историческим городам относить города прошлого, которые позднее потеряли городской статус? Как обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие малым историческим городам?

Трудность изучения исторических поселений российско-белорусского приграничья связана с тем, что если в Российской Федерации статус «исторического поселения» закреплен законодательно, то в Республике Беларусь такой статус до настоящего времени не отражен в соответствующих государственных нормативных документах.

Как заметил Ю.А. Веденин, у каждого, даже молодого, города есть своя историческая память, так как до получения городского статуса на месте городов располагались сельские поселения, монастыри, крепости… Отсутствие интересных исторических объектов не свидетельствует об отсутствии связи с историческим наследием [4, с. 67].

Понятие «исторический город» введено Федеральным законом от 25.06.2002 [N 73-ФЗ] «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно статье 59 данного закона «историческим поселением в целях настоящего Федерального закона являются включенные в перечень исторических поселений федерального значения или в перечень исторических поселений регионального значения населенный пункт или его часть, в границах которого расположены объекты культурного наследия, включенные в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предмет охраны исторического поселения». Таким образом, в соответствии с законом главным критерием для отнесения того или иного поселения к категории «исторических» является наличие объектов культурного наследия и объектов, составляющие предмет охраны исторического поселения. Ни возраст, ни роль населенного пункта в мировой или отечественной истории для официального статуса «исторического поселения» (городского или сельского населенного пункта), судя по данному определению, значения не имеют. Данное определение обязано своим появлением прежде всего культурологам, архитекторам, искусствоведам. Большая часть городов-героев, города воинской славы, известные сельские поселения ратной славы, такие как Бородино, Дубосеково, важнейшие духовные центры и многие другие оказались вне перечня «исторических поселений». Это связано с тем, что «до сих пор ведущую роль в определении ценности исторического города и путей его дальнейшего развития играли градостроители, в поле внимания которых находились такие вопросы, как сохранение и приспособление для современных функций исторической

планировочной структуры и исторической застройки, регулирование нового строительства, формирование инфраструктуры»[3, с. 958].

Более десяти лет назад крупнейший знаток исторических городов, автор самой фундаментальной монографии по историческим городам России В.Р. Крогиус, будучи градостроителем, среди одиннадцати критериев исторических городов указывал и «роль в истории» [13]. Исторический населенный пункт – это, прежде всего, городской или сельский населенный пункт, оказавшийся на перекрестках истории, который выделяется значимыми для мира и отдельных государств историческими событиями, и лишь во вторую очередь пункт, насыщенный объектами культурного наследия и иными градостроительными достопримечательностями. Есть еще один аспект отнесения населенного пункта к историческим. Места, связанные с рождением и жизнью замечательных людей, то, что называется «гений места», места, связанные с созданием произведений культуры, включая нематериальную культуру, также являются историческими поселениями. В этом ряду в российско-белорусском приграничье Красный Рог и Новоспасское, Загорье и Михайловское. Еще одним типом исторических поселений являются населенные пункты, в которых имеются святые обители: Печоры, Пустынки под Мстиславлем, Болдино под Дорогобужем и др.

В связи с тем, что главным критерием включения населенного пункта в официальный перечень исторических поселений федерального значения является наличие значимых объектов культурного наследия и планировочной структуры, целесообразно различать исторические населенные пункты, официально утвержденные, и исторические населенные пункты реальные. И если первых федерального значения на октябрь 2023 г. в Российской Федерации насчитывалось 45[2], то число реальных исторических населенных пунктов может существенно превышать количество официально утвержденных. Например, Волгоград, Ржев, Ельня, Бородино, не включенные в последний перечень исторических поселений федерального значения, не перестали быть поселениями, в которых происходили реальные значимые для страны исторические события. Все списки как реальных, так и официально утвержденных исторических поселений носят субъективный характер,

[2] Приказ Министерства культуры РФ от 4 апреля 2023 г. № 839 «Об утверждении перечня исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Российской Федерации».

поскольку составляются экспертным сообществом. Об этом свидетельствуют значительные расхождения между перечнями исторических поселений от 1970, 1990, 2002 и 2010 гг. и перечнями, подготовленными отдельными исследователями данного вопроса.

Так, уже упомянутый исследователь исторических городов и их знаток В.Р. Крогиус выделял в России более 460 городских исторических населенных пунктов [13]. За основу он взял перечень исторических поселений от 1990 г., но внес свои коррективы как по списку, так и по оценке Сводного индекса градостроительной ценности.

Его исследование не охватывало сельские населенные пункты. Среди приграничных с Белоруссией регионов России статуса исторических городов заслуживают, по его мнению, 33 городских поселения, по 11 в каждой из областей. В.Р. Крогиус к имеющимся в приграничье историческим городам, выделенным в 1990 г., добавил Ярцево Смоленской области, Злынку Брянской области. Достоинством исследования В.Р. Крогиуса является выделение нескольких уровней исторических городов по такому показателю, как градостроительная ценность наследия. Он различал мировой, национальный, региональный и местный уровни.

Мировому уровню градостроительной ценности наследия по оценкам В.Р. Крогиуса соответствуют лишь два города в российской части приграничья (Смоленск и Псков), национальному уровню – только Вязьма, региональному – Печоры (Псковская область), Велиж, Рославль (Смоленская область), Севск, Стародуб, Трубчевск (Брянская область). Он понизил с регионального до местного уровня градостроительной ценности показатели Брянска, Карачева, Почепа, Порхова, Гагарина, Ельни [13]. Вместе с тем показатель градостроительной ценности наследия может изменяться в результате реставрационных действий или, наоборот, в связи с разрушением объектов культурного наследия.

А.П. Обедков в 2011 г. выделял, включая поглощенные, исчезнувшие, преобразованные в сельские населенные пункты, 749 существующих и бывших исторических городских поселений. Особого внимания заслуживает его мысль, что задачей федеральных и региональных органов власти в деле возрождения исторических городов и создания в них комфортных условий для жизни горожан должно стать не сокращение, а расширение официального перечня исторических городских поселений, что позволит использовать их в качестве

перспективных центров развития культурно-познавательного туризма [18, с. 198]. Данное положение обретает особую актуальность в связи с попытками федеральных чиновников и отдельных исследователей ограничить перечень исторических поселений. Статус «исторического поселения» – это его своеобразная репутация, положительно влияющая на туристскую аттрактивность.

Поскольку насыщенность поселений объектами материального культурного наследия и вклад их в историю существенно различаются, целесообразно определить иерархию подобных населенных пунктов. Иерархия исторических поселений – инструмент упорядочения представлений об этом типе населенных пунктов. В ряде предыдущих перечней исторических городов подобная иерархия имелась: различались исторические города мирового, национального, регионального и местного значения. Количество исторических поселений мирового уровня в России ограничено двумя-тремя десятками населенных пунктов, около ста исторических поселений выявлено на национальном уровне, несколько сотен – на региональном, еще больше – на местном. Но иерархизация, основанная на мнении отдельных исследователей или даже значимой группы экспертов, субъективна. Исторические поселения разного уровня – это результат типологии, основанной на качественных и количественных признаках, в котором трудно провести четкую границу между историческими поселениями мирового, национального, регионального и местного значения.

Несмотря на позицию В.Р. Крогиуса, что размер города не является важным индикатором «историчности», среди методов упорядочения представлений о системе исторических городских населенных пунктов любой страны или региона целесообразно использовать их группировку по размерам. Малые исторические города нуждаются в большем внимании, поскольку значительная часть из них обладает меньшей «шокоустойчивостью» от внешних факторов.

Целесообразно различать исторические городские и исторические сельские населенные пункты. Сельские исторические населенные пункты характеризуются меньшей устойчивостью и нуждаются в большей степени в мерах по поддержке и сохранению.

17 января 2018 г. президент Российской Федерации В.В. Путин встретился с участниками Форума малых городов и исторических поселений,

проходившего в городе Коломне. По итогам встречи был подготовлен перечень поручений. Однако до настоящего времени, так и не уточнены критерии отнесения муниципальных образований к категории исторических поселений, нет и нового списка исторических поселений.

Понятие «исторический город» используется в профессионально-научном обиходе представителями разных областей знания: архитекторами и градостроителями, географами и антропологами, искусствоведами и культурологами, историками и философами. При этом представители данных наук по-разному трактуют сущность понятия «исторический город», ограничиваясь только своими специфическими аспектами исследования. Между тем отсутствие комплексности и системности при рассмотрении этого понятия затрудняет создание определения, отражающего все основные точки зрения по поводу сущности исторического города [18, с. 196].

В связи с различиями в понимании предмета исследования даже по такому вопросу, как идентификация исторических поселений, нет единого мнения [3; 5; 9; 25; 26; 28].

О значимости и интересе к исследованию проблемы исторических населенных пунктов свидетельствует наличие на 05.08.2023 в научной электронной библиотеке eLIBRARY только по ключевому слову «исторический город» 1391 публикации. Среди публикаций преобладают статьи, посвященные конкретному историческому городу или городам отдельных регионов. Несмотря на значительное количество публикаций по вопросам исторических городов, по проблемам исторических городов российско-белорусского приграничья в базе электронной библиотеки имелись только две статьи [6; 12].

Среди географов неоднократно к проблеме развития исторических городов, их туристского потенциала обращался А.П. Обедков. Еще в 2011 г. им были предложены критерии для статуса «исторического города», которые не ограничивались объектами культурного наследия, планировочной структурой, возрастом населенного пункта. По его мнению, все города-герои, города воинской славы, а также города, внесшие существенный вклад в хозяйственное и транспортное освоение региона, в организацию его заселения и обживания, развитие экономики и культуры, должны входить в перечень исторических городов [18, с. 197].

Поскольку большинство законов и других нормативных актов относительно исторических населенных пунктов разрабатывалось в Министерстве культуры, акцент делался больше на культурном наследии, чем на роли того или иного города или сельского населенного пункта в отечественной или мировой истории. Архитекторы, искусствоведы, культурологи, градостроители к главным критериям исторических поселений наряду с возрастом населенного пункта относят наличие, количество и значимость памятников культурного наследия, сохранность исторической планировочной структуры.

Между тем исследователям феномена исторического поселения всегда было очевидно, что возрастная характеристика хотя и является одним из важных признаков понятия «исторический город», но не исчерпывает его содержание [19, с. 461]. Многие из населенных пунктов, основанные даже до XII века, не включены ни в современный, ни в прошлые перечни исторических поселений.

Г.М. Лаппо, внесший значимый вклад в геоурбанистику, отмечал, что исторический город – это город с богатым культурно-историческим наследием, в облике которого отражены особенности эпохи его зарождения: «Века превратили города в аккумуляторы истории. Историческая многослойность городов – украшающее их качество. Каждая эпоха вносит в их облик какие-то свои черты. Смена эпох порой удивительно четко запечатлевается в каменной летописи городов» [15].

По мнению С.И. Яковлевой, «исторические поселения – это городские и сельские населенные пункты с элементами первоначальной (старой) планировки и застройки, исторического ландшафта и памятниками археологии, это первые (первоначальные) и современные центры расселения и транспортные центры / узлы региона / страны. Это реальные и потенциальные населенные пункты в официальных списках исторических поселений страны» [28, с. 44].

Как уже отмечалось, наибольший вклад в познание проблем исторических поселений внесли архитекторы и градостроители. Помимо уже упоминаемого В.Р. Крогиуса, среди «первопроходцев» изучения феномена исторических городов можно назвать авторов фундаментальной монографии по историческим городам СССР, вышедшей еще в 1987 г. [10]. Из современных градостроителей необходимо упомянуть автора многочисленных статей по

проблемам исторической городской среды и исторических городов, ныне главного редактора издательства «Зодчий» Э.А. Шевченко.

В 2011 г. выходят две статьи Э.А. Шевченко, в которых не только приводятся критерии идентификации исторических городов, но и дается подробная методика оценки исторической и градостроительной ценности историко-культурного наследия. Особое внимание в ее статьях обращено на достоверность, подлинность объектов и планировочной структуры [25; 26].

Во многих последующих статьях автор делает акцент на том, что для получения статуса «историческое поселение», согласно закона Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)», на первое место выходит наличие в населенном пункте аутентичной исторической среды, а не только лишь отдельных объектов культурного наследия. В одной из статей приведен перечень населенных пунктов, на территории которых могут быть зафиксированы исторические поселения. Всего их 334. Из них в приграничных с Республикой Беларусь – 14, в том числе в Брянской области – 6 (Брянск, Злынка, Клинцы, Почеп, Севск, Стародуб, Трубчевск), в Смоленской области – 3 (Вязьма, Рославль, Смоленск), в Псковской области – 5 (Опочка, Печоры, Порхов, Псков, Себеж) [27]. В список не были включены города, в которых произошли значимые события в истории России (Ельня, Гагарин, Велиж, Великие Луки и др.).

Исследовательницей была высказана мысль, что «значительная часть территории современных населенных пунктов никоим образом не может быть идентифицирована как исторический город из-за отсутствия (или безвозвратной утраты) элементов, подтверждающих сопричастность этих территорий к исторической пространственно-планировочной субстанции населенного пункта» [19, с. 75].

С данной точкой зрения не согласен известный Г.М. Лаппо: «Со многими российскими городами, насчитывающими столетия существования, не забытых летописями, отмеченными участием в важных событиях, история поступила безжалостно: вражеские нашествия и частые пожары не раз уничтожали города, в которых и крепости, и дворцы, и храмы гораздо чаще строились из дерева, чем из камня. Поэтому города далеко не всегда могут предъявить материальные свидетельства своего долголетия и значимости в виде памятников культуры. Это не должно служить основанием для исключения таких городов из списка

исторических» [13, с. 238]. Данное положение особенно актуально для городов российско-белорусского приграничья, городская среда которых сильно пострадала в годы Великой Отечественной войны. Какие аутентичные архитектурные свидетельства может предъявить Велиж, который был разделен линией фронта в течение полутора лет? Большинство российских и белорусских населенных пунктов приграничья стали ареной уличных боев, интенсивных бомбардировок, которые разрушили их до основания. Сожженные в годы войны поселения, например Хатынь в Минской области, стали особым типом исторического поселения. Но такие «Хатыни» были во всех областях российско-белорусского приграничья.

На туристский потенциал любого поселения влияет ближайшее окружение. Еще Г.М. Лаппо отмечал, что город нельзя изучать и проектировать отдельно от окружающей территории [16, с. 43]. Исторические поселения необходимо исследовать во взаимосвязи с окружающими населенными пунктами. В результате кластеризации в рамках локальных туристских пространственных систем происходит формирование туристско-рекреационных агломераций.

Идеи агломерационной организации различных видов экономической деятельности получили развитие в главной работе выдающегося британского экономиста Альфреда Маршала. Город-ядро и окружающие, исторически связанные с ним населенные пункты благодаря процессам кластеризации образуют единую «историческую» агломерацию. Главные агломерации сформировались вокруг областных центров: Смоленска, Витебска, Могилева, Гомеля, Пскова, Брянска. Но подобные агломерации формируются вокруг многих малых и средних городов. В Гагаринскую агломерацию, помимо Гагарина, входят родина первого космонавта Клушино, Баскаково и др. В состав Вяземской агломерации вошли родовое «гнездо» Грибоедовых – Хмелита, Богородицкое с музеем и мемориалом «Богородицкое поле». Дворянские усадьбы были тесно связаны с уездными городами, образуя единое целое, своеобразные «культурные гнезда». В Ельнинское «культурное гнездо» входит Ново–Спасское, в Почепское – усадьба А.К. Толстого Красный Рог. Особая агломерация из нескольких тесно взаимосвязанных исторических литературных мест (Тригорское, Михайловское и др.) сформировалась вокруг Пушкинских Гор. В состав Порховской исторической агломерации входят известные усадьбы князя Гагарина «Холомки», графа Строгонова в Волышово.

Перечень исторических городов СССР и России за последние 75 лет составлялся на основе экспертных оценок без использования количественных методов и многомерных классификаций неоднократно (1946, 1970, 1980, 1990, 2002 и 2010 гг.) Подобный подход всегда будет вызывать вопросы и ставить под сомнение объективность составленного списка. Во всех реестрах за основу бралась насыщенность городов материальными объектами культурного наследия. Списки исторических городов и поселений, составленные в разные годы, значительно различались. В 1946 г. из двадцати исторических городов СССР десять представляли РСФСР, а два города (Смоленск и Псков) относятся к современной территории российско-белорусского приграничья. В 1970 г. список исторических городов РСФСР расширился до 115 населенных пунктов. Большая часть исторических населенных пунктов представляла староосвоенную часть Европейской России. Значительно в нем и представительство поселений современных регионов российско-белорусского приграничья. Статуса «исторических поселений», согласно данному списку, были удостоены 15 населенных пунктов (или 13% от общего числа) трех приграничных с БССР областей РСФСР: Брянск, Карачев, Мглин, Почеп, Севск, Стародуб, Трубчевск (все Брянская область); Псков, Печоры, Порхов, старый Изборск (все Псковская область), Смоленск, Вязьма, Гагарин, Ельня (все Смоленская область).

В 1980 г. ЦНИИП градостроительства было разработано «Руководство по планировке и застройке городов с памятниками истории и культуры», где была предложена классификация исторических поселений, в основе которой лежали такие критерии, как время возникновения, темпы развития, величина и ценность культурного наследия. Исследование выходило за рамки РСФСР, и в приложении содержалась оценка исторических городов всех союзных республик. На территории РСФСР в качестве исторических городов и поселков были представлены поселения из списка 1970 г., что представляет небольшую часть из фактического количества городов РСФСР, дата возникновения которых фиксируется в пределах X – начала XX вв. Перечень исторических городов приграничных с БССР регионов РСФСР, как и в 1970 г., был представлен 15 населенными пунктами.

В отличие от документа 1970 г. по ценности архитектурно-планировочного наследия все исторические городские населенные пункты были разделены на три группы (в документе данные группы названы классами)

[23]. При определении ценности градостроительного наследия использовали метод экспертных оценок.

Класс А – городские поселения, в которых архитектурно-планировочное наследие имеет решающее значение в их планировочной структуре, пространственной композиции и архитектурном облике, городские населенные пункты, которые сохранили основы древней планировки.

Класс Б – городские поселения, в которых фрагментарно сохранилась древняя планировка, ведущие ансамбли не играют значительной роли в облике города.

Класс В – городские поселения, в которых архитектурно-планировочное наследие представлено в виде отдельных элементов планировки, обособленных памятников.

К классу А относились из приграничных с БССР областей РСФСР следующие поселения: Псков, Смоленск, Печоры, Изборск. К классу Б – Вязьма, Трубчевск. Все остальные городские населенные пункты относились к классу В.

В работе ЦНИИП градостроительства были представлены исторические города всех союзных республик. В БССР было выделено 25 исторических городов, включая 10 в восточных областях республики. К малым городам относились Туров, Чечерск (Гомельская область), Славгород, Мстиславль (Могилевская область), Поставы (Витебская область). Причем критерии определения малого города в работе ЦНИИП градостроительства были взяты российские (менее 50 тыс. чел.), хотя в БССР к малым городам относились городские населенные пункты с численностью населения менее 20 тыс. чел. Известный советский и российский геоурбанист Г.М. Лаппо такие города называл «классическими малыми городами». Из белорусских городов приграничных с РСФСР областей классу «А» были отнесены только Гомель и Полоцк, классу «Б» – Могилев, Витебск, Мстиславль и Поставы. Оставшиеся четыре города (Орша, Туров, Чечерск, Славгород) были включены в класс «В».

Десять лет спустя был представлен самый расширенный список исторических поселений России, в который вошло 539 населенных пунктов, включая 429 городов. В отличие от перечня 1970 г. в списке было много сельских населенных пунктов, включая те, что в прошлом являлись городами, а также известные сельские культурные гнезда. Впервые были представлены исторические города Калининградской области. В трех приграничных с БССР

областях насчитывалось 38 исторических населенных пунктов. Помимо областных центров, большинства малых и средних городов в списке были Овстуг и Вщиж (Жуковский район), Красный Рог (Почепский район) (все Брянская область), Старый Изборск, Волышово (Порховский район) (все Псковская область).

Важнейшим событием, направленным на сохранение и развитие исторических городов, стало постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. «О федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)». В июне 2002 г. был принят Федеральный закон[3]. Поскольку федеральная программа и постановление касались только городских поселений, в перечне не упоминались сельские населенные пункты. Реализация федеральной программы потребовала пересмотра перечня исторических городов России. В списке исторических городов согласно приложению к Программе насчитывалось 478 населенных пунктов. В российских пограничных с Республикой Беларусь регионах произошло некоторое сокращение исторических поселений за счет исключения из Перечня сельских населенных пунктов. Изменений в части городских поселений в Перечне было немного. В Псковской области статус «исторического поселения» был присвоен пгт Пушкинские Горы. Из 33 исторических городских поселений Перечня 2002 г. 24, или 73%, являлись малыми городами. Большая часть городских поселений списка 2002 г. была основана до XIV века. Самым молодым историческим городским поселением из Перечня оказались Новосокольники Псковской области, основанные в 1901 г. и ставшие городом в 1925 г. Поскольку в городе отсутствуют значимые памятники культурного наследия прошлого, не отмечен данный пункт и особым вкладом в отечественную историю, то включение в Перечень исторических поселений 2002 г. можно считать дискуссионным.

К сожалению, Федеральная программа развития исторических городов России была досрочно прекращена в январе 2007 г. А еще через три года выходит приказ Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений». Список исторических поселений был сокращен

[3] Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 24.07.2023) https://fzrf.su/zakon/ob-obektah-kulturnogo-naslediya-narodov-rf-73-fz/ (Дата обращения: 21.10.2023).

более чем в десять раз. В списке первоначально был оставлен только 41 населенный пункт. Позднее в него включили Боровск, Севастополь, Белёв, Старую Руссу. Сейчас в Российской Федерации 45 населенных пунктов с данным статусом[4]. В годы Великой Отечественной войны 34 из них не были оккупированы немецкими войсками. Елец, Крапивна, Белёв и Боровск были оккупированы менее трех месяцев. Более двух лет продолжалась оккупация лишь Смоленска и Выборга.

В российских, приграничных с Республикой Беларусь областях статус «исторического поселения» сохранился только за Смоленском. Ни Пскова, ни Брянска, ни Изборска, ни Вязьмы, ни Трубчевска в перечне нет. Данный перечень неоднократно подвергался критике как со стороны ученых, так и со стороны членов Совета Федерации. В материалах парламентских слушаний «Актуальные вопросы развития малых городов и исторических поселений» от 11 июля 2019 г. в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации отмечалось, что существует проблема определения понятия «историческое поселение» и критериев отнесения к историческому поселению федерального или регионального значения. Сложна и сама процедура получения населенным пунктом статуса «историческое поселение». Новый перечень исторических поселений не соответствует реальному количеству исторических поселений в России[5].

В ряде регионов России после сокращений в списке исторических поселений был введен статус «историческое поселение регионального значения». В 2020 г. к историческим поселениям регионального значения относилось, по данным мониторинга Министерства культуры Российской Федерации, 103 населенных пункта[6].

---

[4] «Об утверждении перечня исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Российской Федерации». Приказ Министерства культуры РФ от 4 апреля 2023 г. № 839 https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406915854/ (дата обращения 21.10.2023 г.).

[5] Материалы парламентских слушаний «Актуальные вопросы развития малых городов и исторических поселений». Москва, 11 июля 2019 г. Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/media/files/bcssOKgb1CXBpBxb5WjAP4YW7u5dILLf.pdf.

[6] Информация Минкультуры России для интернет-конференции «Актуальные вопросы развития муниципальных образований с особым статусом (моногородов, наукоградов, исторических поселений)». URL: http://council.gov.ru/media/files/sRAD4TetTG6bAuorPAiYPCfXHFgO3ALj.pdf (дата обращения: 21.10.2023 г.).

В приграничных с Республикой Беларусь регионах России исторические поселения регионального значения имеются только в Псковской области. В 2014 г. постановлением Администрации Псковской области был утвержден «Перечень исторических поселений регионального значения, имеющих особое значение для истории и культуры Псковской области». В дальнейшем в него вносили изменения. В 2023 г. в Псковской области насчитывалось 16 исторических населенных пунктов регионального значения: от Пскова и Великих Лук, Острова и Невеля, Порхова и Себежа до небольших сел таких, как Велье Пушкиногорского района, Самолва или Кобылье Городище Гдовского района. Второй и третий сельские населенные пункты расположены рядом с местом Ледового побоища. В Самолве, которая является центром волости, в последние годы работают два частных музея. В 2021 г. в деревне был открыт мемориал «Князь Александр Невский с дружиной». Население Кобылья Городища по переписи 2010 г. составляло 14 человек. Подобные небольшие исторические поселения нуждаются в государственной поддержке. В качестве мер поддержки исторических поселений, сыгравших значимую роль в отечественной истории, можно рассматривать музеефикацию и мемориализацию.

Как отмечалось ранее, на законодательном уровне такой комплексный объект культурного наследия, как исторический город, в Республике Беларусь не определен, что создает определенные сложности при его сохранении, и использовании. Статус историко-культурной ценности может быть присвоен отдельным элементам исторического города, что обеспечивает их сохранность [8, с. 196]. В Республике Беларусь в последние годы вырос интерес к историческим городам, как хранителям культурного наследия. Появились работы о критериях исторических городов в которых был обобщен международный опыт определения исторических городов как объектов наследия [9].

В ряде статей белорусских авторов высказана мысль, что исторические поселения должны рассматриваться как особый объект государственной социокультурной политики. Отмечается, что в наибольшей степени статусу «исторического города» в Республике Беларусь отвечают городские поселения, в которых исторический центр города является объектом культурного наследия республиканского значения [8]. В 2020 г. этому критерию соответствовало 10

городов, из них 4 города (Полоцк, Витебск, Могилев и Мозырь) находились в приграничных с Российской Федерацией регионах Беларуси.

Что касается списка исторических поселений Республики Беларусь и белорусской части приграничья, связанного больше не с наличием объектов культурного наследия, а с ролью того или иного населенного пункта в белорусской истории, то для выявления этой роли был проведен контент-анализ упоминаний отдельных населенных пунктов и исторических событий, с ними связанных. За основу были взяты школьные учебные пособия по истории Беларуси для 6–8 классов, охватывающие исторические события до начала Октябрьской революции. Именно в школьном курсе истории Беларуси происходит формирование исторического образа страны, отдельных регионов и поселений. «Историчность», понимаемая как частота упоминания тех или иных белорусских населенных пунктов, изменялась в разные периоды. В учебных пособиях по истории Беларуси упоминается более 80 населенных пунктов современной Беларуси и более 40 городов других стран. Отдельные города и сельские поселения упоминаются во всех учебных пособиях. Есть городские и сельские поселения, которые упоминаются лишь однажды. Неожиданностью стало только однократное упоминание таких городов, как Рогачев, Петриков, Сенно. Судя по содержанию школьного учебного пособия по истории Беларуси для 6 класса [24], охватывающего период от древнейших времен до конца XV века, лидирующее положение по упоминанию в нем из восточных областей, ныне входящих в российско-белорусское приграничье, занимает Полоцк. На втором месте – Туров. Лидирующее положение этих городов объясняется их ролью центров княжеств. Последующие места по упоминанию занимали Витебск, Гомель, Чечерск, Мстиславль, Орша, Кричев. Упоминались такие города, как Браслов, Быхов, Пропойск (Славгород) и др. В общебелорусском рэнкинге, помимо Полоцка и Турова, высокие места заняли Крево (ныне агрогородок в Сморгоньском районе Гродненской области), Новогрудок, Берестье (Брест), Городня (Гродно). Современная столица Менск (Минск) по числу упоминаний оказалась лишь на седьмом месте. Из городов, ныне находящихся за пределами Беларуси, чаще в учебном пособии упоминались Киев, Новгород, Вильно, Псков, Траки (Тракай), далее Смоленск и Москва.

В учебном пособии по истории Беларуси для 7 класса, охватывающем период с XVI по конец XVIII века [11] лидером по упоминанию также является Полоцк. Из городов и сельских поселений, ныне входящих в восточные области

Беларуси, на втором месте Могилев, далее Витебск, Орша, Лоев, Гомель, Шклов, Лесная (ныне агрогородок в Могилевской области), Поставы. Встречаются в тексте Мстиславль, Речица, Мозырь, Быхов, Глубокое, Головчин (ныне агрогородок в Могилевской области), Чашники и др. В общебелорусском рэнкинге вслед за Полоцком по числу упоминаний находится Городня (Гродно), за Могилевом – Несвиж. На пятой позиции – Берестье (Брест), на шестой – Менск (Минск), далее Пинск, Слуцк, Клецк.

Из городов, ныне находящихся за пределами Республики Беларусь, абсолютным лидером стал Вильно, далее по числу упоминаний – Москва, Люблин, Рига, Варшава, Смоленск.

После третьего распада Речи Посполитой вся территория современной Беларуси оказалась в составе Российской империи. Период с конца XVIII по начало XX века отражает учебное пособие «История Беларуси» для 8 класса [20]. Оценивая «историчность» белорусских городов в этот период, необходимо отметить значительное возрастание роли Минска, который по числу упоминаний вышел на первое место, оттеснив на второе место по «историчности» Полоцк. В общебелорусском рэнкинге упоминаний отдельных населенных мест и исторических событий, с ними связанных, в школьном учебном пособии в XIX веке значительно возросла роль Гомеля, который разделил 3–4-е место с Гродно. Выросло значение губернских центров: Могилева, Витебска. По-прежнему высокой «историчностью» отличался Пинск. Неожиданным стало высокое значение «упоминаемости» для Бобруйска и Добруша. В десятке самых упоминаемых городов впервые оказался Борисов. Снизились показатели Бреста, Новогрудка. Среди новых значимых акторов белорусской истории – Барановичи и Сморгонь. Из 13 городов, упоминаемых в пособии не менее пяти раз, 6 представляют современные восточные области. Из ныне зарубежных городов наиболее часто в учебном пособии упомянуты Вильно, Санкт-Петербург и Москва.

В 1917 г. территория современной Беларуси вступила на новый этап своего развития. Советский, «неопольский» и постсоветский период не внесли в перечень исторических городов Беларуси новых акторов.

В целом, оценивая на основе упоминаний «историчность» белорусских населенных пунктов за период с древнейших времен до наших дней, можно составить интегральный рэнкинг. В перечень вошли населенные пункты, имеющие не менее 10 упоминаний. (табл. 1).

Таблица 1.

Реальные исторические населенные пункты Республики Беларусь.

Место в рэнкинге	Поселение	Число упоминаний
1	Полоцк	126
2	Минск	95
3	Гродно	67
4	Брест	44
5	Витебск	39
6	Могилев	35
7	Новогрудок	30
8	Туров	30
9	Пинск	29
10	Несвиж	28
11	Гомель	27
12	Крево	20
13	Слуцк	19
14	Лида	13
15	Бобруйск	12
16	Орша	11
17	Слоним	10

Составлено по данным [11; 20; 24].

«Историчность» белорусских населенных пунктов в значительной степени зависит от административных функций. Первые девять позиций в итоговом рэнкинге занимают города, выполнявшие в прошлом государственные или региональные «столичные» функции.

Данным переченем не исчерпывается количество населенных пунктов имеющих высокую «историчность». Средней «историчностью» по итогам изучения упоминаемости характеризуются Сморгонь, Молодечно, Клецк, Лесная, Барановичи, Борисов, Мстиславль, Волковыск, Лоев.

Для выявления итогового (интегрального) перечня исторических городов Республики Беларусь необходим комплексный подход, позволяющий объединить показатели реальной «историчности» с насыщенностью городов объектами культурного наследия и значимостью последних. Безусловно, в итоговый Перечень исторических населенных пунктов Беларуси должны войти

поселения с объектами Всемирного культурного наследия. Среди исторических населенных пунктов необходимо выделить поселения мирового, национального, регионального и местного значения. Что касается белорусской части российско-белорусского приграничья, то к историческим центрам мирового значения относится только Полоцк, к историческим центрам государственного значения – Витебск, Гомель, Могилев, Туров, Бобруйск, Орша, Мозырь, Поставы, Мстиславль, Горки, Лесная.

Данный перечень имеет значение для проведения политики насыщения исторических поселений туристской инфраструктурой, а также иными объектами, повышающими туристскую аттрактивность поселений. В практике организации трансграничных туристских маршрутов, способствующих интеграции населения России и Беларуси, в пределах российско-белорусского приграничья имеется кольцевая дестинация, включающая Смоленск, Псков, Витебск и Полоцк. В качестве дополнительных центров к ней можно добавить Поставы, Мстиславль, Оршу, Могилев, Лесную. Поскольку среди исторических городов Беларуси с высоким историко-культурным потенциалом много поселений в западной и центральной части страны, то целесообразно линейные маршруты выводить за рамки собственно российско-белорусского приграничья, но при этом включать в эти маршруты наиболее значимые в историческом отношении центры порубежных регионов.

Таким образом, российско-белорусское приграничье, являясь староосвоенным трансграничным регионом, располагает развитой системой расселения, опорный каркас которой был заложен в раннем Средневековье, когда существовали такие города, как Смоленск, Псков, Брянск, Полоцк, Витебск, Туров. Изборск. В XI–XIII веках сеть городов значительно расширилась, ее пополнили Стародуб, Карачев, Севск, Вязьма, Рославль, Дорогобуж, Великие Луки, Ельня, Гомель, Мозырь, Браслов, Мстиславль, Орша и многие другие. В конце позднего Средневековья на территории в границах современного российско-белорусского приграничья имелось около 40 городов, большая часть из которых может сегодня претендовать на статус «исторического города». Практически все древние и старые города приграничья внесли значимый вклад в российскую историю и историю белорусских земель. По-разному сложилась их судьба. Одни обрели значимые административные, хозяйственные и культурные функции и ныне в начале XXI века являются важнейшими ядрами как региона, так и своих стран. Другие

сохранились в качестве малых и средних городов и сегодня выполняют роль «скрепа» в социально-экономическом пространстве отдельных областей. Третьи, потеряв важные функции и городской статус, занимают значимое место в локальных системах расселения. Но все они не перестали при этом быть историческими поселениями, поскольку являются носителями исторической памяти, хранителями традиций и выполняют важную роль связи времен и поколений. Исторические поселения – это не только городские и сельские населенные пункты, в которых имеются объекты национального культурного наследия, но и места, связанные с жизнью известных людей, места, связанные с духовной жизнью. Для исторического поселения (города, поселка или села) главным критерием должен стать вклад в отечественную и мировую историю, отношение к важнейшим историческим событиям. Перечень исторических поселений не является неизменным, и задача историков, географов, искусствоведов, градостроителей, представителей других наук и направлений профессиональной деятельности – «открыть» новые исторические города и сельские населенные пункты.

Литература

1. Бакланов П.Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 19–24.
2. Баранов Н.В., Журавлёв А.М. и др. Исторические города СССР: Новое и старое. ЦНИИ теории и истории архитектуры. М.: Стройиздат, 1987. 272 с.
3. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов //Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 204–254
4. Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтный подход к изучению, сохранению и развитию исторических городов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 6. С. 952–960.
5. Веденин Ю.А. Историческая среда в молодых городах // Проблемы расселения: история и современность. Сер. «Россия 90-х: проблемы регионального развития». Москва: Ваш Выбор. ЦИРЗ, 1997. С. 67–70.
6. Веселова М.Н. Проблема определения понятия и сущности исторического города // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009, № 2. С. 117–124.
7. Воронин В.А. и др. История Беларуси, XVI–XVIII вв.: учеб. Пособие для 7-го кл. Минск: Изд. Центр БГУ, 2017. 214 с.
8. Городков А.В., Ильченко Е.С. Исторические города Брянского края (историко-архитектурные и градостроительные аспекты эволюции малых городов // Инновации в строительстве. Брянск, 2022. С. 122–129.
9. Ден В.Э. Очерки по экономической географии. Часть первая. Сельское хозяйство. СПб.: тип. Правда, 1908, 367 с.
10. Должонок А.А. Исторический город как объект белорусской государственной социокультурной политики // Культура Беларуси: реалии современности. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2019. С. 192–197.
11. Должонок А.А. Из историографии определения исторического города как объекта наследия // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 1 (35). С. 45–51.
12. Катровский А.П. Исторические населенные пункты и туризм // Туризм и региональное развитие. 2023. № 1 (6). С. 3–15.
13. Крогиус В.Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия: монография. М., 2009. 312 с.
14. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
15. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 237 с.
16. Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
17. Модернизация и структурные трансформации российско-белорусского приграничья: монография. Смоленск, 2018. 376 с.

18. Обедков А.П. Критерии выделения и состав исторических городов России // Социально-экономическая география – 2011: теория и практика. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2011. С. 194–199.

19. Обедков А.П. Исторические города России как объекты культурного наследия и хранители исторической памяти // В мире научных открытий. 2013. № 11-3 (47). С. 256–275.

20. Панов С.В., Морозова С.В., Сосно В.А. История Беларуси, конец XVIII – начало XX в.: учеб. пособие для 8-го кл. Минск: Изд. Центр БГУ, 2018. 159 с.

21. Российско-белорусское приграничье: вызовы межстоличного положения: коллективная монография. Смоленск, 2022. 308 с.

22. Руководство по планировке и застройке городов с памятниками истории и культуры/ ЦНИИП градостроительства. М.: Стройиздат, 1980. 141 с.

23. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.

24. Темушев С.Н., Бохан Ю.Н. История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учебное пособие для 6-го кл. Минск: Изд. Центр БГУ, 2023. 224 с.

25. Шевченко Э.А. К вопросу об идентификации исторических поселений // Градостроительство. 2011. № 3 (13). С. 46–55.

26. Шевченко Э.А. К вопросу об идентификации исторических поселений // Градостроительство. 2011. № 4 (14). С. 80–91

27. Шевченко Э.А. Исторические поселения или исторические населенные пункты // Вестник. Зодчий. 21 век. 2017. № 2 (63). С. 72–75.

28. Яковлева С.И. Историческое поселение как оценочное территориальное понятие // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2020. № 4 (32). С. 33–46.

A.P. Katrovskiy

Smolensk State University

Historical settlements of the Russian-Belarusian borderland: what to do with them?

Key words: historical cities; historical rural settlements; criteria for historical settlements; the real «historicity» of a settlement; official historical settlements.

The article presents the results of a study of historical settlements in Russia and Belarus, with special attention paid to the historical settlements of the Russian-Belarusian borderland. Approaches to defining a historical city (settlement) are analyzed. The presence of real and official historical settlements is noted. To identify the real historicity of settlements in the Republic of Belarus, the results of a content analysis of the mention of settlements in textbooks on the History of Belarus for secondary schools in the Republic of Belarus are presented. The need is noted for developing criteria for historical settlements that would equally take into account their place in history and their saturation with cultural heritage objects.

Т.Н. Ладожина
Смоленский государственный институт искусств

В.Г. Хомяков
Могилевский городской отдел
Белорусского географического общества

М.Л. Царегородцева
Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)

Новые сведения о «белорусских смолянах» и «смоленских белорусах»: по материалам российских и белорусских источников

Ключевые слова: *проект «Белорусские смоляне, смоленские белорусы»; база данных; персоналии; биографии; российско-белорусское сотрудничество*.

Статья посвящена проекту «Белорусские смоляне, смоленские белорусы», инициированному библиотекой Смоленского государственного университета в 2015 г. Усилиями коллектива смоленских и белорусских исследователей на основе публикаций России и Беларуси в одноименной базе данных собраны сведения более чем о 800 персоналиях, представляющих разные сферы деятельности. Приведены новые примеры персон, связавших своей деятельностью Смоленщину и западные и центральные территории Республики Беларусь (Брестскую, Гродненскую, Минскую области).

В современной общественно-политической обстановке возрастает актуальность проектов, направленных на укрепление дружеских связей союзных государств. День единения народов России и Беларуси отмечается ежегодно 2 апреля на государственном уровне уже 28 лет. Примером партнерского сотрудничества, содействующего изучению истории двух государств, осознанию понятия «единение народов», укреплению культурных

связей белорусов и россиян, стал международный корпоративный проект «Белорусские смоляне, смоленские белорусы».

Цель этого проекта, инициированного в мае 2015 г. библиотекой Смоленского государственного университета (СмолГУ), – формирование одноименной базы данных в университетской библиотеке, включающей аннотированные библиографические записи на русском и белорусском языках публикаций о выходцах из Беларуси и со Смоленщины, отличившихся своей деятельностью и внесших вклад в развитие разных сфер деятельности на обеих территориях [1].

Круг участников проекта с каждым годом расширяется. Кроме первых партнеров (Белорусский государственный университет культуры и искусств, Национальная библиотека Беларуси, Витебская и Могилевская областные библиотеки, редакция научно-популярного журнала «Край Смоленский»), к проекту присоединились Брестская областная библиотека им. М. Горького, Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», а также отдельные исследователи России и Беларуси. Совместная деятельность направлена на сбор информации о персонах разных исторических периодов в разнообразных источниках обоих государств.

Усилиями международного коллектива исследователей (ученых, библиотекарей, педагогов, краеведов Смоленщины и Беларуси) на сегодняшний день собраны данные о более чем 1200 персоналиях, представляющих разные сферы деятельности. Это как известные личности, так и люди, о которых имеется мало публикаций.

В ходе реализации проекта при финансовой поддержке НОЦ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» изданы три справочника: в 2017 г. – часть 1-я «Персоналии российско-белорусского приграничья» биобиблиографического справочника «Белорусские смоляне, смоленские белорусы» [2]; в 2018 г. – биобиблиографический справочник «Смоляне – защитники Брестской крепости» [3]; в 2020 г. – биобиблиографический справочник «Смоляне – участники боев под г. Брестом в июне 1941 года» [4].

В готовящемся к публикации новом биобиблиографическом справочнике «Белорусские смоляне, смоленские белорусы. Ч. 2: Персоналии Западной и Центральной Беларуси» будут представлены еще 400 персоналий, связавших

своей деятельностью Смоленщину и Брестскую, Гродненскую, Минскую области Беларуси.

В новом издании проекта остались неизменными критерии отбора персон и источников о них. Отражены деятели различных исторических периодов. Нижние хронологические границы – 2-я половина XIX в.

Принцип отбора источников о персонах следующий: наличие в печатных изданиях (дополнительно – в интернет-ресурсах) биографических сведений, в которых упоминается период жизни или деятельности персоны на смоленской или белорусской земле.

Представляем данные о 10 деятелях разных периодов, работавших в разных сферах деятельности, с разными судьбами.

АЛЕКСАНКИН ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ (1923–1991) [5]

Медицинский работник, деятель в области народного хозяйства. Уроженец д. Петрашково (Петраково) Ершичского р-на Смоленской обл. Окончил Московскую военно-ветеринарную академию (1947). Участник Великой Отечественной войны. Был ветеринарным врачом в 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта (гвардии капитан ветеринарной службы). Работал ветврачом в г. Клецке Барановичской (ныне Минской) обл. Жил и работал в п. Снов Несвижского р-на Минской обл. Находился на должности заведующего ветеринарным участком, затем председателя местного колхоза им. Калинина, ставшего известным на весь СССР (1951–1988). Кандидат экономических наук (1969), автор 3 книг. Заслуженный ветеринарный врач БССР (1967), Герой Социалистического Труда (1984), почетный гражданин г. Несвижа (2002). Награжден двумя орденами Ленина (1984), орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной звезды.

АШМЯНЦЕВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ [6]

Административно-хозяйственный деятель. Родился в 1954 г. в д. Рай (Раёвка) Монастырщинского р-на Смоленской обл. Окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию по специальности инженер-механик (1978). Работал в Кобринском р-не Брестской обл. заведующим гаражом районной

«Сельхозтехники», заместителем директора районного объединения «Сельхозхимии» (1978–1985), инструктором, заведующим сельскохозяйственным отделом горкома Коммунистической партии Беларуси (1985–1987), председателем колхоза им. Суворова (1987–1995), председателем райисполкома (1995–2002). Был заместителем председателя Брестского облисполкома (2002–2007), председателем Брестского областного Совета депутатов (2007–2018). С 2018 г. – исполнительный директор Брестского областного агропромышленного союза. Заслуженный работник сельского хозяйства Беларуси. Награжден медалью «За трудовые заслуги» Беларуси.

БАВРИН ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ (1919–?) [7]

Деятель в области народного хозяйства. Родился в д. Бозна Вяземского района Смоленской губ. Окончил Московский пушнино-меховой институт (1942). Участник Великой Отечественной войны, демобилизован в 1946 г., подполковник. В 1948–1951 гг. – ст. научный сотрудник, учёный секретарь Главного управления по заповедникам при Совете Министров БССР, заместитель директора Белорусского государственного заповедника на реке Березина (ныне Березинский биосферный заповедник). В 1951–1953 гг. – инструктор сельскохозяйственного отдела Минского обкома партии, в 1953–1958 гг. – секретарь Дзержинского РК КПБ, председатель райисполкома, в 1958–1961 гг. – первый секретарь Стародорожского РК КПБ Минской области, в 1961–1965 гг. – заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПБ. С 1969 г. – министр мясной и молочной промышленности БССР. Избирался кандидатом в члены ЦК КПБ, членом ЦК, депутатом Верховного Совета БССР. Награждён 5 орденами, 12 медалями. Автор книги «Развитие НТП – основной фактор повышения эффективности производства мясной и молочной промышленности» (Минск, 1978).

БАЙДАКОВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА [8]

Педагог. Родилась 9 мая 1952 г. в д. Богданово Рославльского р-на Смоленской обл. Окончила Смоленское педагогическое училище (1971), Смоленский педагогический институт им. К. Маркса (1976), аспирантуру Академии последипломного образования Беларуси (2001) по специальности «Общая педагогика». Трудилась старшей

пионервожатой Остеровской средней школы Рославльского р-на (1971–1975), учителем истории школы № 1 Центральной группы войск в Чехословакии (1975–1978). Работала старшей пионервожатой и учителем СШ № 14 (1978–1980), заместителем директора СШ № 23 в г. Гродно (1980–1982), заместителем директора школы в Хасанском р-не Приморского края (1983–1991). С 1991 г. – учитель истории и обществоведения СШ № 13 г. Бреста им. В.И. Хована. Автор методических разработок для учителей истории, научных статей по вопросам общения. Отличник просвещения РСФСР (1989). Лауреат премии за создание учебника «Всемирная история Нового времени» для 8 класса общеобразовательной школы с белорусским и русским языками обучения (1999); имеет почетные грамоты Министерства образования Беларуси (2001, 2007), нагрудный знак «Отличник образования Республики Беларусь» (2011) и другие награды.

БАМБАЛОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1938–2020) [9]

Ученый-биогеохимик. Родился 3 июня 1938 г. в д. Шаталово Починковского р-на Смоленской обл. Окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию (1961). В 1962–1976 гг. – младший научный сотрудник, старший инженер, аспирант, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией Института торфа АН БССР, с 1976 г. – заведующий лабораторией Института природопользования Национальной академии наук Беларуси (до 1990 – Институт торфа АН БССР). Академик Национальной академии наук Беларуси (1994; чл.-корр. с 1989), доктор сельскохозяйственных наук (1985), профессор (2013). Автор более 400 научных работ, в том числе 7 монографий, посвященных изучению гумификации и минерализации органического вещества в почвах и болотах разного генезиса, 20 авторских свидетельств и патентов на изобретения. Умер 2 июня 2020 г. в Минске.

БАСОВ ФЕДОР ЕВСЕЕВИЧ (1909–2002) [10]

Военный деятель. Уроженец д. Староселье Духовщинского р-на Смоленской губ. (ныне Ярцевский р-н Смоленской обл.). Окончил неполную среднюю школу, школу младших командиров, Ленинградскую высшую офицерскую бронетанковую школу (1949). В Красной Армии с 1931 г. Участник советско-финской

войны (1939–1940), Великой Отечественной войны (с 1941). С 1964 г. после выхода в отставку в звании полковника поселился в г. Минске. Работал начальником охраны Минского часового завода. Герой Советского Союза (1944). Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине» 3-1 степени (Белоруссия, 1999). Похоронен в Минске.

БОБКОВА НИНЕЛЬ МИРОНОВНА (1930–2021) [11]

Ученый в области технологии силикатов, педагог. Родилась 16 октября 1930 г. в г. Смоленске. Окончила Белорусский политехнический институт в г. Минске (1953). Работала на заводе, а с 1959 г. преподавала в Белорусском политехническом институте и одновременно являлась научным руководителем проблемной лаборатории стекла и силикатов этого института (1964–1973). Воглавляла кафедру технологии силикатов Белорусского государственного технологического института (1976–1996), затем работала в должности профессора на этой же кафедре (позднее – кафедре технологии стекла и керамики Белорусского государственного технологического университета) до 2021 г. Автор 650 научных работ, 202 авторских свидетельств СССР и 51 патента РФ и Республики Беларусь, 4 учебников и монографий в области физико-химии и технологии стекла, ситаллов и силикатов. Доктор технических наук (1970), профессор (1971). Заслуженный деятель науки и техники БССР (1980). Награждена орденом «Знак Почета» (1986). Создала научную школу, под ее научным руководством подготовлен 1 доктор наук и 46 кандидатов наук.

БОГОМОЛОВ ГЕРАСИМ ВАСИЛЬЕВИЧ (1905–1981) [12]

Ученый-геолог, гидролог, эколог, государственный деятель. Уроженец с. Слизнево Сычевского р-на Смоленской обл. Окончил Московскую горную академию (1929). Был заместителем директора Института инженерно-строительной гидротехники и гидрогеологии (1931–1935), директором Научно-исследовательского бюро гидрогеологии и инженерной геологии в г. Москве (с 1935). Находился на должностях директора Всесоюзного НИИ гидрогеологии и инженерной геологии (1939–

1951), заместителя министра геологии СССР (с 1951), заместителя академика-секретаря Отделения геологических и географических наук АН СССР (с 1954), директора Института геологических наук АН БССР (с 1960), заведующего сектором (с 1964), заведующего отделом (с 1971), заведующего лабораторией Института геохимии и геофизики АН БССР (1978–1981). Председатель секции гидрологии Межведомственного геофизического комитета при Президиуме АН СССР, член Бюро секции гидрологии Национального комитета геологов СССР, член научного Комитета по водным исследованиям Международного совета научных союзов, вице-президент Комиссии подземных вод Международной ассоциации гидрологических наук, член-корреспондент геологических обществ Франции и Бельгии. Автор более 350 опубликованных научных работ, в том числе 12 монографий и 5 учебников по вопросам геологии, гидрогеологии, прикладной геологии, геотермии, охраны окружающей среды. Подготовил 13 докторов и 33 кандидата наук. Доктор геолого-минералогических наук (1940), профессор (1940). Академик Национальной академии наук Беларуси (1960; чл.-корр. с 1947). Заслуженный деятель науки и техники БССР (1968). Первооткрыватель минской минеральной воды. Награжден орденами Красной Звезды (1944), Трудового Красного Знамени (1947, 1969), Октябрьской Революции (1975), Отечественной войны II степени (1985), медалями. Похоронен в Москве на Даниловском кладбище.

БОДАКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1926–2014) [13]

Философ, педагог. Уроженец д. Бахаревка Рославльского р-на Смоленской обл. Окончил Белорусский государственный университет (1950). Преподавал в политехническом и педагогическом институтах в г. Минске. С 1973 г. – в Гродненском педагогическом институте, ректор там же (1978–1994). Заведующий кафедрой, профессор Белорусского университета культуры и искусства в г. Минске (1998–2008).

Автор учебных пособий «Диалектический материализм» (Минск, 1972), «История философии» (2-е изд., Минск, 2001, в соавт.), «Философия сознания» (Минск, 2004) и др. Кандидат философских наук (1959), профессор (1978). Заслуженный работник высшей школы БССР (1977). Занесен в «Книгу славы города Гродно» (2008).

БУЛОЧКО ЛЕОНИД ТРОФИМОВИЧ (1906–1973) [14]

Деятель изобразительного искусства и архитектуры (художник). Уроженец г. Гродно. Окончил Витебский художественный техникум (1929). Член Смоленского филиала Ассоциации художников революционной России (1929–1936), член товарищества «Всекохудожник» (1936–1939), член Союза художников СССР (с 1939). Работал художником в фронтовых газетах (1941–1945), в газете «Рабочий путь» (10 лет). Возглавлял правление Смоленской организации Союза художников РСФСР (1950–1957). Участвовал в областных и периферийных выставках (с 1939). В настоящее время его работы хранятся в собрании Смоленского объединенного музея-заповедника. Похоронен на Новом (Новодевичьем) кладбище в г. Смоленске.

Таким образом, в результате работы с различными печатными и электронными источниками России и Беларуси открываются новые персоналии «белорусских смолян» и «смоленских белорусов», а по уже известным – появляются новые факты их биографий.

В дальнейших планах работы по проекту – продолжение формирования базы данных «Белорусские смоляне, смоленские белорусы». Особое внимание будет уделено использованию архивных материалов. Успешная реализация задуманного возможна благодаря консолидации усилий представителей разных сфер деятельности двух государств.

Литература

1. «Белорусские смоляне, смоленские белорусы» // Проекты НОЦ «Россия и Беларусь» за 2016–2022 гг. URL: https://rusbelrec.smolgu.ru/issledovania/ (дата обращения: 06.10.2023).

2. Белорусские смоляне, смоленские белорусы: биобиблиографический справочник / Смоленский гос. ун-т, НОЦ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» (СмолГУ), Белорусский гос. ун-т культуры и искусств, Витебская обл. б-ка им. В.И. Ленина, Могилевская обл. б-ка им. В. И. Ленина; [сост.: Т.Н. Ладожина и др.]. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. Ч. 1: Персоналии российско-белорусского приграничья. 354, [1] с.: портр., табл.

3. Смоляне – защитники Брестской крепости: биобиблиогр. справочник / Смоленский гос. ун-т, НОЦ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Смоленский гос. музей-заповедник; сост.: М.Н. Болохоненкова [и др.]. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 184 с.

4. Смоляне – участники боёв под г. Брестом в июне 1941 года: биобиблиогр. справочник / Смоленский гос. ун-т, НОЦ «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и

настоящем», Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»; сост.: Л.А. Качулина, Т.Н. Ладожина, Е.В. Митюкова, Ю.В. Фомин. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. 98 с.: фото.

5. Аляксанкін Якаў Васілевіч // Памяць: гіст.-дакум. Хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі: Нясвіжскі раён / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э.Э. Жакевіч. Минск: БелЭн, 2001. С. 455–456; Долготович Б.Д. Алексанкин Яков Васильевич // Почетные граждане белорусских городов: биогр. справ. Минск: Беларусь, 2008. С. 296–297; Алексанкин Яков Васильевич // Твои герои, Беларусь! Герои Социалистического труда: биогр. справ. / сост.: И.Н. Кулан [и др.]; под общ. ред. А.Н. Новикова. Минск: БелЭн, 2015. С. 29; Алексанкин Яков Васильевич // Регионы Беларуси: энцикл.: в 7 т. / редкол.: В.В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. Минск: БелЭн, 2016. Т. 5: Минская область: в 3 кн. Кн. 1: А–З. С. 2; Хомяков В., Хомякова О. Уроженцы Смоленской земли – известные люди Беларуси // Край Смоленский. 2023. № 2. С. 48–57: фото. (Биогр. летопись); Алексанкин Яков Васильевич // Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14345 (дата обращения: 06.10.2023).

6. Ашмянцев Сергей Дмитриевич // Кто есть Кто в Республике Беларусь. 2009 / под ред. И.В. Чекалова. Минск: Энциклопедикс, 2009. С. 16; Ашмянцев Сергей Дмитриевич // Кто есть Кто. Деловой мир СНГ. 2002 / под ред. И.В. Чекалова. Минск: Энциклопедикс, 2002. Вып. 2. С. 21; Яны кіравалі горадам і раёнам // Памяць: гіст.-дакум. хронікагарадоў і раёнаў Беларусі: Кобрынскіраён. Минск: БЕЛТА, 2002. С. 449; Хомяков В., Хомякова О. Уроженцы Смоленской земли – известные люди Беларуси // Край Смоленский. 2023. № 2. С. 48–57: фото. (Биогр. летопись).

7. Хомяков В., Хомякова О. Уроженцы Смоленской земли – известные люди Беларуси // Край Смоленский. 2023. № 2. С. 48–57: фото. (Биогр. летопись); Олейник Е. Первоапрельский юбиляр // Минский курьер. 2009. 1 апр. URL: https://mk.by/2009/04/01/5372/ (дата обращения: 06.10.2023).

8. Байдакова Наталья Васильевна // Кто есть Кто в Республике Беларусь / под ред. И.В. Чекалова. Минск: Энциклопедикс, 2004. С. 22; Байдакова Н.В. // Издательство Аверсэв. Наши авторы. URL: ttps://www.aversev.by/avtory/bajdakova-nv/ (дата обращения: 06.10.2023).

9. Бамбалаў Мікалай Мікалаевіч // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Минск: БелЭн, 1996. Т. 2: Аршыца – Беларусцы. С. 270; Інстытут праблем выкарыстання прыродных ресурсаў і экалогіі // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў(гал. рэд.) [і інш.]. Мн.: БелЭн, 1996. Т. 2: Аршыца – Беларусцы. С. 270; Бамбалов Николай Николаевич // Кто есть Кто в Республике Беларусь. Люди дела / под ред. И. В. Чекалова. Минск: Энциклопедикс, 1999. С. 240–241; Бамбалов Николай Николаевич // Республика Беларусь: энцикл.: в 7 т. / редкол.: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. Минск: БелЭн, 2006. Т. 2: А – Герань. С. 185; Хомяков В. Белорусские ученые – уроженцы Смоленщины // Край Смоленский. 2016. № 4. С. 46–54. (Биогр. летопись); Бамбалов Николай Николаевич // Национальная Академия наук Беларуси: энцикл. справ. / Нац. Акад. наук Беларуси; редкол.: В.Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2017. С. 55; Бамбалов Николай Николаевич // Geology.by: Белорусский геологический портал [сайт]. URL: http://geology.by/biogrphy/2008-10-06-19-25-01/171-2008-10-08-07-35-47.html (дата обращения: 06.10.2023); Имя в белорусской науке. Бамбалов Николай Николаевич //

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси [сайт]. URL: https://csl.bas-net.by/personalii/70308/bambalov-nikolay-nikolaevich/ (Дата обращения: 06.10.2023); Ушел из жизни академик Николай Николаевич Бамбалов [Некролог] // Национальная академия наук Беларуси [сайт]. – URL: https://nasb.gov.by/rus/news/10351/ (Дата обращения: 06.10.2023).

10. Воробьев М. В. Басов Федор Евсеевич / М. В. Воробьев, В. Е. Титов, А. К. Храпченков // Смоляне – Герои Советского Союза / М. В. Воробьев, В. Е. Титов, А. К. Храпченков. 3-е доп. изд. Москва: Моск. рабочий, 1982. С. 58–59; Басов Федор Евсеевич // Герои Советского Союза: крат.биогр. слов.: в 2 т. / редкол.: И. Н. Шкадов. Москва: Воениздат, 1987. Т. 1: Абаев–Любичев. С. 125; Басов Федор Евсеевич // Герои страны: международный патриотический интернет-проект. URL https://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8060: (дата обращения: 06.10.2023 г.). Текст: электронный.

11. Бабкова Нінель Міронаўна // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя: у 12 т. / рэдкал.: П.У. Броўка (гал. рэд.) [іінш.]. Минск, 1971. Т. 11: Футбол – Яя: дадат. – С. 589; Бобкова Нинель Мироновна // Белорусская ССР: крат. энцикл.: в 5 т. / редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БелСЭ, 1981. Т. 5: Биогр. справ. С. 61; Бабкова Нінэль Міронаўна // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск: БелЭн, 1996. Т. 2: Аршыца – Беларусцы. С. 182; Заслужаны дзеяч навуки и тэхники // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск: БелЭн, 1998. Т. 6: Дадаизм – Застава. С. 552; Неарганічная хімія // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Минск: БелЭн, 2004. Т. 18, кн. 2: Рэспубліка Беларусь. С. 523–52; Бобкова Нинель Мироновна // Республика Беларусь: энцикл.: в 7 т. / редкол.: Г.П. Пашков [и др.]. Минск: БелЭн, 2006. Т. 2: А – Герань. С. 409; К 60-летию научно-педагогической деятельности профессора Н.М. Бобковой // Библиотека БГТУ [сайт]. URL: https://bibl.belstu.by/k-60-letiju-nauchno-pedagogicheskoj-dejatelnosti-professora-n-m-bobkovoj/ (дата обращения: 06.10.2023). Ушел из жизни замечательный человек, крупный ученый и настоящий педагог Нинель Мироновна Бобкова [новость от 09.11.2021] // Белорусский государственный технологический университет [сайт]. URL: https://www.belstu.by/news/university/ushel-iz-zhizni-zamechatelnyi-chelovek-krupnyi-uchenyi-i-nastoyashhii-pedagog-ninel-mironovna-bobkova (Дата обращения: 06.10.2023).

12. Богомолов Герасим Васильевич // Белорусская ССР: крат. энцикл.: в 5 т. / редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БелСЭ, 1981. Т. 5: Биогр. справ. С. 65; Соловьев Н. Академик Г.В. Богомолов // Рабочий путь. 1984. 16 нояб. С. 4. – (Наши знаменитые земляки); Богомолов Герасим Васильевич // Их именами названы…: энцикл. справ. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БелСЭ, 1987. С. 79–80; Заслужаны дзеяч навукі і тэхнікі Беларускай ССР // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў(гал. рэд.) [і інш.]. Минск: БелЭн, 1998. Т. 6: Дадаізм – Застава. С. 552; Багамолаў Герасім Васільевіч // Памяць: гіст.-дакум. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі: Салігорскі раён. Минск: БЕЛТА, 2004. С. 504; Геологические науки // Республика Беларусь: энцикл.: в 7 т. / редкол.: Г.П. Пашков [и др.]. Минск: БелЭн, 2005. Т. 1. С. 759–773; Богомолов Герасим

Васильевич // Русские в Беларуси / сост. А.Н. Андреев. Минск: Макбел, 2010. – С. 165–166; Хомяков В. Белорусские ученые – уроженцы Смоленщины // Край Смоленский. 2016. № 4. С. 46–54. (Биогр. летопись); Богомолов Герасим Васильевич // Национальная Академия наук Беларуси: энцикл. справ. / Нац. Акад. наук Беларуси; редкол.: В.Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2017. С. 79; Богомолов Герасим Васильевич // Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси [сайт]. URL: https://csl.bas-net.by/personalii/81788/bogomolov-gerasim-vasilievich/ (дата обращения: 06.10.2023). Богомолов Ю.Г. Богомолов Герасим Васильевич к 100-летию со дня рождения // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2005. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bogomolov-gerasim-vasilievich-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya (дата обращения: 06.10.2023).

13. Богомолов Герасим Васильевич // Белорусская ССР: крат. энцикл.: в 5 т. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БелСЭ, 1981. Т. 5: Биогр. справ. С. 65; Соловьев Н. Академик Г.В. Богомолов / Н. Соловьев // Рабочий путь. 1984. 16 нояб. С. 4. (Наши знаменитые земляки); Богомолов Герасим Васильевич // Их именами названы…: энцикл. справ. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БелСЭ, 1987. С. 79–80; Заслужаны дзеяч навукі і тэхнікі Беларускай ССР // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў(гал. рэд.) [і інш.]. Минск: БелЭн, 1998. Т. 6: Дадаізм–Застава. С. 552; Багамолаў Герасім Васільевіч // Памяць: гіст.-дакум. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі: Салігорскі раён. Мн.: БЕЛТА, 2004. С. 504; Геологические науки // Республика Беларусь: энцикл.: в 7 т. / редкол.: Г. П. Пашков [и др.]. Минск: БелЭн, 2005. Т. 1. С. 759–773; Богомолов Герасим Васильевич // Русские в Беларуси / сост. А.Н. Андреев. Минск: Макбел, 2010. С. 165–166; Хомяков В. Белорусские ученые – уроженцы Смоленщины / Владимир Хомяков // Край Смоленский. 2016. № 4. С. 46–54. (Биогр. летопись); Богомолов Герасим Васильевич // Национальная Академия наук Беларуси: энцикл. справ. / Нац. Акад. наук Беларуси; редкол.: В.Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2017. С. 79; Богомолов Герасим Васильевич // Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси [Сайт]. URL: https://csl.bas-net.by/personalii/81788/bogomolov-gerasim-vasilievich/ (Дата обращения: 06.10.2023 г.). Текст: электронный; Богомолов Ю.Г. Богомолов Герасим Васильевич к 100-летию со дня рождения / Ю.Г. Богомолов // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2005. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bogomolov-gerasim-vasilievich-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya (Дата обращения: 06.10.2023 г.).

14. Булочко Леонид Трофимович // Смоленский Некрополь [сайт]. URL: http://smolnecropol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=699:bulochko&catid=18:2012-09-03-15-52-24&Itemid=49 (дата обращения: 06.10.2023).

T.N. Ladozhina
Smolensk State Anstitute of arts,
V.G. Khomyakov
Mogilev City Department
Belarusian Geographical Society,
M.A. Tsaregorodtseva
Smolensk State University

The new information about “belarusian smolyans” and “smolensk belarusians”: based on materials of Russian and Belarusian sources

Key words: project "Belarusian Smolyans, Smolensk Belarusians"; database; personalities; biographies; Russian-Belarusian cooperation.

The article is devoted to the project "Belarusian Smolyans, Smolensk Belarusians" initiated by the library of Smolensk State University in 2015. Thanks to the efforts of a team of Smolensk and Belarusian researchers, based on the publications of Russia and Belarus, the database of the same name contains information about more than 800 personalities representing different fields of activity. New examples of persons who have linked the Smolensk region and the western and central territories of the Republic of Belarus (Brest, Grodno, Minsk regions) with their activities are given.

Д.С. Лавринович

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

УДК 94 (476) «1915/1917»

Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве при Николае II (август 1915 – март 1917 г.): по архивным материалам, воспоминаниям и дневникам современников событий

Ключевые слова: Первая мировая война; Ставка Верховного главнокомандующего; Могилев; Николай II; повседневность; внутренняя политика; революция.

В статье на основе изучения архивных материалов, воспоминаний и дневников служащих Ставки Верховного главнокомандующего и жителей Могилева раскрываются особенности функционирования высшей военной власти в России. Источники позволили составить представление о месторасположении, кадровом составе, распорядке работы различных подразделений Ставки, образе жизни ее высших чинов, показать Николая II в роли Верховного Главнокомандующего, его взаимоотношения с армейской элитой, особенности времяпровождения в Ставке, поведение в критические для монархии дни в феврале-марте 1917 г.

Высшим органом управления действующей армией в годы Первой мировой войны являлась Ставка Верховного главнокомандующего. В августе 1915 г. в должность Верховного Главнокомандующего вступил Николай II. С этого времени Могилев, где разместилась Ставка, выполнял роль фактически императорской резиденции.

Источники позволяют составить представление о месторасположении, кадровом составе, распорядке работы различных подразделений Ставки, образе жизни ее высших чинов. Расположение органов управления армией в Могилеве оказало значительное влияние на повседневную жизнь горожан, способствовало притоку в город новых людей, в том числе и не связанных непосредственно с военной службой: журналистов, артистов и других. Сохранившиеся свидетельства современников дают возможность показать

Николая II в роли Верховного Главнокомандующего, описать его взаимоотношения с армейской элитой, особенности времяпровождения в Ставке, поведение в критические для монархии дни в феврале-марте 1917 г. [10, с. 134, 135].

Наиболее полно жизнь Ставки в Могилеве освещена в воспоминаниях генерал-квартирмейстеров штаба Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилова и А.С. Лукомского, начальника военно-морского управления А.Д. Бубнова, штаб-офицера для поручений в управлении генерал-квартирмейстера В.М. Пронина, членов свиты императора, генерал-майора Д.Н. Дубенского, флигель-адъютанта царя, полковника А.А. Мордвинова, жителей Могилева А.А. Власова и М. Белевской, дневниках военного цензора М.К. Лемке и самого Николая II, других материалах личного происхождения [1; 3; 4–5; 6; 8; 11–13].

В начале XX века Могилев был центром одноименной губернии. По данным переписи населения 1897 г., в городе проживало более 43 тыс. человек, из них около 21 тыс. евреев, около 19 тыс. православных и около 2 тыс. католиков. В 1913 г. работали 170 промышленных предприятий, на которых трудилось 712 рабочих. В торговле и промышленности преобладал еврейский капитал. В городе существовала линия конки, а с 1902 г. проходила железная дорога Санкт-Петербург – Одесса. В Могилеве работали учительский институт, пять гимназий, прогимназия, духовная семинария, епархиальное и реальное училища, другие учебные заведения [17, с. 9].

К моменту начала Первой мировой войны губернатором Могилевской губернии был А.И. Пильц, которого в феврале 1916 г. сменил Д.Г. Явленский. Должность вице-губернатора занимал князь В.А. Друцкой-Соколинский, оставивший воспоминания о своей жизни [7]. К сожалению, он очень мало касался деятельности Ставки Верховного главнокомандующего времени Николая II, поскольку был переведен на пост губернатора Минской губернии.

Переезд Ставки резко изменил жизнь в городе. М. Белевская вспоминала о своих впечатлениях после прибытия Верховного Главнокомандующего: «В городе стало торжественно и тихо. Чувствовалось деловое напряжение в Ставке и это передавалось обывателям» [1, с. 13]. Дом могилевского губернатора стал местом размещения сначала великого князя Николая Николаевича и начальника штаба Н.Н. Янушкевича, а с 27 августа – Николая II, который до этого четыре дня прожил в поезде недалеко от станции [6].

Сохранилось подробное описание обстановки в доме накануне переезда в Могилев Ставки, сделанное А.А. Власовым – племянником губернатора А.И. Пильца [4]. Здание было каменным и имело два этажа. Оно было построено в конце XVIII в. специально для губернатора. Отопление было печным. Первый этаж, по свидетельству Власова, был обустроен следующим образом: «Из обширной передней вестибюля начиналась налево так называемая парадная лестница, по которой поднимались к парадным комнатам дома губернатора. В прямом направлении была застекленная дверь во внутренний коридор нижнего этажа. В этом коридоре не было окон, а только двери в обе стороны, в разные комнаты. От коридора начиналась и внутренняя лестница, которой в повседневной жизни больше пользовались. Она была уже, чем широкая парадная лестница, и ступеньки были расположены закругленно. Внутренний коридор кончался дверью на обширную веранду со стороны сада. На веранде можно было обедать в летнее время. Направо из переднего вестибюля была дверь в приемную перед служебным кабинетом губернатора» [10, с. 136]. В кабинете специально сохранялись следы от пуль, выпущенных в губернатора Н.М. Клингенберга 29 октября 1905 г. членом партии социалистов-революционеров Л.П. Езерской [10, с. 136].

Белый зал с роялем, столовая, две буфетные, зимний сад, красная и зеленая гостиная (названые так из-за цвета мебели) размещались на втором этаже. Две последние комнаты стали личными апартаментами Николая II. А.А. Мордвинов так описывал обстановку дома: «В Ставке государь жил в довольно неуютном губернаторском доме, в котором наверху занимал две комнаты: одна служила кабинетом, другая спальней, где вместе с походной кроватью государя стояла такая же походная кровать для наследника, на которой он спал во время своих частых пребываний в Могилеве. Рядом с кабинетом находилась пустынная приемная зала и столовая…» [13, с. 42]. Кухня была на первом этаже. Вокруг дома губернатора был разбит сад.

Кроме Николая II в губернаторском доме жили министр императорского двора В.Б. Фредерикс, гофмаршал В.А. Долгоруков, дворцовый комендант В.Н. Воейков, дежурный флигель-адъютант Н.П. Саблин [11, с. 30]. Остальные члены царской свиты были размещены в гостиницах.

В здании губернского правления, которое находилось рядом с домом губернатора, расположилось Управление генерал-квартирмейстера. В августе 1915 – феврале 1917 г. должность генерал-квартирмейстера последовательно

занимали Ю.Н. Данилов, М.С. Пустовойтенко, А.С. Лукомский. В доме работал и жил начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев. С весны 1916 г. там же разместился генерал для поручений В.Е. Борисов, друг и советник Алексеева. На центральной площади Могилева, также недалеко от дома губернатора, в здании окружного суда расположились Управление дежурного генерала (начальник – П.К. Кондзеровский), начальник военных сообщений (С.А. Ронжин), Морской штаб (А.И. Русин), директор дипломатической канцелярии (Н.А. Кудашев, затем – Н.А. Базили). Другие структурные подразделения Ставки были размещены в других административных зданиях, а также гостиницах города. К 1917 г. штаб Верховного Главнокомандующего состоял из 12 управлений, насчитывавших более 200 офицеров и чиновников [9, с. 91].

В Могилеве находились представители союзных государств, проживавшие в гостинице «Бристоль» [11, с. 33]. В начале 1917 г. к Ставке были прикомандированы генерал М. Жанен, возглавлявший французскую военную миссию, генерал Д. Хэнбери-Уильямс, представлявший Великобританию, генерал Д. Ромеи Лонгена – Италию, генерал Л.-Д.-Ю. де Риккель – Бельгию, генерал К. Коанда – Румынию, генерал З. Исихака – Японию, полковник Б. Лонткевич – Сербию [13, с. 43].

Охраной и внутренним распорядком Ставки ведала комендантская часть, во главе которой стоял командующий гвардейским жандармским эскадроном. Для охраны Николая II были задействованы дежурная сотня Собственного Его Императорского Величества Конвоя (командир – А.Н. Граббе), дежурная рота Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка (командир – А.А. Ресин) и Собственный Его Величества железнодорожный полк (командир – С.А. Цабель). Дом губернатора охранял караул Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Парный пост днем располагался в передней главного подъезда, а ночью, после того как камердинер сообщал о том, что Николай II лег спать, дежурных переводили к дверям кабинета императора. В 8 ч. утра пост переводили назад, в переднюю главного подъезда [14, л. 106, 106 об.]. Одиночный пост располагался днем в свитском коридоре у дверей, ведущих в сад (на веранду), ночью его переводили на площадку перед дверями, ведущими в ванную комнату [14, л. 106, 106 об.].

Резиденцию императора охранял Георгиевский батальон, часовые которого находились у входа в дом губернатора [3, с. 259]. В непосредственной

близости, на площади, в городском саду, на прилегающих улицах, несли дежурство чины дворцовой полиции и секретные агенты. Последних, по свидетельству В.М. Пронина, называли «ботаниками», так как, чтобы не привлекать к себе внимания, «они, внешне сохраняя непринужденный вид, словно прогуливаясь, останавливались у дерева или цветочной клумбы и как бы внимательно их рассматривали, в то же время зорко следя за всеми прохожими и проезжими» [3, с. 259].

Для предотвращения проникновения в район Ставки «неблагонадежных лиц» 1 сентября 1915 г. в Могилеве было учреждено временное регистрационное бюро, в функцию которого входила регистрация как постоянных жителей, так и прибывших в город на время. Позже регистрация была введена и для населения четырех волостей Могилевского уезда, граничивших с губернским центром [14, л. 127]. На железнодорожной станции и на днепровской пристани в Могилеве были созданы пропускные пункты. Кроме того, на дорогах, ведущих в город, установили 10 застав с патрулированием территории между ними [14, л. 54]. 23 марта 1916 г. главный начальник Минского военного округа издал обязательное постановление, согласно которому «всякое прибывающее в район Ставки лицо обязано иметь соответствующее разрешение на въезд» [14, л. 49]. Помимо людей была введена также регистрация автомобилей («самодвижущихся экипажей») [14, л. 49].

Реализация всех вышеперечисленных мероприятий, прежде всего, легла на Могилевское губернское жандармское управление. Но, поскольку наличного штата для возросших функций не хватало, к службе по охране Ставки дополнительно были привлечены сотрудники Отдельного корпуса жандармов (4 штаб-офицера, 6 обер-офицеров, 77 унтер-офицеров), варшавской полиции, эвакуированной из Царства Польского (1 обер-офицер, 66 околоточных надзирателей, 52 стражника) и местной полиции (10 человек). Кроме того, для этой же цели в Могилев было командировано 63 филера из охранных отделений [14, л. 127]. Численность и состав охраны Ставки не были постоянными и со временем менялись.

Важное значение придавалось противовоздушной обороне. Для своевременного обнаружения вражеских самолетов были установлены дальние наблюдательные посты в Орше, Борисове, Бобруйске, Осиповичах, Рогачеве, Горках, Березине, на станции Славное Александровской железной дороги.

Ближайшие наблюдательные посты были расположены в Шклове, Круглом, Быхове, Чаусах, Белыничах, Староселье, Головчине и Чечевичах. Для наблюдения на каждый пост было направлено по семь нижних чинов от могилевской караульной команды [14, л. 97]. С целью уничтожения авиации противника в городе и окрестностях были обустроены три артиллерийские позиции с девятью орудиями, а также три пулеметные позиции, в том числе в непосредственной близости от резиденции Николая II (на здании губернского правления и на здании окружного суда [14, л. 97 об.]. С воздуха Ставку защищал специальный авиационный дивизион [15, с. 35].

Участок железной дороги, где стоял царский поезд, охраняли посты жандармов, подчинявшихся лично начальнику императорской дворцовой охраны А.И. Спиридовичу. Сам поезд охраняли и сопровождали военнослужащие батальона Собственного Его Императорского Величества 1-го железнодорожного полка, командиром которого являлся генерал-майор С.А. Цебель [2, с. 84]. Комендантом царского поезда был начальник дворцовой полиции полковник Б.А. Герарди, который размещался в служебном вагоне вместе с начальником императорских поездов инженером М.С. Ежовым [13, с. 39].

Первый раз Николай II приехал в Могилев 23 августа 1915 г. и пробыл в городе месяц, уехав только 22 сентября. Второй раз он приехал уже с сыном Алексеем 3 октября и находился в Ставке 9 дней. Всего же в 1915 г. царь прожил в Могилеве 71 день. В 1916 г. город на Днепре стал, по сути, основным местом пребывания императора: он пробыл в городе 269 дней (73% всего года). Самый долгий период отсутствия императора в Ставке приходится на период после убийства Г.Е. Распутина: с 18 декабря 1916 г. Николай II не появлялся в Могилеве более двух месяцев. В общей сложности с августа 1915 г. по март 1917 г. царь находился в Ставке 350 дней, т. е. фактически большую часть времени [10, с. 138].

Как правило, император придерживался довольно строгого распорядка дня. Около 10 ч. утра Николай II отправлялся в Управление генерал-квартирмейстера, где заслушивал доклад М.В. Алексеева о текущей обстановке. Затем царь возвращался к себе и принимал министров и других чиновников, приезжавших из Санкт-Петербурга. Обычно после 12 ч. начинался завтрак, на который по очереди приглашались все чины Ставки и приезжавшие с докладами лица, а также иностранные представители. Завтраки состояли из

двух простых блюд, на отдельном столике у балкона подавалась водка и закуска. Присутствовало 20 – 25 человек. Закончив трапезу, все переходили в гостиную, где царь беседовал с гостями около 15 – 20 мин. После этого Николай II чаще всего отправлялся на прогулку по окрестностям Могилева. «Часто гуляя в окрестностях города, Государь встречался с крестьянами» – вспоминала М. Белевская. – «Он расспрашивал их об их жизни и интересовался всякими мелочами. Но никогда никто из крестьян, во время таких случайных встреч с Государем, не обращался к нему с какой-нибудь просьбой». Обед для царя накрывали в 6 ч. вечера. По свидетельству А.Д. Бубнова: «К обеду за царский стол изредка приглашались отдельные чины Ставки по указанию самого Государя; эти приглашения считались знаком особого внимания; за стол в обед садилось всего человек 10–12. Вечером император разбирал бумаги, иногда работая допоздна. Затем, перед сном, он играл с другими жильцами губернаторского дома в кости или домино» [10, с. 138].

Рабочий день управлений Ставки начинался в 8 ч. утра и продолжался до 10–11 ч. вечера. Как и царь, служащие начинали завтракать в 12 ч. дня. Завтраки проходили в 2–3 смены в штабном собрании, которое размещалось в кафешантан гостиницы «Бристоль». Там же после 19 ч. накрывали обед. А.Д. Бубнов вспоминал: «Сидели мы за маленькими столиками, по управлениям, а в глубине зала был большой стол, за которым сидели начальник штаба, начальники управлений Ставки и приезжающие должностные лица…» Кормили сытно. М.К. Лемке 26 сентября 1915 г. в своем дневнике оставил запись об одной из таких трапез: «Сегодня, например, давали кулебяку с рыбой и капустой, ростбиф с салатом и огурцами, кофе, чай, молоко, виноград. Легкое вино за особую плату. Водки нет». Семейные офицеры и чиновники обедали дома. Посетители штабного собрания в свободное время могли также сыграть в бильярд либо воспользоваться услугами читальни [10, с. 139].

Вечером в зале могилевского театра устраивались киносеансы, на которых один-два раза в неделю присутствовал и царь. Появление Николая II в театре сопровождалось музыкой Преображенского марша, все стояли, пока император поднимался в губернаторскую ложу. Места в эти дни были расписаны между служащими и гостями Ставки, посторонние не допускались. В ложах рассаживались члены иностранных миссий, свиты царя, жены офицеров и чиновников, остальные – в партере [10, с. 139].

Постоянными участниками круга общения императора в Могилеве, по воспоминаниям А.Д. Бубнова, были В.Н. Воейков, флаг-капитан, адмирал К.Д. Нилов и Н.П. Саблин. «Эти три лица постоянно и повсюду сопровождали Государя, принимали участие в его личной жизни и по вечерам составляли ему партию в домино, в которое он любил играть», – свидетельствовал Бубнов. На особом положении в Ставке с марта 1916 г. находился генерал Н.И. Иванов, бывший командующий Юго-Западным фронтом, назначенный состоять при особе Николая II. Бубнов так описывал его занятость: «Жил он в своем вагоне на станции в полном безделии, и главная его обязанность состояла в том, чтобы есть за царским столом» [10, с. 139].

Пребывание царя в Могилеве существенно повлияло на городскую жизнь. М. Белевская так описывала свои впечатления того времени: «При Николае Николаевиче Ставка была военным лагерем, деловым и строгим, с первых же дней приезда Государя она потеряла этот облик. Сразу все изменилось. Приехала оперетка, которой не было при Николае Николаевиче, театр был до отказа набит дамами и ставочными офицерами… открылся новоявленный ресторан в особняке высланного немца пивовара Яника. Приехали великие князья, которых раньше не было, а если и были, то незаметно работали в штабе. Теперь на улицах Могилева то и дело можно было видеть Царицу, наследника, князей: Дмитрия Павловича, Бориса Владимировича и других лиц Царского Дома и свиты. Место Ставки, – Могилев приобрел вид резиденции царской семьи, и война отходила на второй план, забывалась» [1, с. 15].

При личном участии императора в городе проводились важные мероприятия: георгиевский праздник 26 октября 1915 г., празднования Крещения 6 января 1916 г. и дня рождения Николая II 6 мая 1916 г.

Георгиевский праздник был организован для отличившихся военных – кавалеров ордена Святого Георгия. В 10 ч. утра на площади перед домом губернатора построились офицеры – георгиевские кавалеры по одному от корпуса и подпрапорщики по два от каждого корпуса, Георгиевский батальон, взводы от Сводного конвоя Его Императорского Величества, гвардейского жандармского эскадрона и полиции. В присутствии царя состоялся молебен и церемониальный марш. С 12 ч. дня для нижних чинов гарнизона Ставки был организован обед в здании окружного суда, а в 12.30 – завтрак для георгиевских кавалеров в здании городской думы, располагавшемся напротив

губернаторского дома. С каждым из приглашенных на завтрак Николай II поговорил лично [10, с. 140].

Праздник Крещения император следующим образом описал в своем дневнике: «После чая отправился к архиерейской службе, откуда крестный ход спустился к Днепру… Все части гарнизона стояли шпалерами, батарея произвела салют в 101 выстрел и аэропланы летали над головами…» [6].

В свой день рождения Николай II начал принимать поздравления от жильцов и обслуги губернаторского дома еще до утреннего чая. Затем император встретился со своей супругой и детьми, которые находились в это время в Ставке, но жили в поезде, и отбыл обедню в соборе. После возвращения в свою резиденцию царь принимал поздравления от офицеров штаба, управлений Ставки и гражданских чиновников. Затем, как обычно, он заслушал доклад М.В. Алексеева о текущей оперативной обстановке. Закончив завтрак, царь ответил на поздравительные телеграммы и отправился к семье на станцию. По случаю дня рождения Николай II даровал Собственному Его Величества железнодорожному полку права гвардии. Вместе с семьей император совершил прогулку по лесу, окружавшему пути, на которых стоял царский поезд. В 18 ч. состоялся киносеанс в театре, затем – обед, после которого Николай II переехал в поезд. На следующий день император с семьей отправился на юг, оставив Ставку на 11 дней [10, с. 141].

Вернувшись в Могилев, император вместе с сыном Алексеем задержался в городе на пять месяцев. М. Белевская вспоминала о пребывании наследника престола в Ставке: «Он с любопытством вертелся сидя в автомобиле рядом со своим отцом, читал вывески и улыбался прохожим. Это было дитя, вырвавшееся из скучной дворцовой обстановки и имеющее возможность наблюдать подлинную жизнь. Для него устраивались игры с могилевскими детьми то на Валу (городской сад. – Д.Л.), то где ни будь в лесу около города и играть с ним могли все дети без различая национальности и положения родителей» [1, с. 17]. 30 июля 1916 г. в Могилеве отметили 12-летие Алексея Николаевича.

Во время посещения Ставки императрица Александра Федоровна, совершив несколько загородных прогулок, прониклась красотой местной природы и задумалась о приобретении имения в Могилевской губернии. Дочери Николая II свободно гуляли по городу и совершали покупки в магазинах. Чаще всего они бывали в галантерейном магазине М. Бернштейн

[10, с. 141]. М. Белевская свидетельствовала: «Такой страшный сумбур был в этой лавочке… Цены запрашивались феерические. Приказчицы знали психологию могилевских покупательниц и ломили втридорога. Они знали, что какую бы цену не назначить все равно придется торговаться до четвертого пота и уступить 50 процентов с назначенной цены. Новые покупательницы, молоденькие и скромные, их поразили. Они не только не торговались, но просто просили завернуть им их покупки, не спрашивая о цене. Княжнам, как и обыкновенным смертным, для чего-то нужны были пуговицы, нитки и ленты. Должно быть, им просто нравилась самая процедура закупок, которой они были лишены в Царском и Петербурге. Радостные и оживленные выскакивали они из магазина, весело щебеча и неся пакетики с покупками» [1, с. 20, 21]. При этом современники событий, писали о скромной одежде царских дочерей, которые не стремились выделиться своим особым положением. Царская семья регулярно посещала церковные службы. По воспоминаниям М. Белевской, «там пел прекрасный хор из мобилизованных певцов и этот хор мог смело состязаться с любым митрополичьим хором. Государь был любителем церковного пения и имел излюбленные песнопения, которые в его присутствии и исполнялись» [1, с. 22].

Во время пребывания Николая II в Ставке в Могилеве проводились заседания Совета министров и принимались важные зарубежные делегации. Так, 28 июня 1916 г. в городе на Днепре состоялось заседание Совета министров, 1 сентября того же года прием эмира Бухары, а 11 сентября – японского принца Котохито Канъина. Находясь в Ставке, 9 ноября 1916 г. император принял решение о об отставке председателя Совета министров Б.В. Штюрмера и назначении на его пост министра путей сообщений А.Ф. Трепова [6; 10, с. 142].

23 февраля 1917 г. Николай II прибыл в Могилев в качестве Верховного главнокомандующего последний раз. Царь был один, так как Алексей Николаевич заболел и остался в Царском Селе. Настроение у императора было плохое. Он записал в дневнике: «Приехал в Могилев в 3 ч. Был встречен генералом Алексеевым и штабом. Провел час времени с ними. Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай» [6]. Первые сведения о рабочих волнениях в Петрограде начали поступать в Ставку уже на следующий день [3, с. 261]. Спустя два дня, 26 февраля, в Могилев пришла телеграмма от председателя

Государственной думы М.В. Родзянко, в которой он просил императора немедленно даровать «правительство доверия», чтобы успокоить народные волнения. С просьбой о поддержке Родзянко тогда же обратился и к высшему командному составу действующей армии – М.В. Алексееву и командующим Северным, Западным и Юго-Западным фронтами – генералам Н.В. Рузскому, А.Е. Эверту и А.А. Брусилову. Идею создания «правительства доверия» поддержали Н.В. Рузский и А.А. Брусилов [16, с. 111]. Сам Николай II отвечать председателю Государственной думы не стал. М. Белевская, описывая ситуацию в Могилеве в эти дни, вспоминала, что в Ставке петроградские события всерьез не воспринимали. Днем 27 февраля 1917 г., когда в столице вспыхнуло восстание, на ее вопрос о беспорядках начальник ставочной контрразведки ответил: «Повесим два, три десятка и все будет спокойно» [1, с. 29].

Вечером того же дня по прямому проводу с Николаем II связался великий князь Михаил Александрович, младший брат царя, находившийся в Петрограде и видевший, что происходило в столице. Он, так же, как и М.В. Родзянко, попросил Николая II даровать «министерство доверия». Позже телеграмму с аналогичным предложением императору отправили выборные члены Государственного совета. Понимание того, что происходит в Петрограде, в Ставке стало приходить после получения телеграммы от председателя Совета министров Н.Д. Голицына, преемника А.Ф. Трепова, который попросил об отставке. Характерно, что уже в тот момент в среде высшего генералитета в Ставке предложения из Петрограда находили понимание и пользовались симпатией. Так, А.С. Лукомский сказал М.В. Алексееву, что лучше принять предложение великого князя Михаила Александровича [12, с. 18].

Николай II на давление не поддался и решил попытаться подавить восстание в Петрограде силой. Он не только не принял отставку Н.Д. Голицына, но наделил председателя Совета министров временными диктаторскими полномочиями для наведения порядка в столице. Также царь распорядился послать в Петроград карательную экспедицию под командованием генерала Н.И. Иванова, сняв для этого воинские части с фронта. Сам Николай II рано утром 28 февраля выехал в Царское Село, но проехать туда не смог.

По распоряжению комиссара Временного комитета Государственной думы Б.А. Энгельгардта, помещика Могилевской губернии, прямая связь

между Петроградом и Ставкой была прервана в 11 ч. утра 1 марта 1917 г. [3, с. 270]. В тот же день царь прибыл в Псков, где располагался штаб Северного фронта. К этому времени М.В. Алексеев и генералитет Ставки склонились к мысли о необходимости уступок революционным властям в Петрограде. Вечером В.М. Пронин по поручению А.С. Лукомского направился в редакцию газеты «Могилевские ведомости», чтобы добыть образец царского манифеста. Используя полученный образец, М.В. Алексеев, А.С. Лукомский, Н.А. Базили и великий князь Сергей Михайлович, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем, составили манифест о даровании ответственного перед законодательными палатами правительства и отправили его для подписания Николаю II в Псков. Ответа от царя не последовало [9, с. 95].

Большинство представителей высшего командного состава армии оказалось готово признать произошедший в Петрограде переворот и Временный комитет Государственной думы во главе с М.В. Родзянко. Между последним и командующим Северным фронтом генералом Н.В. Рузским ночью 2 марта 1917 г. состоялся продолжительный разговор по прямому проводу. Председатель Государственной думы высказался за немедленное отречение Николая II в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича [15, с. 252]. Содержание беседы Н.В. Рузский передал в Ставку. Генерал М.В. Алексеев, в свою очередь, отправил телеграммы командующим фронтами, в которых обрисовал ситуацию в Петрограде и предложил высказать свое мнение по поводу необходимости отречения Николая II. При этом сам Алексеев сообщил, что он выступает за отречение. Его мнение поддержали командующие фронтами. В 14 ч. 30 мин. 2 марта начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего передал полученные им ответы в Псков. Выслушав телеграмму, Николай II решил отречься в пользу сына [5, с. 232]. Текст манифеста об отречении по поручению М.В. Алексеева был составлен А.С. Лукомским и Н.А. Базили и отослан в Псков [12, с. 10, 11]. Ночью 3 марта в Могилеве была получена информация о том, что Николай II решил отречься в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича [3, с. 280]. Последний, после некоторых колебаний и совещания с представителями Временного комитета Государственной думы и Временного правительства, как известно, отказался вступать на престол.

Из Пскова Николай II вернулся в Ставку утром 3 марта 1917 г. На следующий день на здании городской думы появилось два красных флага, которые отрекшийся император мог видеть из окон своей резиденции. При этом Николай II продолжал ходить на доклад к М.В. Алексееву. В Могилеве он встретился со своей матерью Марией Федоровной, приехавшей из Киева. 8 марта в управлении дежурного генерала бывший император простился со служащими Ставки и навсегда покинул Могилев [10, с. 144].

Таким образом, архивные источники и материалы личного происхождения позволяют реконструировать работу Ставки Верховного Главнокомандующего и осветить основные аспекты жизни Николая II в Могилеве.

Литература:

1. Белевская М. (Летягина). Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918 г. Личные воспоминания. Вильно: Тип. Я. Левина, 1932. 48 с.
2. Борисенко Н.С. Эхо «Великой войны» в Восточной Беларуси (1914–1918). Могилев: ИА «Могилевские ведомости», 2015. 244 с.
3. Бубнов А.Д., Пронин В.М. В Ставке Верховного Главнокомандующего М.: Вече, 2014. 320 с.
4. Власов, А.А. Воспоминания о Могилеве / А.А. Власов // Русский путь [URL] http://www.rp-net.ru/book/archival_materials/vlasov.php (дата обращения: 11.10.2023).
5. Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Великом Князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. В 22 т. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 19. С.212–242.
6. Дневники императора Николая II / общ. ред и предисл. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. 736 с.
7. Друцкой-Соколинский, В.А. На службе отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.) Орел: РКФ «3 июля»; РИГ «Невероятный мир», 1994. 405 с.
8. Дубенский Д.Н. Революция, или Как произошёл переворот в России / авт.-сост. В.М. Хрусталев. М.: Издательство АСТ, 2017. 432 с.
9. Лавринович Д.С. Николай II в могилевской Ставке (август 1915 – март 1917 г.): политика и повседневность // Часопіс Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Гісторыя. 2018. № 4. С. 90–97.
10. Лавринович Д.С. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве в 1915 – марте 1917 г. по воспоминаниям и дневникам современников событий // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / Отв. ред. И.Н. Новикова СПб.: Издательство РХГА, 2017. С. 133–146.

11. Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916) Петербург: Госиздат, 1920. 859 с.

12. Лукомский, А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Т. 2. М., 1991. С.14–44.

13. Мордвинов, А.А. Из пережитого: Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. В 2 т. Т. 2. / вступ. ст., коммент. О.И. Барковец. М.: Кучково поле, 2014. 720 с.

14. Об охране в Могилеве // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 279.

15. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / вступ. ст. Л. Китаева, М. Кольцова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 336 с.

16. Февральская революция 1917 года: Сб. документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова; отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. 353 с.

17. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 5. Мінск: БелЭн, 1999. 592 с.

D.S. Lavrinovich

Mogilev State A. Kuleshov University

Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief in Mogilev under Nicholas II (August 1915 – March 1917): based on archival materials, memoirs and diaries of contemporaries of the events

Key words: First World War; Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief; Mogilev; Nicholas II; everyday life; domestic policy; revolution.

In the article, based on the study of memoirs and diaries of the officers of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters and the residents of Mogilev, features of the functioning of the highest military power in Russia are revealed. Sources made it possible to get an idea of the location, staffing, the schedule of work of various subunits of the General Headquarters, the way of life of its highest ranks, to show Nicholas II as Supreme Commander-in-Chief, his relationship with the army elite, pastime in the General Headquarters, actions in critical for the monarchy days in February- March 1917.

Ю.А. Борисенок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

УДК 93/94

Особенности исследовательских подходов к белорусской проблематике первой половины XX века в современной польской и российской исторической науке

Ключевые слова: *историография; история Беларуси; Ю. Прухник; С. Лотыш; А.А. Иоффе; А.Ю. Ватлин; Л.В. Ланник.*

В статье анализируются важные для углубления исследований белорусской проблематики публикации 2022–2023 гг., посвященные ситуации на Полесье в межвоенный период и специфике тактики советской дипломатии на белорусском направлении.

В опубликованных в 2022–2023 гг. исторических трудах, названия которых не указывают однозначно на их строгую обращенность к белорусской истории, находим ряд новых интересных трактовок, важных для дальнейшей исследовательской разработки отдельных сюжетов белорусского проблемного поля первой половины XX в.

В 2022 г. известный польский историк науки и техники Славомир Лотыш (род. 1970) издал во многом нетипичную и новаторскую для исследований о Полесье вообще и польских работ в частности на эту тему монографию «Пинские болота. Природа, знание и политика на польском Полесье до 1945 года» [11]. Книга уроженца Зеленой Гуры, имеющего высшее архитектурное образование и две ученые степени в области гуманитарных наук за диссертации по истории изобретательства, написана живым языком, имеет продуманную внутреннюю структуру и добилась успеха у профильной читательской аудитории: в 2023 г. краковское издательство «Университас» выпустило и второе издание монографии в мягкой обложке.

На написание книги у Лотыша ушло семь лет, за это время удалось создать добротное, разнообразное и основанное на богатом архивном материале исследование о полесских реалиях межвоенного периода. Монография стала итогом напряженных трудов автора в архивах и библиотеках Польши, а также Бреста, Риги, Берлина, Праги, Парижа, Рима, Лондона, Нью-Йорка и Вашингтона.

Важно, что политика властей II Речи Посполитой в регионе, достаточно интенсивно изучаемая польскими историками с 1990-х гг., в том числе на белорусском материале в работах В. Сьлешинского, П. Цихорацкого, А. Энгелькинг, П. Абламского [12; 7; 8; 6] и др., в изображении Лотыша органично сочетается с другими сюжетами полесской жизни. При этом внимание польского историка науки и техники сконцентрировано на проблемах межвоенного Полесья в плане экологии и окружающей среды. Одна из ключевых линий повествования прослеживает обстоятельства появления и причины краха польских межвоенных проектов мелиорации на Полесье. Мелиорация, масштабно проведенная на Полесье в послевоенный советский период, в годы, когда парторганизацией БССР, руководил П.М. Машеров, в польских условиях 1920–1930-х гг. лишь масштабно обсуждалась. В книге Лотыша в качестве одной из иллюстраций есть рисунок краковского карикатуриста межвоенного периода: в радостном возбуждении сидят различные толстые чиновники, осушают множество бутылок. Заголовок к этому жертвоприношению Бахусу гласит: «Осушение Полесья». Карикатура весьма метко иллюстрирует итог всех обсуждений.

Эффект от этой едкой сатирической картинки будет еще больше, если озвучить важнейший из вопросов, который поставил польский автор в начале своего исследования: «Почему эту модернизационную инвестицию, которую порой называли второй после Гдыни страстью поляков, даже не начали?» [11, s. 5]. Строительство современного морского порта в Гдыне стало важнейшим экономическим успехом межвоенной Польши: уже к 1929 г. гавань обогнала по грузообороту соседний «вольный город» Данциг (Гданьск). «Вторая Гдыня» даже в условиях начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса Польше однозначно пригодилась бы, тем более на населенных белорусами и украинцами окраинах государства, где иные проекты модернизации были в ближайшей перспективе вряд ли возможны.

Ответы историка на вопрос о том, почему рухнул, не начавшись, мелиоративный модернизационный замысел, получились развернутыми и основательными. Лотыш справедливо отмечает, что у полесских проектов мелиорации изначально были серьезные противники в лице армии и других силовых структур Польши. Военные и пограничники в большинстве своем выступали против осушения громадных пинских и прочих полесских болот, а также вырубки местных лесов: болота и леса были естественным оборонным рубежом в случае появления здесь Красной армии [11, s. 297–339]. Правительство в Варшаве временами упоминало о пользе мелиорации для ускоренной полонизации и ассимиляции «тутэйших», как официальные власти предпочитали называть местных жителей, которых не хотели официально причислять ни к белорусам, ни к украинцам, искусственно занижая численность тех и других в переписях населения. Но, симпатизируя проектам мелиорации на словах и признавая необходимость покончить с такими порождениями полесской экосистемы, как широкое распространение малярии [11, s. 67–76] и подмеченный еще Н.А. Некрасовым «колтун в волосах», встречавшийся на Полесье и в межвоенный период [11, s. 84–88], польское правительство ограничилось лишь подготовкой к мелиорации Полесья. На большее ни у государства, ни у местного самоуправления, ни у частных структур финансовых ресурсов попросту не было.

Была же удушающая те небольшие усилия по мелиорации, на которые средств хватало, бюрократия: за мелиоративные проекты одновременно отвечало не менее пяти польских ведомств, создававших, по словам Лотыша, «министерскую карусель». При этом за мелиорацию почти единодушно выступало польское общественное мнение: городским умникам, в большинстве своем в пинских болотах не бывавшим, осушение непролазных топей казалось важным условием колонизации «восточных кресов».

Лотыш подробно, на обширном архивном материале исследует деятельность созданного в 1928 г. с резиденцией в Бресте бюро проекта мелиорации Полесья во главе с левым политиком Юзефом Прухником (1873–1951). Вывод автора монографии однозначен: хотели как лучше, а получилось как всегда». Уже в 1933 г. деятельность бюро была заметно ограничена, а в 1937 г. она была окончательно свернута. Даже стать координирующей структурой для мелиоративных проектов у бюро не получилось, ибо ему так и не выделили ни необходимого административного

ресурса, ни сколько-нибудь достойного финансирования. Вместо того чтобы проектировать «вторую Гдыню», бюро добросоветсно занималось всего лишь предварительными научными исследованиями Полесья, пыталось осуществить небольшие начальные планы, но не более того.

Польский историк науки и техники справедливо отмечает, что власти межвоенной II Речи Посполитой в своей политике были крайне далеки от проблем экологии и отказались от замыслов масштабного осушения полесских болот не из любви к окружающей среде. Причина – беспорядочная организация подступов к мелиорации и нерешительность самих организаторов [11, s. 400]. Добавим, что беспорядочность и нерешительность в данном случае не отрицают наличие профессиональных навыков у того же Ю. Прухника, который был самым крупным в Польше специалистом по мелиорации. Кстати, белорусский рецензент книги А. Белый, который в 2022 г. эмигрировал в Израиль, перепутал двух известных в межвоенный период Прухников, Юзефа и Адама (1892–1942), историка и социалиста из партии ППС. Белый не только отправил Юзефа Прухника в ряды ППС, но и заявил, что тот «вряд ли обладал необходимым набором компетенций для управления таким сложным проектом» [1]. Таких компетенций никогда не было у Адама Прухника, но Юзеф Прухник еще в 1901 г. окончил политехнический институт во Львове именно как инженер-мелиоратор, интенсивно работал по специальности в Австро-Венгрии, а затем и в межвоенной Польше. По политическим взглядам он был не социалистом, а людовцем, входил в руководство партии ПСЛ и в этом качестве в 1918–1919 гг. стал министром общественных работ в правительствах Е. Морачевского и И. Падеревского. В 1930-е гг., уже руководя бюро проекта мелиорации Полесья, он сблизился с коммунистами, в 1933 г. был арестован и содержался в Виленской тюрьме (этот инцидент повлиял и на судьбу брестского бюро), но вплоть до начала Второй мировой войны он работал в министерстве сельского хозяйства и аграрных реформ директором по мелиорации [9, s. 574–576].

Таким образом, полесским проектом «второй Гдыни» руководил самый компетентный специалист в этой области в межвоенной Польше, в рамках присущей ему «нерешительности» он колесил по свету, изучая технологии мелиорации в Нидерландах и Палестине, СССР и Швеции, Германии и Финляндии. До практики в Польше не дошло прежде всего по причине отсутствия необходимых финансов. Вывод Лотыша о том, что отказ от

межвоенных проектов дал польской науке достаточно времени, чтобы убедиться в «сомнительных перспективах массовой мелиорации» [11, s. 295], выглядит откровенно предвзятым, как и вся совокупность его взглядов на процессы мелиорации в БССР, проникнутая радикальным антисоветизмом и сводящаяся к тому, что массовая мелиорация якобы обернулась сплошной экологической катастрофой.

В начале книги мы узнаем, что корни этого антисоветизма берут свое начало в семье Лотыша. Автор рассказывает о своей бабушке, по матери Янине, «из польской семьи, многие поколения которой населяли Березу-Картузскую», и о деде Серафиме, «полешуке, предки которого жили там еще дольше» [11, s. 5]. Назвать почти наверняка православного деда по матери белорусом у Лотыша не хватило духу, хотя корни у предка были на белорусском Полесье. Правда, в статье 2022 г., посвященной снятому польским режиссером Максимилианом Эммером в 1936 г. документальному фильму о Полесье, историк по сути признается в том, что полесские земли населяли не поляки [10, s. 114].

Характерно и такое высказывание Лотыша о своих предках: «Когда я… узнавал мнения межвоенных исследователей Полесья о его якобы отсталых, не способных совладать с окружающей средой жителях, то я думал о Серафиме, везущем зимой сено по замерзшей пойме Ясельды и о Янке, купающейся летом в этой реке; помню, как спустя годы она рассказывала, какая чистая была там вода» [11, s. 5]. А из статьи 2022 г. того же автора мы узнаем, что бытовая отсталость в 1930-х гг. в находившемся под властью Варшавы Полесье была, что называется, медицинским фактом: «Гигиенические условия, царившие в типичной деревенской хате на Полесье, действительно не принадлежали к наилучшим. На это обращали внимание также и врачи. В июле 1934 г. эпидемиолог Полесского воеводства Альфред Дыдек апеллировал к властям издать административное распоряжение о проветривании хат. Как он отмечал во время инспекции, устроенной после начала эпидемии тифа, в большинстве проверенных домов окна нельзя было попросту открыть. В результате в однокомнатных халупах, населенных нередко более чем десятком человек и притом вместе с живым инвентарем, царила постоянная духота. Усиливал ее обычай спать в одежде. Дыдек хотел жечь старые кровати и дезинфицировать халупы цианидом натрия вместо малоэффективной серы. Все это затем, чтобы избавиться от вездесущих паразитов» [10, s. 118].

Наконец, временем отъезда своих предков в послевоенную Польшу Лотыш объясняет продление до 1945 г. хронологических рамок повествования о «польском Полесье». Здесь налицо его несогласие с итогами Второй мировой войны: «Когда я узнавал планы насчет Полесья, начертанные в Варшаве, Москве, Берлине, Лондоне, а в конце концов в Ялте, то у меня перед глазами были двое молодых людей с неопределенной судьбой, единственной мечтой которых было вести спокойную жизнь на своей реке. События 1939–1945 гг. разрушили не только большие планы польских политиков, генералов и инженеров, но также и маленькие планы моих бабушки и дедушки» [11, s. 5].

Сентиментальные сентенции подобного рода по-человечески понятны, но от них совсем недалеко до «больших планов» возвращения под польский контроль Березы, которая давно уже не Картузская, и по-прежнему чистой речки Ясельды. В действительности «польское Полесье» навсегда закончилось еще в сентябре 1939 г.; добавить к исследованию здесь можно разве что несбывшиеся планы Польши по колонизации и экономическому освоению полесских территорий. И все же, несмотря на привкус геополитической ностальгии, обстоятельная монография Славомира Лотыша безусловно вносит важный вклад в научное изучение процессов на межвоенном Полесье.

***

Заметным событием в углублении представлений историков о ранней истории советской дипломатии стал подготовленный известными российскими германистами Александром Ватлиным и Леонтием Ланником и увидевший свет в 2023 г. в издательстве «Политическая энциклопедия» объемный сборник документов «Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы» [2]. Это публикация занимает важное место в современной исторической науке: разнообразная по содержанию, насыщенная существенной и значимой для исследователей, в том числе косвенно связанных с советско-германскими отношениями в одном, отдельно взятом 1918 г., снабженная обширным вступительным разделом и обстоятельными научными комментариями к каждому из 182 публикуемых документов. Многие из них содержат ценные сведения о взглядах большевистских верхов на геополитические перемены на пространстве бывшей Российской империи в условиях, возникших после Брестского мира, отягощенных началом активной фазы Гражданской войны в России, а затем и поражением Центральных держав во главе с Германией в

Первой мировой войне. Нашлось место в сборнике и для документов, позволяющих глубже проанализировать ситуацию на белорусском и польском направлениях.

Свою берлинскую миссию А.А. Иоффе предельно четко изложил в письме В.И. Ленину и Г.В. Чичерину от 28 октября 1918 г.: «Помимо революционной работы необходимо еще и дипломатничать» [2, с. 535]. Революционная работа у ближайшего соратника Л.Д. Троцкого, как представляется, всегда была на первом месте, но сборник, посвященный по преимуществу его «дипломатничанью», наводит на целый ряд интересных размышлений. Не ставя под сомнение нацеленность победившей советской власти на мировую революцию, способную начаться на руинах мировой войны, стоит отметить, что Иоффе в общем и целом не был чужд идеям интеграции в Советскую Россию утраченных территорий Российской империи до и после заключения Бресткого мира.

Как справедливо отмечено в предисловии к сборнику, Иоффе в своей дипломатической работе часто руководствовался свойственной ему интуицией. Она иногда позволяла ему давать меткие оценки происходящего. Яркий пример тому – реакция полпреда в Берлине на развал Австро-Венгрии и создания на ее месте с конца октября 1918 г. новых государственных образований: Чехословакии, «немецко-австрийского государства» и др. В письме Г.В. Чичерину от 31 октября 1918 г. Иоффе выразился так: «Просто нельзя рассчитать, с чем завтра выступят эти конфузионные образования. Например, чехословацкое правительство может выступить в самом ярком черносотенном антантовском духе, и может также выступить с антиимпериалистическими и даже революционными склонностями» [2, с. 549–550]. Публикаторы поясняют, что конфузионные образования – это «еще не обладающие сколько-нибудь оформленными границами и статусом даже в собственных глазах» [2, с. 550]. Это интересная интерпретация, но стоит вспомнить и полученное Иоффе в Вене медицинское образование. Во врачебной терминологии имеется понятие «конфузионное пробуждение», означающее состояние, при котором какое-то время после внезапного пробуждения человек (чаще всего это состояние встречается у детей) остается дезориентированным и может вести себя неадекватно.

Представляется, что эпитет «конфузионный» весьма точно характеризует как процесс формирования (состоявшийся или незавершенный) новых

государств в Восточной Европе осенью 1918 г., так и процессы сходного порядка на пространстве бывшей Российской империи, имевшие место с 1917 г. Диагноз, поставленный Иоффе, стоит признать более адекватным, нежели хлесткие определения наркома Чичерина, обнаружившего в Закавказье «шутовские республики» и «политиканствование с теми или иными народцами» [2, с. 453]. По мнению главы официальной советской дипломатии, «относительно шутовских республик директивы не нужны, ибо эти республики для нас не существуют, и поэтому отношение к ним не входит в нашу программу» [2, с. 443]. Несмотря на все разногласия с Чичериным, ярко и подробно представленные в сборнике документов, этот подход был характерен и для дипломатических взглядов Иоффе. Он ярко проявился и в его деятельности по упорядочению белорусской и литовской советской государственности в первые месяцы 1919 г., и в его тактике на переговорах с Польшей в Риге в конце 1920 – начале 1921 гг. (информацию об этой стороне его работы публикаторы в предисловии поместили в главу «Закат дипломатической карьеры Иоффе» [2, с. 84], что представляется по крайней мере очень спорным утверждением). В дальнейших исследованиях на тему формирующихся государств эту информацию, несомненно, стоит учесть.

Настроения полпреда в Берлине, как показывают документы сборника, могли существенно меняться в зависимости от перемены политической ситуации. Но заветные мысли Иоффе заключались в послевоенном единении бывших территорий империи Романовых, и в первую очередь России и Украины. В добавлении от 19 сентября 1918 г. к политическому докладу № 12 Ленину и Чичерину он сообщал, что в своих контактах с кайзеровскими дипломатами не исключал даже перспективы советской военной поддержки Германии в обмен на ликвидацию гетманской державы П.П. Скоропадского и объединение украинской территории с Советской Россией: «Право, союз с Германией был бы выгоднее, ибо тогда они (немцы – *Ю. Б.*) рассчитывали бы, что в конце мы все же дадим наших солдат и были бы сговорчивее. Я их маню этим, но за Украину». Правда, Иоффе честно признается, что в Берлине «считаются только с силой, а у нас силы никакой нет» [2, с. 436].

Впрочем, успехов на этом направлении полпред Иоффе не достиг, хотя уговоры кайзеровских властей велись им весьма изобретательно – характерно предложение бесплатно передать по просьбе Вильгельма II коллекцию картин Рембрандта, захваченную еще Наполеоном в картинной галерее в Касселе и

купленную затем Александром I у Евгения Богарне (любопытна и аргументация в духе эпохи – «эти картины были достоянием германского народа, и вывоз их Наполеоном был простым разбоем, а покупка Александром – скупкой краденого» [2, с. 394–395]). Более того, в политическом докладе № 21 Ленину и Чичерину от 21 октября 1918 г. Иоффе отразил позицию проигрывающей войну Германии: «Украина самостоятельное нейтральное государство», при этом немцы предупреждали, что «в случае нашего нападения германские войска должны будут защищать украинскую землю». Но при этом немцы обещают, что «Украину не допустят до нападения на нас» [2, с. 523].

Но линия будущего поведения в случае накопления сил была очерчена Иоффе вполне определенно. В политическом докладе № 16 от 21 июля 1918 г., составленном более чем за месяц до добавочного договора к Брестскому миру от 27 августа, читаем даже о видах Иоффе на земли бывшего Царства Польского, оккупированного Центральными державами еще в 1915 г. и провозглашенного в ноябре 1916 г. марионеточным Королевством Польским: «Германия ничего сильнее не желает, чем союза с нами. Германия за этот союз отдала бы нам все, кроме прибалтийских губерний, и согласилась бы даже на русско-германско-австрийский протекторат над Польшей» [2, с. 273]. Похоронил эти планы опубликованный 5 сентября 1918 г. в «Известиях ВЦИК» декрет Совнаркома РСФСР «Об отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами: Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксен-Мейнингена и города Любека». Статья 3 этого декрета гласила: «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, в виду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, – отменяются настоящим бесповоротно» [4].

К польской проблематике, которой ему затем плотно придется заниматься в Риге, полпред в документах сборника обращается редко. А вот идеи буферной государственности ему близки. Их пользу впервые, как следует из воспоминаний академика М.Н. Покровского, озвучил в феврале 1918 г. на переговорах в Бресте Л.Д. Троцкий: «Тут и произошел эпизод, ради которого стоит обо всем этом писать: когда литовский представитель Мицкявичус-

Капсукас горячо возопил против операции, проводимой Альтфатером над его родиной, Троцкий заявил, что для Литвы даже выгоднее быть разрезанной, ибо тогда русская половина станет революционным очагом для немецкой». [5, с. 158]. В добавлении от 19 сентября 1918 г. к политическому докладу № 12 Иоффе жестко комментирует ситуацию в Закавказье, ссылаясь и на опыт Берлина: «Если бы мы могли бить турок, то надо было бы их выбивать, не считаясь с отношением Германии к этому (до Брестских границ ведь они нам разрешают выбивать турок), но если у нас этой возможности нет и нет возможности удержать в пределах России все эти вновь испеченные кавказские республики, то надо привязать их к себе, надо создавать на Востоке то, что Германия сделала на Западе, то есть надо попробовать создать буферные государства против Турции, чтобы они потом вошли в состав Российской Федерации» [2, с. 436].

Впоследствии именно эту тактику Иоффе использовал в Риге на переговорах с Польшей. Как известно, та же линия «разрезания» во благо «революционного очага» была в 1920-х гг. реализована И.В. Сталиным и его соратниками с привлечением приоритетных проектов советской белорусизации и советской украинизации [3, с. 100–104].

Солидную документальную публикацию по германскому периоду дипломатической карьеры А.А. Иоффе внешне мало что связывает с монографией С. Лотыша о межвоенном «польском Полесье», но обе книги безусловно объединяет и несомненный профессионализм работавших над ними историков, и перспективность представленных в обеих публикациях источников и аналитических выводов для более углубленного исследования значимых аспектов белорусской истории первой половины XX столетия.

Литература

1. Белы А. Пінскія балоты і палешукі без салодкіх стэрэатыпаў. URL: https://nashaniva.com/311634 (дата обращения: 08.11.2023).

2. Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / авт.-сост. А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 618 с.

3. Борисёнок, Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Россией и Польшей в первой половине XX века. М.: Родина МЕДИА, 2013. 352 с.

4. Известия ВЦИК. 1918. 5 сентября.

5. Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М.Н. Покровского / публ. А.В. Есиной // Вестник Российской академии наук. 1993. № 2. С. 158.

6. Ablamski P. Kwestia narodowościowa na peryferiach Europy Środkowo-Wschodniej. Przypadek Polesia między dwiema wojnami // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2017. № 2. 57–78.

7. Cichoracki P. Polesie nieidylliczne: zaburzenia porządku publicznego w województwie poleskim w latach trzydziestych XX w. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2007. 280 s.

8. Dunin-Wąsowicz K. Pruchnik Józef (1876–1951) // Polski Słownik Biograficzny. T. XXVIII. Kraków; Warszawa, 1984–1985. 574–576.

9. Engelking A. «Poleszuk» nieoswojony. Wokół funkcji chłopskości w konstruowaniu polskości // Teksty Drugie. 2017. № 6. 68–94.

10. Łotysz S. Bajecznie egzotyczne Polesie? Reportaż z krainy tęsknych pieśni Maksymiliana Emmera w perspektywie ekokrytycznej // Kwartalnik Filmowy. T. 118. 2022. S. 113–125.

11. Łotysz S. Pińskie błota. Natura, wiedza i polityka na polskim Polesiu do 1945 roku. Kraków: Universitas, 2022. 588 s.

12. Śleszyński W. Województwo Poleskie. Kraków: Wydawnictwo Avalon, 2014. 336 s.

Y.A. Borisenok

Lomonosov Moscow State University

Features of research approaches to Belarusian problems in the first half of the twentieth century in modern Polish and Russian historical science

Key words: *historiography; history of Belarus; J. Pruchnik; S. Lotysz; A.A. Ioffe; A.Yu. Watlin; L.V. Lannik.*

The article analyzes publications of 2023–2023 that are important for deepening research on Belarusian issues, devoted to the situation in Polesie in the interwar period and the specifics of the tactics of Soviet diplomacy in the Belarusian direction.

Е.В. Кодин

Смоленский государственный университет

УДК 93/94

Белорусский коллаборационизм: современные подходы и оценки

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Белоруссия; нацизм; коллаборационизм; холодная война; ЦРУ; белорусские националисты.*

В статье предпринята попытка комплексного анализа имевшего место своего рода «двойного коллаборационизма» отдельных представителей белорусской националистической верхушки: вначале пособничество нацистам на оккупированной земле Белоруссии, а затем в годы холодной войны тесное сотрудничество с американским Центральным разведывательным управлением. В работе представлена эволюция историографических подходов и оценок коллаборационизма, начиная с 1950-х гг. вплоть до современных исследований, как российских и белорусских, так и зарубежных. Базовым источником для подготовки публикации стали относительно недавно рассекреченные документы ЦРУ из Национального архива США.

Научное обсуждение любой проблематики лучше начинать с терминологии. Что мы будем понимать под коллаборационизмом?

Большая российская энциклопедия определяет коллаборационизм как добровольное сотрудничество граждан оккупированной страны с противником во вред своему государству в ходе войны или вооруженного конфликта. С этой характеристикой нельзя не согласиться, но с одним уточнением – в нашем исследовательском поле требуется дополнение: словосочетание «в ходе войны» следует расширить во временном отношении до периода холодной войны включительно, поскольку сотрудничество части белорусской эмиграции с ЦРУ США будет также «во вред своему государству», хотя и без оккупации Белоруссии в тот период.

Понятие коллаборационизма появилось в начале XIX века, в период Наполеоновских войн. Термин активно начал использоваться в годы Второй

мировой войны в связи с сотрудничеством французов и других европейских народов с германскими оккупационными властями.

С общим понятием коллаборационизма тесно связано и еще одно, более узкое, – *квислинги*. Оно вошло в исторический лексикон как имя нарицательное по отношению к предателям национальных интересов европейских государств на уровне высших государственных деятелей по фамилии главы марионеточного правительства Норвегии Видкуна Квислинга, который активно сотрудничал с нацистами, за что был казнен по приговору суда в 1945 г.

К настоящему времени проблема коллаборационизма периода Второй мировой войны исследована достаточно подробно, в том числе и на территории Белоруссии.

В советское время проблематика коллаборационизма этим и ограничивалась: речь всегда шла только о сотрудничестве с нацистами. Однако в настоящее время все больше внимания уделяется и другой стороне этого вопроса – сотрудничеству бывших нацистских приспешников с американскими спецслужбами в годы холодной войны.

В части нашей проблематики речь пойдет о своего рода двойном коллаборационизме отдельных представителей белорусской националистической верхушки: вначале на территории Белоруссии с нацистами, затем в Западной Европе с ЦРУ.

Поскольку по первой части публикаций достаточно много и данная тематика представлена в них довольно подробно и с обширной источниковой базой, мы в большей степени сосредоточимся на послевоенном периоде.

Источниковая база. Основным источником для настоящего исследования стали относительно недавно рассекреченные документы фонда RG 263 Центрального разведывательного управления, находящегося в Национальном архиве США в штате Мэриленд, округ Колумбия [*National Archives and Records Administration (NARA), College Park, MD, RG 263, CIA*]. Здесь имеются документы практически на всех представителей верхушки белорусских коллаборационистов, которые тесно сотрудничали с ЦРУ в годы холодной войны. В делах каждого из них сотрудники американского разведывательного ведомства собирали различные справки и агентурные сведения о белорусских националистах, начиная с достаточно подробных биографических данных, обращая особое внимание на их деятельность в годы Второй мировой войны. Поэтому коллаборационизм с нацистскими

властями в годы оккупации Белоруссии отражен в фонде ЦРУ достаточно информативно, по некоторым личностям иногда даже детально, например, Николай Абрамчик – NARA, RG 263, CIA, Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1; Радослав Островский – NARA, RG 263, CIA, Ostrowski, Radoslaw, E ZZ–18, B98; Борис Рагуля – NARA, RG 263, CIA, Ragula, Boris, A1 88, ZZ 18 и др.

Следует заметить, что сотрудники ЦРУ (ведомство было образовано в 1947 году на основе созданного в годы Второй мировой войны Управления стратегических служб (Office of Strategic Services, OSS)) собирали информацию о коллаборационистах из разных источников, сопоставив которые можно найти противоречия, нестыковки или дополнения в датах, событиях, оценках. В целом же документы формируют целостное представление о коллаборационистской деятельности представителей белорусских националистов как в годы войны с нацистами, так и в послевоенный период с ЦРУ, в первую очередь в Западной Европе.

Сотрудничество с нацистами в годы Великой Отечественной войны. Следует сразу заметить, что белорусский коллаборационизм периода войны не являлся каким-либо исключением в ряду других оккупированных нацистами регионов Советского Союза. Однако никакой ожидаемой Гитлером антисталинской или антисоветской «пятой колонны» в Белоруссии не сформировалось. Скорее, наоборот, фашисты получили здесь массовое сопротивление, превратившее республику в одну большую партизанскую территорию. А на активное и сознательное сотрудничество с оккупантами пошли лишь отдельные представители верхушки белорусских националистов.

Тема белорусского коллаборационизма была привнесена в зарубежную белорусоведческую тематику публикациями классиков американского послевоенного белорусоведения: в первую очередь гарвардского профессора Николая Платоновича Вакара, а затем профессора Индианского университета Ивана Стефановича Любачко.

У специалистов по белорусской истории имя Н.П. Вакара ассоциируется в первую очередь с его книгой «Белоруссия. Создание нации», изданной Гарвардским университетом в 1956 г. Сам же Вакар эмигрировал в США в 1940 г. из оккупированного немцами Парижа, где работал в редакции газеты «Последние новости» (гл. редактор – П.Н. Милюков), заведовал отделом информации, был секретарем редакции.

Н.П. Вакар исходит из того, что для немцев Белоруссия была страной без собственной исторической традиции и никаким образом не была подготовлена в какой бы то ни было форме государственности, поэтому нацисты изначально относились к Белоруссии как к колонии, а не как к государству–сателлиту [29, p.177].

В начале войны, утверждает Вакар с отсылками на германские документы, население Белоруссии приветствовало немцев как освободителей от сталинизма, давших белорусам возможность самим решать свою судьбу, и потому оккупационные войска повсюду встречались с хлебом и солью. При этом у Вакара нет никакой разницы в приветственном отношении к немцам среди западных и восточных белорусов – немцам были одинаково рады и те и другие [29, p. 184].

Затем у Вакара следует существенное замечание: формальное приветствие – это одно, а переход на службу к оккупантам представителей местного населениям – это другое. На работу в органы администрации, пишет Вакар, пошли в первую очередь люди с низкими моральными качествами. Он приводит оценку одного из обозревателей того времени, который писал, что 95 процентов работавших на немцев точно так же работали бы на любого, кто платил бы им деньги. Пожалуй, только около пяти процентов верили, что они работают с немцами ради своей страны [29, p. 178]. Именно по этой причине гражданская администрация очень быстро и настолько дискредитирует себя, что прогерманская деятельность уже не будет оказывать значительного воздействия на население [29, p. 178]. Не прошло и года, заключает Вакар, как у подавляющего большинства белорусов отношение к немцам поменялось «от дружелюбия к враждебности» [29, p. 185], а в 1943 г. оно перерастет в активную борьбу против оккупантов по всей стране.

Вакар выделяет девять причин изменившегося отношения белорусов к немцам. На первом месте стоят массовые казни евреев, затем – нечеловеческое отношение к военнопленным, непоследовательность по отношению к колхозам, презрение к славянским народам в целом и к белорусам в особенности, отправка на работы в Германию и др. [29, p. 185]. Все это, по мнению автора, свидетельствовало об изначально антибелорусской оккупационной политике нацизма, реализации которой способствовали местные коллаборационисты.

В более широком территориальном плане тема оккупационного нацистского режима на захваченных землях Советского Союза впервые стала

предметом исторического анализа у профессора Гарвардского, а затем и Колумбийского, и Калифорнийского (Беркли), и Стэнфордского университетов США Александра Даллина. Семья лидера российских меньшевиков Дэвида Даллина эмигрировала вначале в Германию в 1920-е годы, затем во Францию, а в 1940 г. в США. В 1957 г. за авторством Александра Даллина издается книга «Захваченные территории СССР под контролем нацистов»[13]. В основном книга цитируется по второму дополненному изданию 1981 г., а в 2019 г. она будет издана на русском языке [2]. Одиннадцатая глава работы посвящена Белоруссии.

В оценке Даллина, в советской Белорусии антикоммунистические настроения в значительной степени присутствовали в крестьянской среде и в тонкой прослойке белорусской интеллигенции [13, p. 199]. Но даже у этой части белорусских националистов, замечает автор, желание сотрудничать с немцами стало пропадать, как только они начали понимать, что у нацистов никогда не было цели создания независимой Белоруссии [13, p. 214]. А политика массового террора и неистовое запугивание местного населения, заключает Даллин, вообще заставили население оккупированных территорий отказаться от сотрудничества с немецкими властями. Именно этот фактор вынудил «значительную часть населения вернуться в советский лагерь» [2, с.46]. Сепаратизм в Белоруссии в сравнении с другими оккупированными советскими республиками, особенно с Украиной, оказался значительно слабее [13, p. 225]. В итоге ожидаемого третьим рейхом массового коллаборационизма в Белоруссии не случилось.

В работе 1972 г. Ивана Любачко отмечается, что многие белорусы считали, что Гитлер действительно намеревался освободить их от «большевистского рабства» [20, p. 147]. Поэтому первые немецкие подразделения встречались местным населением дружелюбно, с хлебом и солью. Белорусы ожидали от них защиты и порядка [20, p. 148]. Но разочарование в «освободителях» наступило быстро. Этому способствовали массовые расстрелы евреев, насильственная отправка молодежи на работы в Германию, изъятие малолетних детей и отправка в Германию на «онемечивание» (германизацию) и др. [20, p. 154]. Ответом населения на это стала повсеместная партизанская борьба. Любачко пишет так: «Белорусский народ для того, чтобы выжить не видел никакой другой альтернативы, кроме как бороться» [20, p. 156].

Так же, как и Вакар, Любачко отмечает, что в создании местной администрации и полиции активно участвовали представители белорусской эмиграции, вернувшиеся (хотя более подходит здесь слово «завезенные». – *Е.К.*) в Белоруссию из европейских стран вместе с немецкими войсками [20, p.158].

На фоне солидных академических изданий перечисленных авторов уже просто апологетической воспринимается изданная еще в 1964 г. в Лондоне небольшая работа В. Калуша «На службе народа свободной Белоруссии: биографические заметки о профессоре Радославе Островском» [17]. Задача книги – на примере наиболее активно сотрудничавшего с немцами Радослава Островского восхвалять и превозносить белорусских националистов за их «борьбу» в годы Великой Отечественной войны за свободную Белоруссию вместе с фашистами против «российского ига».

Из мемуарной литературы стоит выделить воспоминания Бориса Рагули «Против течения», изданные в Канаде в 2005 г. [23], к которым мы еще вернемся.

На постсоветском пространстве за пределами Беларуси наиболее детально тематика коллаборационизма представлена в работах профессора кафедры истории России Крымского федерального университета О.В. Романько, признанного специалиста по проблемам коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. В 2008 г. была издана его известная работа «Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941 – 1945)», а в 2013 г. – дополненное и расширенное издание «Белорусские коллаборационисты: сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941–1945».

Считая проблему коллаборационизма болезненной, сложной и многогранной [8, с. 6], автор заключает, что всестороннее изучение вопроса белорусского коллаборационизма следует строить на научном, а не на идеологическом подходе к нему, и рассматривать его как часть общей проблемы военного коллаборационизма советских граждан в годы войны, хотя и со своими нюансами [8, с. 4].

В самой же Белоруссии еще задолго до работ О.В. Романько в Минске в 1995 г. была издана книга А.К. Соловьева «Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах». Исследуя доступные в то время документы, автор говорит о создании гитлеровцами просуществовавшего несколько

месяцев на территории оккупированной республики некоего прообраза национального правительства – Белорусской центральной рады во главе с Радославом Островским. Автор оценивает сотрудничество части белорусских националистов с оккупантами как предательство интересов белорусского народа [10].

С таким подходом далеко не во всем согласен автор изданной в 2016 году работы «Белорусская Центральная Рада (БЦР): создание – деятельность – упадок» О. Гардиенко [1]. Автор считает, что вопрос о сотрудничестве белорусской национальной верхушки с немецкими оккупационными властями до сих пор не изучен, а официальная белорусская историография искажает данное явление. Его позиция сводится к тому, что нельзя всех коллаборантов автоматически зачислять в разряд преступников, не учитывая при этом разные жизненные ситуации людей в годы войны.

В современной Беларуси имевшие место факты открытого коллаборационизма не замалчиваются. Да, тема эта сложная, но о ней открыто говорится и на страницах четвертого тома недавно изданной Институтом истории Национальной академии наук Беларуси пятитомной «Истории белорусской государственности». Фактически здесь представлена современная государственная оценка имевших место коллаборационистских проявлений в годы войны. По этой причине мы не будем давать анализ многих других отдельных публикаций белорусских историков по данной проблематике.

Позиция официальной исторической науки Беларуси представляется следующей.

Определяется социальная база коллаборационизма: «Разумеется, некоторая часть жителей Беларуси оказалась вовлеченной в ряды политической коллаборации. Это были люди, которые однозначно не принимали советскую власть и сознательно сотрудничали с немецкими властями, часть оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами по малодушию или несознательности. В этих рядах находились и асоциальные элементы, люди с криминальным прошлым, заинтересованные в насилии и получении благ. Были и те, кто из корыстных целей стремился, опираясь на германские власти, сохранить свое влияние и рычаги управления в структуре оккупационного режима, чтобы властвовать над людьми» [3, с. 250].

В правовом отношении оценка коллаборационизма представляется так: своим участием в деятельности германских органов власти коллаборационисты

«не только легитимировали их деятельность, но и принимаемые агрессорами решения, направленные на осуществление преступной оккупационной политики. Все это убедительно свидетельствует, что не только нацисты, но и коллаборационисты ответственны за массовое насилие, издевательство и уничтожение белорусского народа, за преступления и разграбление материальных и культурных ценностей» [3, с. 252].

Однако на местах германские оккупационные органы власти не имели ни общественной поддержки, ни одобрения населения: «Абсолютное большинство белорусского народа воспринимало оккупационную власть как чуждую, как власть насилия, грабежа и террора» [3, с. 252].

В современной зарубежной историографии фокус в исследованиях белорусского коллаборационизма все больше смещается в сторону увязки его с проблемой холокоста, часть вины за который «перераспределяется» от нацистов на местных белорусских коллаборационистов.

Здесь на первое место следует поставить работы уроженца Белоруссии, ныне проживающего в Израиле и работающего в Музее Холокоста, Леонида Рейна. Еще в статье 2006 г. «Местный коллаборационизм в реализации окончательного решения в оккупированной нацистами Белоруссии» [25] автор отмечает, что в исследованиях холокоста в Белоруссии выделялись два подхода: сторонники одного считали, что уничтожение евреев было делом рук немцев; представители второго утверждали, что в этом активно участвовало местное, нееврейское население.

Изначальное отношение нееврейского населения к преследованию евреев было, в оценке автора, «смесью традиционного антисемитизма и страха перед новыми властями». Местное население не только не противилось изоляции евреев, но и помогало властям в их борьбе с последними. В основном это сводилось к доносам. В физическом же уничтожении евреев автор в первую очередь винит органы местной полиции.

Рейн пишет, что трудно определить, как много представителей местного населения участвовало в уничтожении евреев, поскольку это сотрудничество принимало разные формы: от доносительства до присвоения собственности и участия в массовых расстрелах. Главное для автора то, что такая коллаборация местного населения с нацистами имела место. Что само по себе уже и явилось «фактором первостепенной важности в величайшей трагедии двадцатого века» [25, p. 399]. Получается, что сама расистская идея и нацистская политика,

направленная на физическое уничтожение и порабощение славянского населения, в том числе и белорусского, у автора как бы раздваивается в ее исполнении и значительная доля вины перекладывается с фашистов на белорусских коллаборационистов и на все нееврейское население Белоруссии.

В книге 2011 г. «Короли и пешки. Коллаборационизм в Белоруссии во время Второй мировой войны» Леонид Рейн вообще ставит под сомнение устоявшийся во времена советской историографии тезис, что весь период фашистской оккупации в Белоруссии был периодом всеобщего сопротивления. Сопротивление было, но был и коллаборационизм, отрицать который, по мнению автора, значит не признавать объективные факторы. В том числе и в практике уничтожения евреев.

Белорусский Холокост и участие в нем местного населения являются в данной работе центральной темой. Приводятся цифры: в Белоруссии накануне войны проживало около миллиона евреев, в холокосте погибло около 80% еврейского населения. При этом автор утверждает, что во всех случаях массовых убийств евреев были активно задействованы силы местной полиции, которая загоняла евреев в гетто, выселяла из домов, собирала в местах предполагаемых расстрелов, убивала евреев, присваивала их имущество.

Автор излагает материал так, что у читателя может сложиться впечатление: в холокосте вообще нет участия нацистов, они лишь провозгласили идею «окончательного решения еврейской проблемы», а делалось все руками не евреев, и в первую очередь местной полиции. Другими словами, просматривается стремление переложить вину за холокост в большей степени на белорусских коллаборационистов, оставляя в тени нацистов.

По такой же схеме, но с иными «действующими лицами» выстраивал свои оценки белорусского коллаборационизма и Калуш. На основе разных «документальных свидетельств» автор показывает, что казни белорусских евреев осуществлялись только руками преступников, которых немцы набирали из числа коммунистов и московитов (Moscovites). С целью же компрометации белорусского национального движения «их одевали на время преступных деяний в одежду с белорусскими нашивками на рукавах» [17, p. 42].

Сторонникам такого рода абсурдных подходов и вольного обращения с историческим прошлым следовало бы познакомиться с работой американского исследователя Уэйтмана Беорна, пришедшего в историческую науку после обучения в академии Вест-Пойнте и непосредственного участия в войне в

Ираке в 2003–2004 гг., защитившего диссертацию и подготовившего на ее основе монографию «Холокост в Восточной Европе» [12].

Беорн поставил своей целью пересмотреть широко распространенный миф о «чистом вермахте», солдаты которого исполняли свой долг, участвуя в сражениях. Считалось, что, если вермахт и принимал участие в операциях против местного населения, это было вызвано реакцией на деятельность партизан. Роль вермахта старательно преуменьшалась, речь шла скорее о «соучастии», причем вынужденном; подчеркивалось отличие «простых солдат» от частей СС и других формирований, запятнавших себя военными преступлениями.

Однако, по мнению автора, оккупационные планы нацистского руководства, основанные на расовой идеологии и предполагавшие применение насилия поистине ужасающего уровня, подразумевали и непременное участие вермахта в их реализации [12, p. 4–5]. В центре его внимания находится холокост как важная часть «проекта геноцида», который включал в себя убийство советских военнопленных, мирных граждан, политику обречения на голодную смерть и многое другое и являлся центральным элементом расовой и демографической реорганизации Европы. Без участия вермахта осуществить его было бы трудно и едва ли возможно.

В книге Беорна, сосредоточенной на таком инструменте политики холокоста, как германская армия, постоянно возникает и местное население в качестве участников, свидетелей и борцов с оккупантами. Он отмечает, что без участия местных властей и полиции осуществлять массовые убийства было бы весьма сложно. Однако были куда более расположены к евреям, чем в соседних Литве и Украине, и относились к сотрудничеству с нацистами весьма сдержанно. Об этом свидетельствует, в частности, привлечение к антиеврейским акциям подразделений литовцев и латышей, поскольку белорусских вспомогательных сил явно не хватало [12, p. 36].

Всю сложность жизненной ситуации для населения Белоруссии в части интересующей нас проблематики пытается представить в своей работе 2016 г. «Что ты делал во время войны? Личностные реакции на последствия нацистской оккупации» Франциска Экзелер, получившая образование в Германии и защитившая диссертацию в Принстонском университете США. В годы войны, заключает автор, Белоруссия являла собой территорию конфликта, имевшего множество измерений. Немцы, советские партизаны, зондеркоманды,

евреи, местное население, белорусские подразделения, сформированные националистами, в Западной Белоруссии партизаны Армии крайовой, южнее – подразделения украинских националистов – все воевали «против всех», и чаще всего люди в оккупации оказывались перед лицом «выбора без выбора» (choiceless choices) [14, p. 810]. Другими словами, в такой обстановке коллаборационизм был своего рода вынужденным, предопределенным разными жизненными ситуациями явлением.

В настоящее время тему белорусского коллаборационизма продолжает работающий в вашингтонском музее Холокоста Марк Александер, защитивший в 2019 г. в университете Джорджа Вашингтона диссертацию на тему «Нацистские коллаборационисты и воины холодной войны: белорусские квислинги Америки» [11]. В ней в первую очередь рассматривается послевоенный период белорусского националистического движения. Но одновременно в работе подробно изучаются и связи лидеров белорусского коллаборационизма с нацистами во время войны.

Коллаборационизм военного времени в лицах. ***Радослав Островский.*** Из общего немалого числа коллаборационистов эпохи Второй мировой войны авторы четвертого тома «Истории белорусской государственности» на первое место ставят президента созданной нацистами в самом конце 1943 г. Белорусской центральной рады Радослава Островского.

С самых первых дней Великой Отечественной войны бывший учитель физики и математики, работавший в предвоенные годы в польской Лодзи (более подробно о довоенной биографии Островского см.: 4, с. 275–276), стал начальником управы Минского округа, о чем откровенно писал после войны в записке для ЦРУ: «Перед нашей группой в 5 человек белорусов была поставлена задача создать местные органы власти на белорусской территории... Принимая во внимание мое знание территории и людей, военная администрация немцев поставила меня на создание местных органов власти в Минской области. Эта задача была очень легкой для меня, поскольку я был знаком почти с каждым районом. Уже через неделю, получив в поддержку военный транспорт, я смог организовать 21 район в Минской области. Это привело в восторг и впечатлило немцев...» [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present», August 22, 1952, 1, p. 7].

Затем будут Брянск, Смоленск и Могилев, где он также создает органы местной администрации. В декабре 1943 г. распоряжением нацистского наместника в Белоруссии Курта фон Готтберга Островский назначается президентом Белорусской центральной рады – формального органа белорусского самоуправления.

Главное, что успел сделать на этом посту Островский, – создать военные белорусские подразделения для борьбы с белорусскими же партизанами. 23 февраля 1944 г. Готтберг отдал приказ о создании отрядов Белорусской краевой обороны. 10 марта 1944 г. на основании этого решения Островский объявил мобилизацию в БКО. В приказе отмечалось, что все, кто не явится на мобилизационные пункты, будут приговорены к смертной казни [10, с. 33]. По словам Островского, сам он предполагал, что запишутся 10 тысяч человек, Готтберг рассчитывал на 2–3 тысячи. Однако, со слов Островского, в отряды записалось 28 тысяч человек [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present», August 22, 1952, 1, p. 11]. Из них было сформировано 40 батальонов, которые сосредоточили в районах с наибольшей партизанской активностью.

27 июня 1944 г. в Минске в здании оперного театра состоялся второй Всебелорусский съезд, в котором приняли участие более тысячи националистов со всех частей Белоруссии, а также представители эмигрантов из европейских стран. Съезд принял резолюцию о признании Белорусской центральной рады во главе с Островским единственным законным представителем белорусского народа.

В своем программном выступлении на съезде Островский заявлял следующее: «Когда мы создавали Белорусскую центральную раду, то нашей первой задачей было сделать что-либо по защите страны от большевиков и иных вооруженных бандитов» [17, p. 85]. То есть, гитлеровцы, разрушившие к тому времени всю Белоруссию, никак не считались врагами белорусского народа. Враг у Островского был один – большевики. Но не нацисты, которые совместно с гражданской администрацией из числа коллаборационистов создали на территории Белоруссии «систему тюрем, концентрационных лагерей и гетто» из более чем 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений (для военнопленных, для гражданского населения, женские лагеря, пересыльные лагеря СС, штрафные, гетто). Только в одном Тростенецком лагере смерти уничтожили более 206 тысяч человек.

Однако работу Центральной рады пришлось быстро свернуть. Уже через день после минского съезда, в связи с наступлением Красной армии, 800 человек из числа сотрудничавших с Островским белорусских сторонников Рады вместе с членами семей были отправлены специальным поездом в Берлин. В Германии созданные белорусские батальоны Краевой обороны были реорганизованы в первую Белорусскую дивизию, получившую затем название 30-й дивизии СС. Дивизия была дислоцирована в Баварии, в конце войны она сдастся в плен американским войскам.

Франчишек Кушель родился в Минске в 1895 г. Обучался в офицерской школе в Вильно, служил в русской армии в годы Первой мировой войны. Во время Гражданской войны воевал против большевиков. В начавшейся в 1919 г. польско-советской войне воевал на стороне Польши [NARA, RG 263, CIA, Kushel, Francis, E ZZ-18, B 76, Operational, September 12, 1950]. Двадцать лет служил в польской армии. В звании капитана был пленен Красной армией в сентябре 1939 г., отправлен в лагерь военнопленных в Старобельск (недалеко от Луганска), откуда через восемь месяцев был переведен в Катынский лагерь под Смоленском. Кушель был одним из немногих уцелевших в катынских расстрелах офицеров польской армии. Как свидетеля этих событий, его отправили в Москву на Лубянку. Освобожден в июне 1941 г. под наблюдение НКВД. Вернулся из Москвы в оккупированный фашистами Минск. Здесь возглавил городскую полицию и был ректором Белорусской полицейской школы. Летом 1943 г. по приказу группенфюрера СС фон Готтберга возглавил все белорусские полицейские силы. Занимался вопросами борьбы с антифашистской пропагандой. В обязанности Кушеля входила пропаганда среди личного состава полицейских частей, которая должна была вестись в пронемецком и белорусском национальном духе. После создания Белорусской центральной рады Островский назначит майора Кушеля командующим военными батальонами Белорусской краевой обороны (БКА).

Станислав Станкевич занимает особое место в рядах белорусских коллаборационистов. Профессор филологии Станислав Станкевич стал одним из наиболее известных белорусских военных преступников, сотрудничавших с нацистами в истреблении белорусских евреев. Родился Станкевич в 1907 г. недалеко от Вильно. Был учителем белорусского языка и литературы, защитил докторскую диссертацию в Виленском университете по теме белорусского

влияния на польскую романтическую поэзию [NARA, RG 263, CIA, Stankievich, Stanislaw, E ZZ-16, B 50. «Brief Biography: Translation», 1].

На момент начала Второй мировой войны Станкевич работал учителем в Новогрудке. Будучи назначенным бургомистром Борисова, в июле 1941 г. начал активно создавать гетто на 8 тысяч человек, несет непосредственную ответственность за уничтожение 6,5–7 тысяч евреев [24, p. 267]. Именно в Борисове появился так называемый «сардинный метод» захоронения евреев в общих больших ямах: убитых складывали слоями для уплотнения – вначале ногами в одну сторону, затем в другую, чтобы больше вмещалось в могилы. Годы спустя, уже работая в Мюнхенском институте по изучению СССР, Станкевич будет отрицать свое личное участие в убийстве евреев [NARA, RG 263, CIA, Stankievich, Stanislaw, E ZZ-18, B 125. «S. Stankievich, Member of the Institute Council», July 15, 1954]. Тем не менее после этой резни его повышают до должности бургомистра Барановичской области, где весной 1942 г. он также начнет создавать гетто. В августе 1944 г. в Берлине Станкевич возглавил редакцию белорусского пронацистского издания «Раница» (Утро).

Эмануил Ясюк начал сотрудничать с нацистами еще в Варшаве до нападения Германии на СССР, работая в созданном немцами Белорусском комитете. В оккупированной Белоруссии фашисты назначат Ясюка бургомистром г. Клецка. Здесь в отсутствие постоянных немецких органов администрации все решал непосредственно сам Ясюк. Он лично составлял списки на расстрелы проживавших в городе и районе поляков и евреев, по его приказу были убиты 5000 евреев [NARA, RG 319, IRR, Jasiuk, Emanuel, E 134, B 339. «Jasiuk, Emanuel. Re: War Criminals», September 19, 1950, 1].

Юрий Соболевский родился в 1889 году в г. Столбцы, что находится в 75 километрах на юго-запад Минска. Получил хорошее образование топографа. Служил в русской армии с 1915 г. до окончания Первой мировой войны, затем воевал против Красной армии в польско-советской войне. Жил в Польше. Был депутатом польского сейма. Приветствовал войска Красной армии в сентябре 1939 г., но был арестован и отправлен в тюрьму как белорусский националист. Летом 1941 г. начал сотрудничать с нацистами. Назначен бургомистром г. Столбцы, вскоре переведен на должность бургомистра Барановичей, с июля 1941 г. по июнь 1943 г., когда его забрали в Минск на место Ивана Ермаченко руководить отрядами оккупационной полиции Белорусской народной

самопомощи (БНС). Входил в состав руководства Белорусской центральной рады.

Борис Рагуля **–** бывший резервист польской армии, прошел офицерские курсы, получил чин хорунжего. В составе Войска польского воевал против немцев в начавшейся Второй мировой войне, попал в плен, бежал, работал учителем немецкого языка в своем родном районе. В начале 1941 г. был арестован НКВД за антисоветские высказывания в школе и помещен в минскую тюрьму. Освобожден немцами. Сразу стал работать как переводчик и офицер связи между немецкой военной администрацией и местными властями, созданными Островским [NARA, RG 263, CIA, «AEQUOR, Vol. 3»].

Рагуля изначально нисколько не сомневался в том, что немцы пришли как освободители Белоруссии от коммунистического советского режима. И уже летом 1942 г. он назначен командиром Белорусской народной самопомощи в Новогрудском округе, затем возглавил кавалерийский эскадрон численностью 150 человек, созданный для борьбы с партизанами силами белорусских коллаборационистов. Белорусские военные эскадроны имели свою форму: серая немецкая униформа с белорусским знаком отличия – двойной крест и красно-белый флаг на рукавах и воротничках. Командир эскадрона, капитан Рагуля, не должен был подчиняться местным немецким властям, а только лично генеральному комиссару фон Готтбергу. «И, что самое парадоксальное, – отмечает Романько, – в действительности так оно и было» [9, с. 174].

В своих написанных в преклонном возрасте мемуарах Рагуля попытается как-то обелить свое тесное сотрудничество с нацистами. Начнет с заявления, что его понимание сути нацизма стало иным, когда он прочитал «Майн кампф» Гитлера: «Меня шокировало, когда я узнал, что Гитлер намеревался захватить славянские народы и превратить их в рабов для обслуживания высшей арийской расы» [23, p. 69]. И второе. По утверждению Рагули, его эскадрон никогда не воевал с партизанами, но зато всегда защищал местное население от произвола жандармов, чем и «завоевал сердца белорусов» [23, p. 85].

После роспуска эскадрона Рагуля пройдет обучение в диверсионной школе абвера для заброски агентов в тыл Красной армии. Полученные здесь знания и навыки он будет активно применять уже в послевоенной Европе.

Оккупационный нацистский режим на советских территориях существенно отличался от такового в захваченных Германией странах Европы. Там продолжали работать прежние органы власти. Немцы лишь контролировали их

деятельность. В Белоруссии же нацисты вынуждены были создавать так называемые вспомогательные органы власти из числа местного населения. Зачастую им в этой работе помогали завезенные вместе с немецкими воинскими частями представители белорусской эмиграции из Польши, Германии, Чехословакии и других европейских стран. Одним из таких ярых белорусских националистов был присланный из Праги по личному распоряжению рейхминистра по делам восточных территорий А. Розенберга ***Иван Ермаченко***.

Ермаченко – офицер русской армии, участник Первой мировой войны подполковник, в годы Гражданской войны воевал на стороне Белой армии, эмигрировал в Турцию, работал в Праге вместе с президентом Белорусской народной республики (в изгнании) Василием Захаркой. Последний не пошел на прямое сотрудничество с нацистами, а Ермаченко прибыл в Минск и возглавил созданную уже осенью 1941 г. Белорусскую народную самопомощь (БНС). Эта структура будет активно участвовать в вербовке и вывозе рабочей силы в Германию. За свои «достижения» летом 1942 года гауляйтер Белоруссии В. Кубе даже включил Ермаченко как советника в свой Генеральный комиссариат [3, с. 196].

Однако как только лидеры белорусского национализма стали заявлять о своих претензиях на создание более независимых национальных органов власти, то уже летом 1942 г. многие были арестованы, часть из них отправлена в Германию, часть расстреляна. Немцы завели на Ермаченко и все руководство Самопомощи уголовное дело за крупные финансовые нарушения. Весной 1943 г. Ермаченко вернулся в Прагу. Одновременно был распущен созданный и возглавляемый Ермаченко Белорусский корпус самообороны (БКС).

Затем оккупационные власти создадут с тем же национальным окрасом в названиях новые органы власти: Белорусскую раду доверия и на ее основе – Белорусскую центральную раду. Однако просуществуют последние всего лишь несколько месяцев, летом 1944 г. Белоруссия будет полностью освобождена от фашистов в ходе наступательной операции «Багратион».

Созданные же нацистами при германских оккупационных органах местные вспомогательные структуры являлись, в оценке официальной белорусской исторической науки, «не более чем политическим фарсом». Их деятельность была не только ограничена указаниями и распоряжениями германских властей, но и направлена «на поддержку оккупационного режима, организацию борьбы

с партизанским движением и патриотическим подпольем, на выполнение военно-экономических задач для нужд третьего рейха» [3, с. 251]. Простые же белорусы в своем большинстве «считали всех, кто сотрудничал с немцами, своими врагами» и «не стали в очередь за получением должностей в оккупационных органах власти» [3, с. 192, 201].

Белорусские коллаборационисты на службе ЦРУ в годы холодной войны. В 1974 г. в Соединенных Штатах Америки в штате Нью-Джерси на берегу реки был установлен памятник с надписью: «Слава змагарам за вольную Беларусь (Слава борцам за свободную Беларусь)». Все оформление памятника в известных сегодня бело-красно-белых тонах, в центре – герб «Погоня». Над постаментом – большой металлический крест с маленьким двойным крестом в центре. Именно такое изображение было на нарукавных красно-белых шевронах белорусских полицаев и военных подразделений, вошедших затем в состав 30-й дивизии СС.

Как и почему такое стало возможным?

Одним из первых ответ на этот вопрос дал в своей книге «Белорусский секрет», изданной в 1982 г. в США, Джон Лофтус [19]. По истечении почти 30 лет автор переиздаст свою работу с существенными дополнениями и под новым названием – «Нацистский секрет Америки» [18]. Автор хорошо знает предмет своего изучения: с 1979 г. он работал прокурором в отделе специальных расследований Министерства юстиции США. Данная структура занималась вопросами выявления, наказания и депортации нацистских преступников в Америке. Лофтус непосредственно курировал направление белорусского коллаборационизма, работал с документами Центрального разведывательного управления. В своих публикациях он показал, как американские спецслужбы «завезли» в послевоенные США более 300 белорусских коллаборационистов, которых финансировали и оберегали от преследований для использования в антисоветской работе.

В уже упомянутой нами ранее диссертации Марка Александера «Нацистские коллаборационисты и воины холодной войны: белорусские квислинги Америки» в первую очередь рассматривается послевоенный период белорусского националистического движения. Практически все лидеры белорусского марионеточного режима, существовавшего при нацистах, эмигрировали в США, где продолжали свою антисоветскую политическую деятельность. Они проживали там под своими именами, и в итоге, когда в США

начались расследования преступлений нацизма, оказались в фокусе внимания правительства и в центре публичного скандала. В диссертации подробно рассматриваются связи этих людей с нацистами во время войны, их совместные с ЦРУ антисоветские операции в начале холодной войны и их участие в американской политике антикоммунизма.

Ставшие относительно недавно доступными в Национальном архиве США рассекреченные документы ЦРУ проливают новый свет на деятельность коллаборационистов в оккупированной нацистами Белоруссии, а также на то, как в годы холодной войны американские спецслужбы, вопреки национальному законодательству о необходимости предания суду бывших нацистских приспешников, использовали их в своих интересах, защищали от правосудия, предоставляли американское гражданство.

Документы ЦРУ свидетельствуют об участии многих бывших нацистских коллаборационистов в подготовке американскими спецслужбами разного рода разведывательных, подрывных операций, вплоть до прямой заброски агентов на территорию БССР в 1950-е гг, и в информационно-пропагандистской работе против СССР с территории Европы совместно и под эгидой Американского комитета освобождения от большевизма посредством «Радио Свобода» (см. 5), Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР (см. 6) и иных структур.

Так, первым из белорусских коллаборационистов в Америке окажется *Эмануил Ясюк*. В 1949 г. Островский официально назначит его председателем Белорусской центральной рады в США, где он зарегистрирует организацию в ведомстве генерального прокурора. Чтобы избежать возможной экстрадиции за свои деяния в годы войны, Ясюк будет активно работать на ЦРУ и станет информатором для ФБР. В фонде ФБР США имеется значительный по объему материал о его послевоенной работе с ведомством, а также локументы о преступной деятельности Ясюка против белорусского народа во время фашистской оккупации (см.*:* NARA, RG 65, FBI, Jasiuk, Emanuel, E A1-136 Z, B 76). Вместо суда или высылки из Америки в декабре 1956 года Ясюк станет гражданином США.

В 1950 г. получит американскую иммигрантскую визу и окажется в Нью-Йорке *Франчишек Кушель*. До этого в послевоенной Германии Кушель работал в должности коменданта лагерей для беженцев в американской зоне оккупации Германии – в Регенсбурге и Мишельсдорфе. В Нью-Йорке он

станет сотрудничать с американскими спецслужбами. Кушель получил американское гражданство в декабре 1955 г.

Дольше других в Европе задержится *Станислав Станкевич*. В послевоенной американской зоне оккупации в Германии Станкевича поставят во главе лагеря для перемещенных лиц Остенхофен, расположенного в Баварии недалеко от Регенсбурга. В мае 1950 г. Станкевич станет руководителем языковой подготовки для Международной организации по делам беженцев (International Refugee Organization) в Мюнхене. Здесь же, в Баварии, он будет работать председателем научного совета созданного и финансируемого ЦРУ Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, редактором белорусскоязычных пропагандистских материалов, президентом Белорусского института искусств и науки в Мюнхене. В марте 1969 г. палач белорусских евреев Станкевич окажется в США под покровительством ЦРУ.

Борис Рагуля в американской зоне оккупации Германии будет готовить совместно с ЦРУ нелегальных агентов для заброски в БССР. В 1954 г. эмигрирует в Канаду.

У *Радослава Островского*, президента Белорусской центральной рады, тесного сотрудничества с американскими спецслужбами не получится. И не по его воле. Осторожное отношение к нему со стороны ЦРУ было вызвано его непосредственным сотрудничеством с нацистами в годы войны.

После войны Островский поселился в небольшом немецком городке Хёкстер в английской зоне оккупации. Вначале он попытался установить контакты с англичанами. В 1950 г. Островский совершил поездку в Лондон и предложил создать под эгидой британских спецслужб и под его личным руководством «белорусское освободительное движение» как подпольную вооруженную армию. Англичане ввязываться в откровенную авантюру не стали. При этом двумя годами ранее они уже выразили свою поддержку и оказали первую финансовую помощь председателю Рады БНР (в изгнании) Николаю Абрамчику.

Летом того же года Островский, опасаясь ареста и выдачи советским властям, уехал в Аргентину, где с 1948 г. жила его дочь.

Вернувшись в 1952 г. в Европу, Островский предпринимал активные попытки переориентироваться на сотрудничество с американскими спецслужбами. Он понимал, что его пронацистское прошлое хорошо известно американскому разведывательному ведомству. Поэтому в 1952 г. в

специальной записке для ЦРУ он так обеляет себя за связи с нацистами: «Неважно, что мы были коллаборационистами в годы войны, и совершенно неважно, с кем мы сотрудничали – с немцами или с дьяволом. Важно то, что мы никогда не сотрудничали со Сталиным, и что мы непрерывно боролись с ним» [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present», August 22, 1952, 1, p.17–18]. Другими словами, для Островского было неважно, что именно немецкие войска уничтожали жителей Белоруссии. Ему необходимо было показать американцам, что главным врагом для него всегда оставался Сталин, с которым он и его соратники боролись, даже содействуя оккупантам и непосредственно участвуя в массовых расстрелах евреев, в борьбе с партизанами, в организации военных подразделений и структуры гражданской администрации в оккупированной Белоруссии.

Одновременно Островский предоставил ЦРУ не только свою биографию, историю создания Белорусской центральной рады, информацию об антисоветской белорусской диаспоре в мире, но и подробные предложения о возможной работе совместной американо-белорусской разведывательной группы. Островский исходил из того, что война Запада с СССР неизбежна по причине невозможного сосуществования «двух противоположных систем» – демократии и коммунизма. Но и до этого момента можно и нужно было бороться с советским коммунизмом на территории Белоруссии.

На первое место из возможных методов борьбы он ставил пропаганду. Но вестись она должна была изначально напрямую «кровными братьями» угнетенных советских белорусов из числа белорусов-эмигрантов, «кому люди верят, и кто ни разу их не предавал», а не только через «Голос Америки» или «Радио Свобода» [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present», August 22, 1952, 1, p. 17].При этом пропаганда должна была обязательно дополняться созданием на территории СССР антибольшевистского подполья. Островский уверял ЦРУ, что на земле Белоруссии это возможно, поскольку там остались те, кто был в составе созданных им в 1944 г. белорусских батальонов. Одновременно можно было опереться на поляков, которые желали вернуть себе земли западной Белоруссии.

Для достижения поставленных целей Островский предлагал объединить усилия американских спецслужб и белорусского подполья в БССР. И ставку в

этой работе, в оценке президента БЦР, следовало делать на тех людей, которые уже занимали посты в республике. Такие люди есть, утверждал Островский. Еще с тех времен. Он имел в виду сторонников Центральной рады. В итоге следовал весьма двусмысленный вывод: «Они не будут работать за доллары, но активная работа невозможна без долларов» [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present», August 22, 1952, 1, p. 19].

Однако поучаствовать в дележе американского «долларового пирога» Островскому не удалось. Эту нишу к началу 1950-х гг. уже прочно занял Николай Абрамчик.

Не получив поддержки со стороны американцев, Островский в 1954 г. перебирается в Лондон, где сразу после Второй мировой войны поселился его сын Виктор. В апреле 1962 г. американцы по приглашению уже получившей американское гражданство дочери Островского выдали бывшему активному пособнику нацистов иммиграционную визу, а еще через 10 лет ему одобрят и получение американского гражданства.

Островский умер в 1976 г. в США, его могила находится недалеко от описанного памятника белорусским коллаборационистам в Нью-Джерси. Надпись на могиле Островского гласит: «Президент Белорусской центральной рады Белорусской народной республики и основатель Белорусских военных сил».

В документах ЦРУ Островский значился под псевдонимом *AETOMAC-2*.

Как было уже отмечено, в противоположность Островскому очень плотное и многолетнее сотрудничество с Центральным разведывательным управлением США сложилось у его соперника по эмиграции *Николая Абрамчика*, который в 1943 г. сам объявил себя преемником умершего в Праге председателя Рады Белорусской Народной Республики (в эмиграции) Василия Захарко [4, с. 277].

Абрамчик значится в документах ЦРУ под персональным псевдонимом *CAMBISTA-4*.

В отличие от других белорусских националистов, помогавших нацистам в организации органов управления на оккупированной территории, в создании вооруженных структур для борьбы с партизанами и др., Абрамчик не запятнал себя непосредственным сотрудничеством с немцами в Белоруссии.

Из документов ЦРУ вообще следует, что в молодости Абрамчик был сторонником коммунистической идеи и активным участником белорусского

комсомольского движения. В Радошковичах, где Абрамчик учился в школе (находятся в Молодечненском районе современной Беларуси. – *Е.К.*), он создал комсомольскую организацию, за активную работу был поощрен поездкой в Москву на съезд комсомола [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «About the Byelorussian Committee “Krivichi”», 5 March 1957, p. 2]. Затем резко поменял свои политические взгляды, порвал с комсомолом и уехал в Прагу, где жил в период с 1925 по 1929 г. Выучился в чешском колледже на экономиста, затем поступил на философский факультет Карлова университета в Праге. В столице Чехословакии познакомился с Василием Захарко, председателем Рады БНР (в изгнании). В 1929 г. поселился в Париже, включился в политическую деятельность в среде белорусской эмиграции

В 1939 г. после нападения Германии на Польшу Абрамчик «был вызван» в Берлин «некоторыми немецкими политическими кругами». Ему было поручено издательство белорусской газеты «Раница», но с этой работой Абрамчик, не имевший соответствующей квалификации, не справился, и его «перевели на работу в Комитет белорусской взаимопомощи» [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «About the Byelorussian Committee “Krivichi”», 5 March 1957, p. 3]. Однако поработал он там недолго: возникли трения с комитетом по вопросам финансов, и вскоре Абрамчик уехал в Прагу. Никаких других форм сотрудничества Абрамчика с немецкими властями по документам ЦРУ не прослеживается.

Во время капитуляции Германии Абрамчику удалось перебраться в Париж, где он и начинал свою работу в среде белорусских эмигрантов.

Вначале Абрамчик сделал ставку на англичан и поляков. В июле 1947 г. он едет в Лондон, где встречается с польским правительством в изгнании. В ответ на «признание Абрамчика президентом БНР» последний давал согласие считать Западную Белоруссию польской территорией [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «About the Byelorussian Committee “Krivichi”», 5 March 1957, p. 3]. С генералом Андерсом также была достигнута договоренность, что в случае войны с Советским Союзом белорусы будут воевать под общим командованием британцев, а офицерами в белорусских соединениях станут поляки. Польское правительство взяло на себя обязательства финансировать деятельность БНР. Абрамчик сразу получил 300 фунтов стерлингов, что было существенной суммой для начала работы [NARA, RG 263, CIA, Ostrowski, Radoslaw, E ZZ-18, B 98. «The Belorussian Central

Rada (Council), Past and Present», August 22, 1952, p. 14]. В конце 1947 г. он прибыл в Германию, где работа Рады БНР начала строиться вокруг группы «Кривичи».

В оперативной информации ЦРУ говорилось, что «Кривичи» были созданы в июле 1945 г. в Регенсбурге, Германия. Целью организации являлась «подготовка будущего правительства Белоруссии». При этом она была сформирована на принципах «однопартийности, диктатуры и шовинизма». Группа «Кривичей» характеризовалась в американских документах как «крайне националистическая» и антирусская. Она выступала за полную независимость Белоруссии и против русского языка и русской культуры [4, с. 279–280].

Но уже к 1949 г. Абрамчик полностью переориентировался на другого хозяина – ЦРУ США.

В материалах ЦРУ сам Абрамчик оценивался как «непримиримо враждебный к СССР» сторонник независимой Белоруссии, готовый строить дружеские отношения со всеми странами, включая США [NARA, RG 263, CIA, Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1 «Contact Report on Cambista 4», 31 January 1952]. Первая поездка в США состоялась уже осенью 1949 г. По результатам поездки и состоявшегося общения с сотрудниками ЦРУ делалось заключение, что Абрамчик «мог быть полезен» ведомству [NARA, RG 263, CIA, Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. Memorandum «Contact with AECAMBISTA 4», 2 March 1954, p. 2].

При этом сразу следует заметить, что было бы неверным уравнивать лидеров белорусских националистов со всей или значительной частью послевоенной эмиграции Белоруссии в Западной Европе, когда речь идет о сотрудничестве с ЦРУ. Здесь следует говорить о плотной работе американской разведывательной службы лишь с верхушкой белорусской послевоенной эмиграции. А сами направления сотрудничества определялись исключительно интересами ЦРУ.

В самом начале ЦРУ ограничивало сотрудничество с ведомством Абрамчика двумя направлениями: содействие Раде Белорусской народной республики в публикации пропагандистских материалов, направленных на население в Белоруссии, и оказание финансовой помощи для издания эмигрантской газеты «Отечество» («Бацькаушчына»), которая начала выходить еще в 1946 г., но из-за нехватки средств печаталась нерегулярно. В 1951 г. ЦРУ взяло на себя финансирование издания. Объяснение этому со стороны

американского разведывательного ведомства звучало откровенно прагматично: БНР – наиболее влиятельная организация в среде белорусской политической эмиграции; «постоянный контроль над белорусской эмиграцией будет напрямую содействовать достижению целей ведомства» [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3. Memorandum for Chief, SR, 17 March 1958, p. 7].

Газета «Отечество» характеризовалась ЦРУ как «официальный белорусский голос в антибольшевистской борьбе» [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3, Memorandum for Chief, SR, 17 March 1958, p. 17]. Она распространялась в странах, куда белорусы перебирались из Германии: Бельгия, Франция, Голландия, Англия, Австралия, США, Канада и Южная Америка [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3. Memorandum for Chief, SR, 17 March 1958, p. 9].

Конечно, продвижение прозападной идеологии и антикоммунистических материалов в среде белорусской эмиграции на страницах печатных изданий было важной задачей для ЦРУ [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3. Memorandum for Chief, SR, 17 March 1958, p. 10]. В этом вопросе Рада БНР была незаменимым подспорьем. Но базовой целью и приоритетом в начавшейся холодной войне для американского разведывательного ведомства была подготовка и заброска на территорию Белоруссии агентов из числа белорусов-эмигрантов. Рада становилась для ЦРУ «источником агентуры» для будущей, как считалось тогда, неизбежной «горячей войны». Перед руководством БНР ставилась задача подборки людей для дальнейшего их рекрутирования и включения в программы подготовки нужных ведомству кадров [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3. Memorandum for Chief, SR, 17 March 1958, p. 11].

С самого начала услуги Рады БНР и ее руководителя довольно щедро оплачивались ЦРУ. Так, в ноябре 1951 г. Абрамчик, давая согласие на сотрудничество с американским разведуправлением по разным вопросам, включая, например, сбор для ЦРУ настоящей белорусской одежды, просил за эту работу ежемесячно по 1 тысяче долларов, поскольку БНР в Париже, по его выражению, «была бедной, как церковная мышь» [NARA, RG 263, CIA, Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. «Second Conference with Mykola Abramchik», 25 November 1951].

Аналогичные суммы фигурируют в материалах архива ЦРУ и в последующие годы. Так, в отчете офицера ЦРУ от 31 января 1952 г. по

результатам его общения с Абрамчиком читаем: около 15 белорусов в Оттаве (Канада) «готовили себя» для разведывательной и военной миссий в их родной стране; основной вопрос, который интересовал Абрамчика, был вопрос о выделении денег для деятельности его организации, речь шла о тысяче долларов в месяц [NARA, RG 263, CIA, Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. «Report on meeting between Abramchik and Ostrowsky», 1 August 1953].

В секретном внутриведомственном письме ЦРУ от 12 марта 1952 г. сообщалось, что Абрамчику (Cambista -4) была передана одна тысяча долларов на один месяц «для покрытия расходов на издание двух номеров его американской газеты с целью укрепления его влияния в среде местной белорусской оппозиции и поднятия его престижа по возвращению в Европу» [NARA, RG 263, CIA, Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. «Redsox», 15 May 1952].

Деньги от ЦРУ Абрамчик направлял в Бельгию на четыре разных счета: один счет социальной организации и три на проживавших там белорусов. Часть денег он желал получать наличными, поскольку официальная версия его поездок в США звучала как сбор благотворительных средств на нужды БНР, и это не могло вызывать ни у кого подозрений откуда у Абрамчика деньги [NARA, RG 263, CIA, Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. Memorandum. «Contact Report – Meeting with Cambista 4», 26 May 1953, p. 6].

Главным совместным проектом ЦРУ и белорусской эмиграции в Европе, детали которого в течение многих лет обсуждали представители американской спецслужбы с Абрамчиком и финансировали эту часть его деятельности, стал проект под названием «AEQUOR» («эй-кор» – лат. «водная гладь»).

Данный проект включал в себя подготовку разного рода операций на территории Белоруссии, вплоть до переброски туда диверсионных и разведывательных групп. Проект действовал с 1951 по 1962 гг. Кроме Абрамчика на разных его этапах в проекте были задействованы и прежние соратники Островского по минской Раде: Кушель, Рагуля, Станкевич, Тумаш.

В своем диссертационном исследовании Марк Александер называет именно Бориса Рагулю «архитектором плана Абрамчика по белорусско-американскому сотрудничеству» [11, p. 102].

В Национальном архиве США в числе рассекреченных документов ЦРУ имеются три тома материалов по проекту «AEQUOR».

Разрабатывая план проекта, сотрудники ЦРУ исходили из того, что на территории БССР имеется «движение сопротивления» советской власти, которое следует поддержать. С этой целью ставились задачи: подобрать, завербовать, подготовить, экипировать и забросить в БССР агентов; установить контакты с любым движением сопротивления в БССР; собрать разведывательную информацию о масштабах и степени сопротивления в БССР [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 1. Project Outline, 8 August 1951, p. 2].

При этом в ЦРУ хорошо понимали, что «любое указание на значительные группы партизан-националистов, якобы заполонивших леса Белоруссии в ожидании контактов с западным миром, было чистым мифом» [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3. Memorandum for Chief, SR, 17 March 1958, p. 18], и что в борьбе с Советским Союзом ведомству следует исходить из более выверенных подходов.

Для реализации поставленных задач американскому разведывательному управлению нужны были кадры для будущей агентурной работы. С помощью Рады БНР из числа молодых белорусских эмигрантов, в первую очередь во Франции, Бельгии, Великобритании, США и Канаде, был составлен список более 200 белорусов мужского пола в возрастной группе 18–33 года без каких-либо семейных связей, проявивших интерес к борьбе с большевизмом [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 2. AEQUOR Cadre School, 15 January 1953, p. 1].

На этом этапе и далее основная работа по отбору и подготовке кадров для американских антибелорусских проектов была проведена Борисом Рагулей. Именно Рагулю сотрудники ЦРУ определяли как «главного консультанта проекта «AEQUOR» и связующее звено между представителями США и БНР» [NARA, RG 263, CIA, Ragula, Boris, Vol.1. «Byelorussian SSR, USSR», 1 April 1951].

Как уже отмечаось в первой части работы, Рагуля в годы войны прошел обучение в диверсионной школе абвера для заброски в тыл Красной армии. В 1944 г., оказавшись в Германии, он участвует в создании в структуре абвера специального десантного батальона «Дальвитц», целью которого была подготовка белорусских диверсантов. С 1951 г. началось его плотное сотрудничество с ЦРУ. Рагуля значился как «агент основного типа» [NARA, RG 263, CIA, Ragula, Boris, Vol.1, «Engagement of CAMBISTAS 2 AND 5», 1 May 1953], занимался подготовкой будущих агентов для заброски на территорию Белоруссии.

Псевдоним Рагули в документах ЦРУ – CAMBISTA-2.

Первым агентом в рамках проекта « AEQUOR» стал Янка Филистович.

Иван Филистович родился в Молодечненской области в семье зажиточного крестьянина, арестованного перед войной как кулак. В 1943 г. Иван Филистович, недовольный советской властью, охотно пошел служить по мобилизации в нацистский 13-й батальон СД. Участвовал в карательных операциях против партизан, в уничтожении еврейских гетто, в том числе Минского. После войны оказался в Париже, поступил на исторический факультет в Сорбонну, где сблизился с белорусскими националистами. Здесь он попал в поле зрения Бориса Рагули, который и подготовил его как агента для проекта «AEQUOR».

Заброска первого агента в БССР состоялась с американского самолета в ночь с 21 на 22 сентября 1951 г. у деревни Левково в районе Молодечно [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 2, Memorandum «AEQUOR Operation», 7 March 1953, p.1]. Это были родные места Филистовича.

Филистович, имея хорошую легенду о том, что он был якобы вывезен немцами на работу в Германию, не пытался скрываться. Он встречался со многими людьми, несколько раз ездил в Вильнюс, Гродно, Барановичи, Молодечно. Отправлял за рубеж донесения о количестве войск, аэродромах и т.д. Донесения писались кровью из пальца, разбавленной водой между строк обычного письма.

11 сентября 1952 г. Филистович был арестован сотрудниками НКВД.

Из материалов уголовного дела (протокола допроса И.А. Филистовича от 4 декабря 1952 г.) хорошо видна суть работы с будущими агентами Бориса Рагули: «…Незадолго до моей переброски в Советский Союз, в предпоследнюю встречу с Рогулей в Мюнхене, последний, разъясняя мне задачи, которые ставятся передо мной по сбору и отправке за границу информации по Белоруссии, сказал, что настоящее положение не всегда выгодно показывать американцам. С этой целью Рогуля разработал ряд условностей, с помощью которых я мог бы сообщать в своих донесениях за границу действительное положение в Белоруссии о так называемом «партизанском движении», и это понимал бы только Рогуля. Американцам по этому вопросу, как говорил мне Рогуля, я должен был представлять сведения в явно преувеличенном виде.

– С какой целью скрывалось от американцев настоящее положение?

– Рогуля объяснял мне, что американцев следует заинтересовать наличием якобы большой подпольной силы белорусских националистов в Белоруссии. Это увеличит, говорил мне Рогуля, помощь со стороны американцев белорусскому националистическому центру за границей в его подрывной деятельности против Советского Союза. Это был расчет на выманивание у американцев больших средств» [7, с. 78].

Летом 1952 г. были готовы для заброски еще четыре агента, подготовленных Рагулей. Все они являлись этническими белорусами.

Интересно посмотреть на биографии этих молодых белорусов, из которых Рагуля делал хорошо подготовленных агентов.

Геннадий Костюк («Бен») в годы оккупации Белоруссии служил в батальоне Белорусской краевой обороны (БКО), участвовал в карательных операциях против советских партизан. После капитуляции Германии до 1948 г. находился в лагере для перемещенных лиц на территории Дании. Затем выехал во Францию, где являлся секретарем Парижского отдела Белорусской независимой организации молодежи (БНОМ). В 1952 г. при содействии Рагули попал в американскую разведшколу в городе Кауфбейрене недалеко от Мюнхена.

Тимофей Остриков («Карл») в составе стрелкового полка попал в окружение под городом Гжатском (ныне город Гагарин Смоленской области). Потом был плен, лагерь военнопленных в Юхнове (Калужская область) и Рославле (Смоленская область). Бежал. Вернулся в родную деревню в оккупированной нацистами Гомельской области Белоруссии. Добровольно выехал в Германию. После окончания войны до 1946 г. находился в лагере для польских граждан, размещенном в американской зоне оккупации недалеко от города Марбурга. Затем перебрался в Великобританию на работы в шахтах, где вступил в Объединение белорусов в Великобритании, стал членом Объединения белорусских студентов в эмиграции, которым руководил Рагуля. Вскоре будет Бельгия, помощь Рагули для зачисления в белорусскую группу Лювенского университета на факультет физвоспитания. Далее окажется в разведшколе в Кауфбейрене.

Михаил Кальницкий («Джо») в начале войны вступил в полицию на территории оккупированной Полеской области. В 1943 г. выехал в Германию. После войны перебрался на территорию Бельгии, где вступил в Союз белорусов в Бельгии. В 1952 г. с помощью Рагули попал в Кауфбейренскую разведшколу.

Михаил Артюшевский («Фин») в 1943 г. был насильственно вывезен на работы в Германию. В 1945 г. освобожден американскими войсками и принят на работу в одну из воинских частей. В 1946–1951 гг. проживал в Германии, США, Великобритании. В начале 1952 г. при содействии Рагули принят в ту же американскую разведшколу.

В ночь с 26 на 27 августа 1952 г. группа из четырех человек, вылетевшая с аэродрома Висбаден, была десантирована с американского военного самолета на территорию БССР в южной части Налибокской пущи в Молодечненской области. Все прошло штатно, незаметно [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 2, Summary Review of AEQUOR II Operation: 26 August-10 December 1952, p. 2].

Связь с группой продолжалась вплоть до января 1955 г. К этому времени от группы поступило 65 радиосообщений. В меморандуме ЦРУ от 12 апреля 1955 г. уже звучит подозрение в том, что группа попала в руки советских спецслужб и находится под их контролем [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 2, Memorandum «Courses of Action Should the RIS Surface AEQUOR Team II», 12 April 1955, p. 1]. Предполагая, что в таком случае советские власти обязательно начнут использовать это в своей информационной войне, ЦРУ так определило для себя возможную линию поведения: ЦРУ вообще ничего не комментирует, Госдеп все отрицает, всю «вину» берет на себя БНР, которая якобы еще несколько лет назад за счет собственных средств забросила в БССР эту группу. Такой сценарий должен был не только отвести все возможные обвинения от США, но и повысить престиж Рады БНР в среде белорусской эмиграции в части ее активности в борьбе с коммунизмом на территории СССР [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 2, Memorandum «Courses of Action Should the RIS Surface AEQUOR Team II» , 12 April 1955, p. 2].

В реальности же этим агентам фактически ничего не удалось сделать. Оказавший вооруженное сопротивление М. Кальницкий умер от полученного ранения. М. Артюшевский явился с повинной в отделение МГБ, показал место базирования группы со всем снаряжением и координаты предстоящей встречи агентов. Г. Костюка арестовали на пути к месту встречи в Новогрудском районе. Т. Острюков был арестован в лесу уже на оговоренном месте встречи. В районе базирования группы были обнаружены парашюты, две радиостанции, радиоприемник, два портативных фотоаппарата, семь пистолетов, три автомата с большим количеством патронов, две стреляющие авторучки, топографические

карты, компасы, средства тайнописи, медикаменты, яды, а также 206 тысяч советских рублей, 4 тысячи польских злотых и 500 германских марок.

В ноябре 1955 г. военный трибунал Белорусского военного округа приговорил Т. Острикова и Г. Костюка к 25 годам заключения. М. Артюшевский за явку с повинной был освобожден от уголовной ответственности.

На 1954 г. планировалось завершить подготовку и забросить на территорию БССР еще трех агентов [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 2, Project Outline, 31 August 1953, p. 3].

Однако в этом же году, не получив, как он считал, понимания и должной поддержки в своей работе с белорусской эмиграцией со стороны ЦРУ, из Бельгии уехал на постоянное жительство в Канаду майор Рагуля, активно сотрудничавший с ЦРУ в вопросах подготовки агентов с 1951 г.

К концу 1950-х гг. неэффективность проекта «AEQUOR» становилась все более очевидной. Основанием для прекращения программы, по оценке ЦРУ, стала недостаточность свидетельств, что проект «в значительной степени способствует достижению задач ведомства» [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3, Memorandum for Chief, SR Division, 29 August 1961, p. 1]. 31 декабря 1961 г. проект был закрыт. С этого же дня прекращалось и финансирование газеты «Отечество» [NARA, RG 263, CIA, AEQUOR, Vol. 3, Memorandum for Chief, SR Division, 29 August 1961, p. 2].

Среди послевоенной белорусской эмиграции фигура Бориса Рагули с полным на то основанием может быть поставлена на второе место после председателя Рады БНР Николая Абрамчика, особенно в части их сотрудничества с ЦРУ. Как мы видели, именно Рагуля лично работал с агентами-диверсантами для их заброски на территорию БССР.

Но, как это нередко бывает, такие эпизоды почему-то выпадают из воспоминаний и мемуаров коллаборационистов. Именно такое произошло с памятью 83-летнего Бориса Рагули, когда он готовил свою книгу воспоминаний «Против течения», изданную в 2005 г. [23].

К концу войны Рагуля оказался в Тюрингии, на подконтрольной американцам территории Германии. Затем, опасаясь репатриации и желая начать обучение медицине, он перебрался далее на запад до Марбурга, где имелся медицинский университет, и Рагулю приняли на обучение.

В 1949 г. Рагуля нелегально перебрался в Бельгию, устроился на работу на сталелитейный завод, затем продолжил обучение на медицинском факультете в Лёвенском католическом университете. Закончил обучение в 1951 г.

А далее у автора мемуаров происходит странный временной провал и разрыв в четыре года. Рагуля продолжает свои мемуары, описывая переезд в Канаду в конце 1954 г., куда его пригласили для работы в госпитале святого Иосифа в городе Лондон, провинция Онтарио. В Канаде Рагуля построит удачную карьеру врача-онколога. Уйдет из жизни в апреле 2005 г.

Пробелы «бельгийского периода» в памяти Бориса Рагули с достаточной информативностью восполняют недавно рассекреченные материалы фонда ЦРУ в Национальном архиве США.

Уже в одной из первых справок сотрудников ЦРУ 1948 г. Рагуля характеризовался как убежденный антикоммунист, имевший опыт антисоветской разведывательной деятельности с белорусскими группами: «эгоистичен, амбициозен, изначально заинтересован в продвижении белорусского национализма» [NARA), RG 263, CIA, Ragula, Boris, Volume 1, A1 88, ZZ 18. «Boris Ragula», 27 October 1948].

В Бельгии Рагуля являлся представителем Рады БНР, то есть уполномоченным Николая Абрамчика.

В справке ЦРУ 1951 г. дается более развернутая характеристика личных качеств Рагули: зрелый, образованный, целеустремленный с хорошим чувством юмора, с абсолютно западными манерами, думает быстро и изъясняется хорошо, говорит прямо, без каких-либо попыток быть скрытным или звучать важным. Говорит на белорусском, русском, польском, немецком, французском и немного на фламандском и итальянском языках. И делается вывод: «По всему, он, похоже, хороший выбор со стороны Абрамчика для связи с нами» [NARA, RG 263, CIA, Ragula Boris, Volume 1, A1 88, ZZ 18. «Belorussian Émigré Organizations. Major Boris Ragula», 7 February1951, p. 4].

В документе ЦРУ от 1 мая 1953 г. раскрываются детали изначальных договоренностей об условиях работы Рагули на ЦРУ. Отмечается, что между Рагулей и ЦРУ было заключено только устное соглашение о сотрудничестве. Оно датировано 2 января 1951 г. и было бессрочным. Оговаривалось, что этот устный контракт действителен до тех пор, пока не прекратится операционное сотрудничество между белорусской эмигрантской организацией и ЦРУ. Рагуля

определялся как «агент основного типа» [NARA, RG 263, CIA, Ragula, Boris, Vol.1, A1 88, ZZ 18. «Engagement of CAMBISTAS 2 AND 5», 1 May 1953].

В соответствии с этим устным контрактом Рагуля получал от ЦРУ:

1) ежемесячную заработную плату (значилась как «на личные расходы») в размере 15 000 бельгийских франков, что составляло около 300 американских долларов. В документе отмечается, что эта сумма выделялась «на операционную работу», а также для того, чтобы, чтобы «объект» имел возможность «поддержать семью»;

2) сумму денег на покрытие транспортных расходов, оплату по счетам или другим финансовым документам: телефон, телеграф, почтовые отправления, «операционные развлечения», такси и «другие расходы, связанные с выполнением обязанностей по работе»;

3) денежные средства на суточные расходы в размере 35 немецких марок или в эквиваленте другой иностранной валюты в день в служебных поездках [Там же].

Иногда выплачивались дополнительные средства. Так, например, финансовая ведомость от 8 августа 1952 г. свидетельствует, что на расходы по операции «REDSOX / AEQUOR» для Рагули было выплачено чуть более 463 тысяч бельгийских франков, что составляло более 9 264 американских долларов [NARA, RG 263, CIA, Ragula Boris, Vol.1, A1 88, ZZ 18. «Notification of transfer of funds», 8 August 1952].

А 20 января 1953 г. на имя Рагули мюнхенский офис ЦРУ перевел 100 000 бельгийских франков с припиской «дополнительно к постоянной заработной плате» и 3918 американских долларов [NARA, RG 263, CIA, Ragula, Boris, Vol.1, A1 88, ZZ 18. «REDSOX / AEQUOR», 20 January 1953].

При этом в одном из документов американского разведывательного ведомства отмечается, что деньги для Рагули были не главным стимулом в работе с ЦРУ. Встречи и беседы офицеров ЦРУ с Рагулей еще летом и осенью 1951 г. показали, что он хочет работать в проекте на основе полного взаимопонимания и доброй воли. Его виденье заключалось в следующем: сотрудничество с американцами в противоположность многим другим его соотечественникам должно измеряться не долларами, а результатом совместной работы [NARA, RG 263, CIA, Ragula Boris, Vol. 1, A1 88, ZZ 18. «Notification of transfer of funds», 8 August 1952].

Правда, такого рода рассуждения не очень подтверждаются приведенными нами ранее свидетельскими показаниями первого агента Филистовича, согласно которым главной задачей для Рагули было выкачивание как можно большего количества денег из бюджета ЦРУ.

В марте 1952 г. сотрудники ЦРУ обсуждали полученные от Рагули настоятельные рекомендации о необходимости как можно скорее создать что-то наподобие военного подразделения из белорусов-эмигрантов [NARA, RG 263, CIA, Ragula Boris, Vol. 1, A1 88, ZZ 18. «REDSOX / AEQUOR», 18 March 1952]. Двухстраничное предложение Рагули называлось «Проект школы». Рагуля пишет, что белорусская политическая эмиграция на Западе никогда не исключала мысль о возвращении на родину и продолжении борьбы за освобождение Белоруссии от большевиков. Однако после окончания войны прошло уже 7 лет, и большинство эмигрантов стали обустраиваться в новых странах, часть из них – с мыслями о постоянном жительстве.

Рагуля констатирует, что большая часть белорусской эмиграции проживает в Англии, США, Канаде и Австралии. Процесс ассимиляции происходит довольно быстро. Многие готовы и сейчас пойти воевать за свободную Белоруссию, но для этого надо создавать армию. С этой целью Рагуля предлагал создать школу для офицеров и прапорщиков. В нужное время они могут быть переброшены на территорию Белоруссии.

Такая школа должна была создаваться под прикрытием «иностранцы в американской армии», что снимало бы возможные подозрения. Школа должна быть белорусской, инструкторами в ней – белорусские и американские специалисты. Это виделось Рагуле чем-то вроде американской военной базы из числа белорусов. Именно здесь было бы гораздо удобнее подбирать кадры для проектов, которые в то время осуществлялись (явно имеются в виду «REDSOX» и «AEQUOR». – *Е.К.*). Период подготовки в школе – два года. Если к тому времени на повестке дня не будет вопроса о войне с Советским Союзом, заключал Рагуля, группа демобилизуется, а ее участники останутся жить в США [Там же, p. 1–2].

В совокупности с другими архивными документами данное предложение Рагули просматривается как завуалированное стремление создать себе постоянное, с хорошим доходом рабочее место в Западной Европе. Да еще и в

той сфере, где Рагуля мог по праву считаться специалистом, получив хорошую подготовку в диверсионных школах абвера.

В то же время идейная основа коллаборационизма Рагули, как при нацистах, так и с ЦРУ, никуда не пропала даже при вполне обустроенной жизни в Канаде. Рагуля не потерял интерес к сотрудничеству с ЦРУ, имея хорошую работу и статус признанного врача. И, должно быть, именно по этой причине, когда летом 1956 г. Абрамчик, находившийся в Вашингтоне для обсуждения деталей проектов «AEQUOR» и «REDSOX», позвонил ему в Канаду и попросил прилететь в США для участия в обсуждении указанных вопросов, Рагуля внес необходимые изменения в свой рабочий график и прилетел в Вашингтон на следующий день [NARA, RG 263, CIA, Ragula Boris, Vol. 2, A1 88, ZZ 18. «Planning Conferences with M. Abramtchik and B. Ragula of the BNR from 10–14 September 1956» (документ не датирован), p. 4].

После обсуждения ошибок, сделанных в белорусских операциях и со стороны ЦРУ, и руководством белорусских националистов, Рагуля с удовольствием согласился поработать теперь уже с другим руководством проектами от ЦРУ. Абрамчик и Рагуля взяли на себя курирование вопроса отбора и подготовки потенциальных белорусских кадров на случай войны с Советским Союзом.

Правда, практического воплощения проекта «REDSOX» и непосредственного участия в нем Рагули не последовало, поскольку все белорусские проекты в Европе ЦРУ вскоре закроет.

Некоторые итоги. Война неизбежно порождает коллаборационизм той или иной части населения с оккупационными властями. Белоруссия не могла быть исключением в данном вопросе: на службу к фашистам в годы Великой Отечественной войны пошли и пострадавшие от репрессий, и раскулаченные, и идейные националисты, желавшие строить независимую Белоруссию вне государственных рамок Советского Союза, надеясь на освободительную миссию вермахта. Особенностью белорусского коллаборационизма стало и то, что вместе с немецкими войсками на территорию республики возвращались из европейских государств и покинувшие ее ранее националисты, которые занимали должности в местных органах власти. В европейских государствах для управления территориями нацисты использовали прежние органы власти, на востоке же им пришлось создавать новые структуры. В этом оккупантам значительную помощь оказывали именно вернувшиеся в страну белорусы.

По сравнению с соседними украинскими и литовскими землями степень националистического угара среди белорусского населения была значительно ниже, а отношение нацистов к белорусам, как к «унтерменшен» («недочеловекам»), массовое истребление евреев и военнопленных быстро отрезвило питавших иллюзии на освободительную миссию вермахта.

При активном участии верхушки белорусских националистов на оккупированной территории под полным контролем немцев были созданы местные органы управления и охраны порядка. Однако, как только националисты начали поднимать вопрос о формировании национального правительства, сразу последовали репрессии летом 1942 г. – аресты, высылки, расстрелы. Созданные в 1943–1944 гг. Рада доверия и Центральная рада не успели стать по-настоящему марионеточными органами власти, поскольку в ходе освободительной операции «Багратион» Белоруссия избавилась и от фашистского режима, и от их белорусских пособников, сбежавших в Германию, а затем осевших в разных странах Европы и других континентов.

Общая численность беженцев-белорусов в Западной Европе составляла около 200 тысяч человек. Большая часть из них была репатриирована в СССР, 2,5 тысячи перебрались в другие страны, из них 1,1 тысячи – в США. Число оставшихся в Европе белорусов в конце 1951 г. составляло 60 тысяч человек [28, p.85–87] из общей численности советских «невозвращенцев» в количестве около 250 тысяч человек [15, p. 111].

Эта новая послевоенная эмиграция станет объектом пристального внимания и интереса со стороны Центрального разведывательного управления США в рамках появившегося уже в марте 1948 года секретного документа под названием «Использование беженцев из Советского Союза в национальных интересах США», автором которого был Джон Патон Дэвис из группы политического планирования государственного департамента США. Ответ на вопрос «как и для чего использовать эмигрантов» звучал предельно конкретно: для того чтобы «заполнить ниши в нашей текущей разведывательной деятельности, в общественной информации и в политико-психологических операциях» [21, p. 200]. Именно в таком ключе и будут выстраивать свои отношения американское разведывательное ведомство и Рада Белорусской Народной Республики (в изгнании) во главе с ее председателем Николаем Абрамчиком.

Рада БНР станет своеобразным поставщиком кадров для подготовки

агентов и их дальнейшей заброски на территорию советской Белоруссии. ЦРУ будет разрабатывать и далеко не скупо финансировать нужные ведомству разведывательные и пропагандистские проекты и программы. Верхушка Рады будет отвечать за кадровое обеспечение нужного количества агентов из числа эмигрантской белорусской молодежи, распространение информационных материалов в среде национальной европейской эмиграции и, по возможности, на территории БССР.

Наиболее активно эта работа будет вестись в начальный период холодной войны, когда основная ставка будет сделана на заброску агентов в Белоруссию и издание основной белорусско-эмигрантской газеты «Отечество». Однако никакого ожидаемого «движения сопротивления» внутри БССР это не вызвало. К концу 1961 г. все проекты ЦРУ по Белоруссии, проводимые с 1951 г., будут закрыты.

За это время практически все, даже непосредственно запятнавшие себя в организации массовых расстрелов соотечественников в годы войны белорусские националисты окажутся под защитой ЦРУ в США или в других странах.

Как видим, двойные стандарты активно применялись американцами уже и тогда.

Очевидно, что тема белорусского коллаборационизма далеко не исчерпана имеющимися на сегодня исследованиями и будет активно разрабатываться и дальше. При этом можно предположить, что основным направлением станет изучение не столько деятельности отдельных коллаборационистских структур (например, Белорусской центральной рады или Белорусской краевой обороны), сколько участия местного белорусского населения в имевших место репрессивных практиках на оккупированных территориях, в том числе и в борьбе с партизанами, в организации новой белорусской школы с нацистской идеологией и др. Ожидаемы и работы по пересмотру концепта изначального зачисления всех сотрудничавших с нацистами белорусов в категорию преступников, действовавших во вред своему государству и народу.

Рассекреченные документы ЦРУ и ФБР дают возможность показать своего рода двойной коллаборационизм белорусских националистов, вначале активно сотрудничавших с фашистами, а затем направивших свои усилия на борьбу с БССР в годы холодной войны под эгидой американских спецслужб. В этом

вопросе, скорее всего, первенство в работе с архивными документами, как и в настоящее время, будет за зарубежными исследователями.

Литература

1. Гардзіенка А. Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне – дзейнасць – заняпад (1943–1995). Мінск: Knihazbor, 2016. 478 с.
2. Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941−1945. Центрполиграф, 2019. 639 с.
3. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 4. Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2019. 567 с.
4. Кодин Е.В. Абрамчик и Островский: борьба за лидерство в среде белорусской послевоенной эмиграции // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 253–270.
5. Кодин Е.В. Американский комитет освобождения от большевизма и советская эмиграция в Европе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1061–1073.
6. Кодин Е.В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск: СмолГУ, 2016. 272 с.
7. Лицкевич О. «Рух зусім незалежніцкі…» // Беларуская думка. 2009. № 8. С. 74–81.
8. Романько О.В. Белорусские коллаборационисты: сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941–1945. Москва: Центрполиграф, 2013. 478 с.
9. Романько О.В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь: Антиква, 2008. 304 с.
10. Соловьев А. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах / под ред. С.М. Симонова. Минск: Навука і тэхніка, 1995. 176 с.
11. Alexander M. Nazi Collaborators and Cold Warriors: America's Belarusian Quislings. The George Washington University. ProQuest Dissertations Publishing, 2019. 298 p.
12. Beorn W.W. Marching into darkness: the Wehrmacht and the Holocaust in Belarus. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2014. 314 p.
13. Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies. 2nd ed. Boulder, Colo.: Westview Press, 1981. 707 p.
14. Exeler Fr. What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2016. Vol. 17. № 4. P. 805–835.
15. Fisher G. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, MA, 1952. 230 p.
16. German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies. BY Alexander Dallin. London: Macmillan and Company; New York: St. Martin's Press, 1957. 682 p.
17. Kalush V. In the Service of the People for a Free Byelorussia: Biographical Notes on Professor Radoslav Ostrowski. London: Abjednannie, 1964. 92 p.

18. Loftus J. America's Nazi Secret. Walterville, OR: Trine Day, 2010. 513 p.
19. Loftus J. The Belarus Secret, ed. Nathan Miller. New York, 1982. 196 p.
20. Lubachko I.S. Belorussia Under Soviet Rule, 1917–1957. Lexington: University Press of Kentucky, 1972. 240 p.
21. O'Connell C. Social Structure and Science: Soviet Studies at Harvard, PhD Dissertation, University of California, Los Angeles, 1990. 418 p.
22. Proudfoot M. European Refugees: 1939–1952. A Study in Forced Population Movement. Illinois, 1956. 542 p.
23. Ragula B. Against the current: the memoirs of Boris Ragula. Montreal; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2005. 185 p.
24. Rein L. The Kings and the Pawns. Collaboration in Byelorussia during World War II. New York, Berghahn Books, 2011. 458 p.
25. Rein L. Local Collaboration in the Execution of the «Final Solution» in Nazi-Occupied Belorussia // Holocaust and Genocide Studies, Vol. 20, # 3, Winter 2006, pp. 381–409.
26. Reuss A. Holocaust by bullets: The German organization of mass murder in Belarus, 1941–1944 // Occupation, annihilation, forced labour: Papers from the 20-th Workshop on the History and Memory of National Socialist Concentration Camps / ed. by Bonnesoeur F., Dinkelaker Ph., et al. Metropol-Verlag, 2017, pp. 29–55.
27. Rudling Per A. Terror and local collaboration in occupied Belarus: the case of the schutzmannschaft Battalion 118. I. Background // Historical Yearbook. 2011. Vol. VIII. Pp. 195–214.
28. The Refugee in the Post-War World. By Jacques Vernant. New Haven: Yale University Press, 1953. 827 p.
29. Vakar N.P. Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Harvard University Press. Cambridge, MA, 1956. 297 p.

E.V. Kodin
Smolensk State University

Belarusian collaboration: modern approaches and assessments

Key words: *The Great Patriotic War; Belarus; nazism; collaboration; the Cold War; the CIA; Belarusian nationalists.*

The article attempts a comprehensive analysis of a kind of «double collaboration» of individual representatives of the Belarusian nationalist elite: first aiding the Nazis in the occupied land of Belarus, and then during the Cold War – close cooperation with the American Central Intelligence Agency. The paper presents the evolution of historiographical approaches and assessments of collaborationism, starting from the 1950-s up to modern research, both Russian and Belarusian, and foreign. The basic source for the preparation of the publication was the relatively recently declassified CIA documents from the US National Archives.

И.И. Родионов

Смоленский государственный университет

УДК 93/94

Современное польское белорусоведение на страницах журнала «Studia Białorutenistyczne» (Люблин)

Ключевые слова: *зарубежное белорусоведение; Польша; университет Марии Кюри-Склодовской; журнал «Studia Białorutenistyczne».*

В статье аннотируются публикации польского журнала «Studia Białorutenistyczne» по разным аспектам белорусской истории. Инициатором создания данного журнала стал гуманитарный факультет Института славянской филологии при университете Марии Склодовской-Кюри в Люблине. Первый номер ежегодника вышел в 2007 г. Издание, как и предполагалось изначально, имеет в целом филологическую направленность. Однако рассматриваются на его страницах и вопросы из сферы гуманитарных и социальных наук. В части белорусоведческой тематики журнал ставил перед собой задачу обновления имевших место в прошлом исследовательских концепций. Общая тематика статей по белорусской истории находится в рамках польско-белорусских взаимоотношений и польского нарратива. Однако в большинстве исторических публикаций журнала со всей очевидностью проступает одна линия – польская.

Авторами первых работ по польскому белорусоведению можно считать ученых Гродненского государственного университета, объединенных научным исследовательским центром под руководством профессора Д.В. Карева [1; 2]. Д.В. Карев отмечал, что к началу XXI в. в Польше появились институциональные центры, специализировавшиеся на белорусоведении (Варшава, Вроцлав, Белосток, Люблин, Ольштын, Гданьск) [1, с. 379]. В настоящее время одним из современных центров польского белорусоведения является университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине.

Здесь при гуманитарном факультете Института славянской филологии издается журнал «Белорусоведческие исследования» («Studia Białorutenistyczne»). Это рецензируемый ежегодник, посвященный Беларуси и польско-белорусским культурным, литературным и языковым связям на протяжении всей истории. В журнале рассматриваются вопросы из области гуманитарных и социальных наук: литературоведения, лингвистики, истории, социологии, политологии и религиоведения. Журнал преследует следующие цели: представление новых направлений в научных исследованиях, введение в научный оборот новых источников, обновление исторических и современных концепций по вопросам, связанным с белорусоведческими исследованиями[1].

На сайте журнала в свободном доступе размещены 10 номеров (с 2013 по 2022 гг.). Изначальная структура журнала включала в себя такие разделы: биографии, статьи, рецензии, отчеты о конференциях. Современные номера (2020–2022 гг.) структурно более детальны: история, культура и социология, литературоведение (Literary studies), лингвистика, reviews, доклады, биографии. Заголовки, аннотации, ключевые слова публикуемых статей даются на трех языках: английском, польском, белорусском. Три этих языка возможны для подготовки и публикации текстов статей. Выбор языка остается за автором текста. Исторические исследования базируются в значительное мере на материалах таких архивов, как Archiwum Akt Nowych, Instytut Polski i Muzeum Sikorskiego w Londynie, the National Archives in London и т.п. Работы по истории представлены практически в каждом номере двумя публикациями, что составляет около 10% от общего количества статей.

Общая тематика статей по белорусской истории находится в рамках польско-белорусских взаимоотношений и польского нарратива: например, история Великого княжества Литовского, история белорусского национального движения и роль поляков в нем, религиозная история, история повседневности, история Западной Белоруссии, история белорусов в Польше, анализ периодики, история «белорусского вопроса» и т.п.

[1] Сайт журнала, раздел «Главная». URL: https://journals.umcs.pl/sb/index (дата обращения: 29.03.2023 г.).

Концептуальные оценки и подходы белорусоведческих исследований можно увидеть на примере отдельных публикаций. Представим их в хронологическом порядке.

Работа А. Семянчук «Eufrozyna – Przedsława – Prakseda – Paraskiewa w białorusko-litewskich kronikach XVI wieku» («Евфросиния – Пшедслава – Пракседа – Параскева в белорусско-литовских летописях XVI века»), опубликованная в 2020 г. [9], касается раннего периода белорусской истории – XVI века. Вначале автор констатирует, что житие Евфросинии Полоцкой к началу XVI века почти полностью исчезло из поля зрения интеллектуалов того времени, сохранились лишь некоторые отголоски. Житие было переписано заново в соответствии с требованиями определенных социальных групп, и затем его элементы уже в измененном виде вошли во второе издание хроники Великого княжества Литовского [9, p. 12]. Автор считает, что образ Евфросинии Полоцкой XII в. в итоге трансформировался в образ католической Пракседы [9, p. 29].

А. Серков, автор статьи «Polityka władz lokalnych wobec rosyjskojęzycznych towarzystw kulturalno-oświatowych na terytorium guberni białoruskich w latach 1905–1914» («Политика местных властей в отношении русскоязычных культурно-просветительских обществ на территории белорусских губерний в 1905–1914 гг.») [10], вначале пишет о том, что события революции 1905 г. оказали непосредственное влияние на формирование новой политики правительства Российской империи по отношению к общественным движениям, в том числе и на территории белорусских губерний (части Вильнюсской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской) [10, p. 55]. Объявление манифеста 17 октября 1905 г., а затем временные законы «Об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. способствовали массовой легализации культурно-просветительских обществ [10, p. 55].

Далее приводятся примеры деятельности отдельных обществ. По мнению Серкова, наиболее вовлеченным в политическую деятельность оказалось «Минское общество любителей изящных искусств», члены которого принимали участие в революционном движении 1905–1906 гг. Общество было зарегистрировано в 1898 г. и было направлено на содействие развитию искусства и его распространению в Минске [10, p. 56]. Серков отмечает, что между 1905 и 1906 гг. литературные и семейные вечера,

организованные «Минским обществом любителей изящных искусств», часто заканчивались криками: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!». Обществом распространялись листовки, устраивались политические костюмированные вечера, которые, по мнению властей, представляли собой критику центральных и губернских властей [10, p. 57].

Руководство «минского общества» решило зарегистрировать новую организацию – «Минское литературно-художественное общество». Соответствующее ходатайство было подано в губернское управление по делам обществ 19 апреля 1906 г. При обсуждении документа 10 мая 1906 г. губернатор Курлов высказался против регистрации новой организации, утверждая, что его основатели являются членами «Общества любителей изящных искусств», деятельность которого носила антиправительственный характер [10, p. 58].

М. Корженовский в статье «Białoruś i jej mieszkańcy w latach I wojny światowej w świetle wspomnień» («Беларусь и ее жители в годы Первой мировой войны в свете воспоминаний») [8] отмечает, что записанные воспоминания имеют различную познавательную ценность. Для одних контакт с белорусской реальностью стал поводом для составления записей о различных аспектах менталитета, культуры белорусов. Для некоторых авторов опыт Беларуси представлял собой последствия вынужденного ухода из родных мест, находившихся в Королевстве Польском или Литве [8, p. 23]. При этом воспоминания, по мнению автора, дают богатый материал с описаниями деревень, поселков и городов, характеристиками местного населения и в то же время с оценкой политических устремлений белорусов в эпоху Первой мировой войны [8, p. 32–33].

Д. Тарасюк в работе «Polacy wobec białoruskich aspiracji narodowych w Mińsku w 1917 roku» («Поляки и белорусские национальные устремления в Минске в 1917 году») [11], констатирует, что социальным и политическим последствием Февральской революции 1917 г. в России стала надежда живущих в пределах Российской империи народов (в том числе и белорусов – *И.Р.*) на политическое освобождение [11, p. 29]. Но внутри самой Белоруссии различные фракции по-разному видели будущее страны. Так, если, например, Польский демократический союз в январе 1918 г. разработал программу, направленную на полную независимость Белоруссии при одновременном обеспечении национальной и культурной автономии

польского меньшинства [11, p. 32], то Белорусский национальный комитет, созданный 25 марта 1917 г. в Минске, в своей декларации высказался за автономию Белоруссии в составе РСФСР и подверг резкой критике сторонников присоединения к Польше [11, p. 34]. Автор приходит к выводу, что большинство белорусских политиков того времени поставили бы сотрудничество с поляками в зависимость от их согласия признать усилия Белоруссии по обретению независимости. Однако многие поляки сочли это неприемлемым и пожелали присоединить белорусскую территорию к Польше [11, p. 35–36].

Несостоявшиеся по сути своей проекты по изданию национальныой белорусской прессы в 1920 – начале 1930-х гг. за пределами Белоруссии нашли свое отражение в работе М. Янковяка «Prasa białoruska międzywojennej Łotwy (przegląd wydawnictw)» («Белорусская пресса межвоенной Латвии (обзор публикаций)») [7]. Автор статьи приходит к выводу, что создание новых белорусских газет и периодичность их выхода в Латвии в указанный период зависели в первую очередь от финансирования белорусских организаций и их деятельности, а также от текущих политических событий [7, p. 11]. В большинстве своем белорусские периодические издания в Латвии выходили только в одном или нескольких номерах, а затем выпуск прекращался. Подчеркивается, что одного желания белорусских активистов создавать белорусскоязычные СМИ, информировать своих соотечественников о текущих событиях было недостаточно: эта работа требовала одновременно решения больших организационно-финансовых вопросов [7, p. 27].

Исследование П. Чихорацкого и Д. Дюфрата, опубликованное в формате статьи в 2019 г. «U progu dymisji. Wojewoda poleski Jan Krahelski wobec sytuacji na Polesiu w 1932 r.» («На грани отставки. Воевода Полесья Ян Крахельский и положение на Полесье в 1932 году») [4] показывает, что в период экономического спада в Польше начались сдвиги в национальной политике властей II Польской Республики по отношению к славянским меньшинствам (в том числе и белорусам – *И.Р.*) [4, p. 59]. Авторы отмечают, что эволюция национальной польской политики, которая начала прорастать в руководстве с конца 1920-х гг., была ориентирована главным образом на полонизацию [4, p. 60]. Деятельность же Я. Крахельского они предлагают рассматривать как пример реализации варианта политики, основанной на

принципе регионализации и отражающей более мягкий подход к белорусским вопросам. Крахельский рассматривается в работе как противник «польского национализма», считая его вредным для политики польского государства [4, p. 60].

В этом же номере журнала была опубликована полемическая статья Д. Бугайска-Вецлавской «Między pomnikami zwycięzców a grobami na wiejskich cmentarzach. Polska – Białoruś. Rozważania o historiozofii» («Между памятниками победителям и могилами на сельских кладбищах. Польша – Беларусь. Размышления об историософии») [3]. Вначале автор касается «распада наций» в Европе в 1989 г. и последовавшего за ним распада в 1991 г. Советского Союза, что в итоге привело к национализации исследований и интерпретаций, а следом и к конфронтации национальных исторических школ [3, p. 73]. Подтверждение тому – польско-белорусский историософский спор, относящийся к территории, которую поляки называют «восточным пограничьем» (их северо-восточная часть), а белорусы – «Западной Беларусью» [3, p. 73–74].

В оценке Бугайска-Вецлавской, белорусы оспаривают достоверность данных переписей населения II Польской Республики и национального состава этих земель в сентябре 1939 г., интерпретируют действия белорусской общины как проявления элементов социальной справедливости, обвиняя польскую сторону «в вековом угнетении и эксплуатации земли и ее непольских граждан» [3, p. 74]. Поляки же придерживаются принципа исторических границ, основанного на аргументах, свидетельствующих о преемственности государственности на данной территории в соответствии с международным правом. В то же время они обращают внимание на отсутствие в белорусской историографии точного определения территориальной области, известной как Западная Беларусь. При этом польские историки отмечают, к примеру, существенные различия между Вильнюсской, Белостокской и Новогрудской губерниями [3, p. 74].

Польское понимание всего восточного приграничья, в оценке автора статьи, заключается в обобщении территорий этнической Беларуси, Литвы, Украины и юго-восточной Латвии. Это земли, которые исторически были определены как польские и в материальном, и в идеологическом плане. Позиции же еврейской и белорусской общин в сентябре 1939 г. поляки трактуют как «государственную измену» [3, p. 74]. Автор подчеркивает, что

все интерпретации польской историософии опираются на два аргумента: польский и антисоветский, тогда как нарратив белорусской стороны основан на национальном и этническом контексте [3, p. 75].

Попытки расширить Национальный совет Республики Польша за счет введения представителей белорусского населения в 1939–1945 гг. рассматривает в своей работе «Mniejszość bez reprezentacji... Kwestia przedstawicieli środowisk białoruskich w Radzie Narodowej Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1939–1945» («Меньшинство без представительства... Вопрос о представителях белорусских кругов в Национальном совете Республики Польша в 1939–1945 гг.») Р. Высоцкий [12]. Автор считает, что введение представителей белорусов в состав польского Национального совета должно было стать актом признания их равными с поляками гражданами страны. Однако непоследовательность действий польского правительства, все попытки отбора представителей белорусского населения для Совета и неспособность ввести белорусских представителей в Национальный совет Польши имели к далеко идущие последствия и оказали значительное влияние на судьбу региона и его жителей [12, p. 33].

Проблеме несостоявшейся белорусской национальной государственности после 1917 г. и вплоть до Второй мировой войны посвящена статья Е. Гжибовского «Memoriały Białoruskiej Rady Centralnej do premiera Wielkiej Brytanii i prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na uchodźstwie w roku 1945» («Мемориалы Белорусского центрального совета премьер-министру Великобритании и президенту Польской Республики в изгнании в 1945 году») [6]. Автор отмечает, что на версальской карте в Европе не было независимого белорусского государства. Но в марте 1918 г. в Минске была провозглашена Белорусская народная республика (БНР) [6, p. 30]. Однако представителям БНР («белорусским сторонникам независимости» – так у автора. – *И.Р.*) не удалось защитить провозглашенную государственность, что было связано с невозможностью реализации белорусских национальных требований, поскольку они могли рассчитывать исключительно на собственные силы. При этом в период с 1918 по 1921 гг. белорусов поддерживали и Германия, и Польша, и Литва, и даже Советская Россия [6, p. 30]. В межвоенный период, считает Гжибовский, на состояние «белорусского дела» повлияли польская и советская политика. По его мнению, и Варшава, и Москва не были заинтересованы в создании независимого белорусского

государства. Гжибовский пишет, что в составе СССР существовала БССР со столицей в Минске, но, по его мнению, «она была фикцией, лишенной всякой политической самостоятельности» [6, p. 30]. В Варшаве «белорусский вопрос» рассматривался как внутренняя проблема. С точки зрения властей Второй Республики, наиболее эффективный способ решения этой проблемы – ассимиляция белорусского меньшинства [6, pp. 30–31]. В ситуации, когда ни Варшаве, ни Москве нечего было предложить белорусским сторонникам независимости, перспективной становилась их очередная ориентация на Берлин [6, pp. 30–31].

Тем не менее часть представителей белорусского лагеря, не надеявшаяся на сотрудничество с Германией, искала контакты с антигитлеровской коалицией. С этой целью в тайне от Германии велись переговоры с властями Польши в изгнании. Осознавая сложную ситуацию, белорусы хотели наладить контакты с союзниками, в первую очередь с англичанами. Автор пишет о том, что в 1940–1943 гг. в Варшаве, Вильнюсе и Минске произошла серия переговоров между белорусскими активистами и представителями польского правительства в изгнании, но достичь соглашения оказалось невозможным [6, p. 31].

В целом тематика белорусоведческих исторических публикаций на страницах люблинского журнала «Studia Białorutenistyczne» если и не формирует принципиально новых направлений в польском белорусоведении, то стимулирует интерес к изучению белорусской истории в Польше.

Литература

1. Карев Д. Белорусоведение в Польше в новейший период истории (20-е гг. XX – нач. XXI века): историографические, источниковедческие, историко-культурологические аспекты проблемы // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. Ст. по материалам международн. научн. конф. (Пинск, 21–22 октября 2016 года) / под редакцией Р. Гагуа. Пинск: Полесский государственный университет, 2016. С. 372–381.

2. Карев Д., Дудько А. Зарождение научного белорусоведения в Великобритании и Польше (1918–1939 гг.) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: Сб. научн. Ст. по материалам второй международн. научн. конф.. В 2-х частях. (Пинск, 24–25 ноября 2017 года) / под редакцией Р. Гагуа. Вып. 2. Ч. 2. Пинск: Полесский государственный университет, 2017. С. 151–157.

3. Bugajska-Więcławska J. «Między pomnikami zwycięzców a grobami na wiejskich cmentarzach». Polska – Białoruś. Rozważania o historiozofii // Studia Białorutenistyczne № 15.

2021. Pp. 71–86. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/10084 (дата обращения: 03.04.2023).

4. Cichoracki P., Dufrat J. U progu dymisji. Wojewoda poleski Jan Krahelski wobec sytuacji na Polesiu w 1932 r. // Studia Białorutenistyczne № 14. 2020. Pp. 57–69. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/9755 (дата обращения: 02.04.2023).

5. Gabryś-Sławińska Monika Belarus on the Pages of the Weekly «Świat» in the Period 1918–1919 // Studia Białorutenistyczne № 16. 2022. Pp. 11–27. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/12985 (дата обращения: 30.03.2023).

6. Grzybowski J. Memoriały Białoruskiej Rady Centralnej do premiera Wielkiej Brytanii i prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na uchodźstwie w roku 1945 // Studia Białorutenistyczne. № 16. 2022. Pp. 11–27. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/13174 (дата обращения: 30.03.2023).

7. Jankowiak M. Prasa białoruska międzywojennej Łotwy (przegląd wydawnictw) // Studia Białorutenistyczne № 15. 2021. Pp. 11–31. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/11348 (дата обращения: 31.03.2023).

8. Korzeniowski M. Białoruś i jej mieszkańcy w latach I wojny światowej w świetle wspomnień // Studia Białorutenistyczne № 12. 2018. Pp. 21–33. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/7699 (дата обращения: 08.04.2023).

9. Semianchuk A. Eufrozyna – Przedsława – Prakseda – Paraskiewa w białorusko-litewskich kronikach XVI wieku // Studia Białorutenistyczne № 14. 2020. Pp. 11–32. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/9147 (дата обращения: 02.04.2023).

10. Siarkou A. Polityka władz lokalnych wobec rosyjskojęzycznych towarzystw kulturalno-oświatowych na terytorium guberni białoruskich w latach 1905–1914 Studia Białorutenistyczne № 11. 2017. Pp. 55–70. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/4138 (дата обращения: 10.04.2023).

11. Tarasiuk D. Polacy wobec białoruskich aspiracji narodowych w Mińsku w 1917 roku // Studia Białorutenistyczne № 10. 2016. Pp. 29–38. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/3689 (дата обращения: 17.04.2023).

12. Wysocki R. Mniejszość bez reprezentacji... Kwestia przedstawicieli środowisk białoruskich w Radzie Narodowej Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1939–1945 // Studia Białorutenistyczne № 15. 2021. Pp. 33–53. URL: https://journals.umcs.pl/sb/article/view/11881 (дата обращения: 01.04.2023).

I.I. Rodionov
Smolensk State University

Modern Polish Belarusian studies on the pages of the journal «Studia Białorutenistyczne» (Lublin)

Key words: foreign Belarusian studies; Poland; Marie Curie-Sklodowska University; Studia Białorutenistyczne.

The article annotates the publications of the Polish magazine «Studia Białorutenistyczne» on various aspects of Belarusian history. The initiator of the creation of this publication was the Faculty of Humanities of the Institute of Slavic Philology at the Maria Sklodowska-Curie University in Lublin. The first issue of the yearbook was published in 2007. The publication, as originally intended, has a philological orientation in general. However, the issues of the humanities and social sciences are also considered on its pages. In terms of Belarusian studies, the journal set itself the task of updating the past and modern research concepts. The general topic of articles on Belarusian history is built within the framework of Polish-Belarusian relations and the Polish narrative. However, in most of the historical publications of the magazine, one line clearly emerges – the Polish one.

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:

история и культура в прошлом и настоящем

Выпуск девятый

Издательство
Смоленского государственного университета

Редакторы О.В. Папко, И.В. Марусова
Компьютерная верстка А.П. Борисов

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать ризографическая. Усл. п. л. 5,69. Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 100 экз.

Заказ № 70.

Отпечатано в ИП Суркова Н.Н.
214000, Смоленск, ул. Б. Советская, 12/1

ISBN 978-5-88018-600-6

9 785880 186006